

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка

*Сборник материалов
Международной научно-практической
конференции, посвященной 100-летию
со дня образования органов прокуратуры
Республики Беларусь*

Минск, 14 июня 2022 г.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

**Надзорно-правоохранительная
деятельность прокуратуры
в условиях глобальной
трансформации систем обеспечения
национального правопорядка**

*Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня образования
органов прокуратуры Республики Беларусь*

Минск, 14 июня 2022 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2022

УДК 347.963(476)(06)
ББК 67.72(4Бел)я431
Н17

Рекомендовано
Ученым советом государственного учреждения «Научно-практический
центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
2 июня 2022 г., протокол № 3

Редакционная коллегия:
*В.В. Марчук (главный редактор), Е.А. Коротич, Н.А. Полящук,
А.С. Карабельникова*

Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в усло-
Н17 виях глобальной трансформации систем обеспечения национального
правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ.
100-летию со дня образования органов прокуратуры Республики Бе-
ларусь (Минск, 14 июня 2022 г.) / ГУ «Науч.-практ. центр проблем
укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ.
Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд.
центр БГУ, 2022. – 259 с.
ISBN 978-985-553-760-2.

УДК 347.963(476)(06)
ББК 67.72(4Бел)я431

ISBN 978-985-553-760-2

© ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь», 2022
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Афонченко Т.П. Направления деятельности прокуратуры Республики Беларусь как проявление социального контроля	11
Белоглазов А.И. О соотношении прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля на досудебном производстве в уголовном процессе	14
Бурый В.Е. О состоянии белорусских тюрем в XIX веке и основных направлениях прокурорского надзора по укреплению в них законности и правопорядка	17
Головко И.И. Защита интересов органов и организаций прокуратуры как задача прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве	19
Касьянова Е.В. Новеллы законодательства и практики проведения криминологической экспертизы законопроектов	22
Кожевников О.А. Новое в организации прокуратуры в странах Союзного государства	24
Козлова Е.А. Надзор за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам как способ реализации правозащитной функции органов прокуратуры Республики Беларусь	27
Кукеев А.К. Организационная и правовая природа специализации органов прокуратуры Республики Казахстан	30
Луговский С.Г. Органы прокуратуры как субъект обеспечения общественной безопасности в Республике Беларусь	32
Марчук В.В. Криминологическая экспертиза в контексте реализации предупредительной функции прокуратуры Республики Беларусь	35
Мурашкин И.Ю. Противодействие коррупции как одна из функций деятельности органов прокуратуры	38

Никитин Ю.А. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о профилактике правонарушений в состоянии алкогольного опьянения	41
Омельянович В.В. К вопросу о новой компетенции прокурора, позволяющей повысить эффективность его деятельности в государственном механизме обеспечения национального правопорядка.....	43
Руденя Ю.Е. «Общий надзор»: проблемы, тенденции, перспективы.....	46
Русецкий О.В. Прокуратура в системе государственной антинаркотической деятельности	50
Судник Т.В. Роль прокуратуры в сфере защиты прав плательщиков налогов	53
Хомич В.М. О правозащитной компетенции органов прокуратуры Республики Беларусь	56
Швед Н.А. О некоторых аспектах защиты персональных данных в органах прокуратуры	60
Юрочкин С.М., Сенкевич Д.К. Роль органов прокуратуры Республики Беларусь в обеспечении национальной безопасности	62
 ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА	
Булгакова Л.С. К вопросу об определении понятия «правоохранительные органы».....	66
Гашикова Т.В. О развитии уголовного законодательства в условиях существования глобальных экологических вызовов	69
Герасимова С.И. Медиация в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних	72
Горошко Е.Ю. Проверка версий о причине пожара	75

Григорьев В.В. Проблемы формирования комплексного подхода к профилактике экстремизма в молодежной среде	78
Данилевич А.А. Процессуальная функция речи прокурора и защитника в судебных прениях.....	81
Данько И.В. О правовом регулировании полномочий прокурора при приостановлении проверки по заявлению, сообщению о преступлении	84
Дубко М.А. Киберпреступность как угроза национальной безопасности.....	87
Дятлова В.О. Сущность и место экономической преступности в системе источников угроз национальной безопасности	89
Ескендеров А.А. Ювенальный правонарушитель как объект криминологического исследования.....	92
Жинко Е.В. Принцип двойного подчинения органов внутренних дел как фактор, снижающий эффективность противодействия коррупции	95
Зарубин А.В. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи)	98
Исламова Э.Р. Обращение в доход государства имущества должностных лиц в Российской Федерации и Республике Беларусь как мера противодействия коррупции	100
Кондратьев С.В. Актуальные вопросы профилактики правонарушений и противодействия преступности.....	103
Коротич Е.А. Организационно-управленческие средства минимизации коррупционных рисков в сфере экономической деятельности как элемент предупреждения коррупции	106
Коршунова О.Н. Особенности использования полномочий прокурора в противодействии экстремизму: сравнительно-правовой анализ	109

Лузгин И.И. Технико-криминалистическое обеспечение с точки зрения теории систем	112
Малевич О.А. Информационно-правовое обеспечение как элемент превентивной деятельности в сфере противодействия торговле людьми и связанным с ней преступлениям	114
Мозоль Р.Н. Преступления, преступность и правоохранительная деятельность в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка	117
Морозова А.А. Проблемы санкционного обеспечения норм об ответственности за посредничество в коммерческом подкупе и наказания за его совершение	120
Нурпейис А. Некоторые аспекты правовой регламентации наказания в виде выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца и лица без гражданства	122
Пацкевич А.П., Середа А.Е. Правовые основы применения видеофиксации с возможностью распознавания лиц в Республике Беларусь	127
Рахманова Е.Н. О влиянии глобализационных процессов на современную преступность	130
Рочева Е.А. Профилактика правонарушений в подростковой и молодежной среде (мнение прокурора)	133
Сердюк А.Ю. Виды финансовых пирамид. Интернет пирамиды. Криптовалюта как финансовая пирамида	136
Терешков Н.В. Проблемы уголовной ответственности за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, на территории иностранного государства	139
Хохряков М.А. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в обеспечении пределов судебного разбирательства	141

Худяков А.В.	
Политический терроризм: сущность и прокурорский надзор	144

Челядинский С.А.	
Отдельные проблемы правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий	147

Чернолевский А.Ю.	
Совершенствование правовой основы обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь	150

Шаркова Е.А.	
Некоторые аспекты механизма преступного поведения в криминологической теории	153

Шпак С.В.	
К вопросу о необходимости учета мнения потерпевшего при оценке существенности вреда для квалификации отдельных преступлений против интересов службы и против воинской службы	156

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Белокопытов В.В.	
Осуществление прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных и иных кризисных ситуаций	159

Бибило В.Н.	
Соотношение судебного контроля и прокурорского надзора за исполнением приговора	162

Бильдейко А.А.	
Перспективы развития прокурорского надзора за исполнением законодательства и законностью правовых актов	165

Бурмагин С.В.	
О роли прокурора в реализации оперативного судебного контроля в уголовном процессе Российской Федерации	168

Васько Н.О.	
Прокурорский надзор за предварительным следствием: история развития и пути совершенствования процессуального статуса прокурора	171

Гордынец П.А.	
Проблемы прокурорского надзора в обеспечении законности и правопорядка	174
Денисултанов И.С.	
Некоторые вопросы доказывания по делам о защите интеллектуальных прав с участием прокурора.....	177
Довгялло М.М.	
Прокурорский надзор как эффективная мера экологического контроля.....	179
Зайцева Л.Л.	
Полномочия прокурора при примирении обвиняемого с потерпевшим в досудебном производстве	182
Корнева Т.С.	
Проблемы обеспечения принципа законности в аспекте нормативного регулирования деятельности прокуратуры	185
Лапцевич И.И.	
Принудительные меры воспитательного характера сквозь призму прокурорского надзора	187
Мартыненко И.Э.	
Особенности организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства об охране археологического наследия	191
Олейник А.В.	
О некоторых вопросах прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности.....	194
Петрова О.В.	
Новеллы законодательного регулирования поддержания государственного обвинения как укрепление функции уголовного преследования	197
Плоскунов Д.В.	
Процессуальное реагирование прокурора на нарушения законодательства при исполнении постановлений по делам об административных правонарушениях.....	200
Поляшук Н.А.	
Правовой мониторинг и прокурорский надзор в обеспечении законности и правопорядка	202
Рубцова М.В.	
Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности в транспортной сфере с учетом происходящих процессов	205

Можаяева Л.Е., Савченко Д.Г.	
Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	208
Савчук Т.А.	
Расширение диапазона мер прокурорского реагирования в досудебном производстве в свете реформирования уголовно-процессуального законодательства	211
Саковец И.Н.	
Организационно-правовые способы обеспечения законности во внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь	214
Серова Е.Б.	
К вопросу о полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела	216
Сидоренко Д.О.	
Некоторые аспекты осуществления прокурорского надзора за соблюдением законодательства об обращении с отходами	219
Трипузова А.А.	
Актуальные проблемы и направления совершенствования прокурорского надзора за соблюдением антимонопольного законодательства	222
Хромушин М.А.	
Влияние технологий негласного получения информации на соблюдение конституционных принципов оперативно-розыскной деятельности	225
Чернышева Л.А.	
К вопросу о защите трудовых прав	228
Чижик Е.В.	
Участие прокурора в деятельности по применению к осужденному условно-досрочного освобождения от наказания	230
Чуешов К.В.	
Отдельные аспекты осуществления прокурорского надзора за соблюдением законодательства об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта	233

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Богданович Н.А.

К вопросу о международном розыске с целью выдачи лиц,
совершивших преступления и скрывшихся от органов
предварительного следствия или суда..... 237

Граш В.В.

Развитие международно-правового сотрудничества в сфере
уголовного преследования 239

Карабельникова А.С.

Участие Республики Беларусь в механизме обзора хода осуществления
Конвенции ООН против коррупции 242

Плохов С.В.

О международном сотрудничестве Генеральной прокуратуры Российской
Федерации в сфере противодействия информационной преступности..... 245

Самарин В.И.

Некоторые аспекты прокурорского надзора, связанного с экстрадицией..... 248

Наши авторы 252

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Афонченко Т.П.

В национальной правовой системе конституционный статус придается наиболее важным, базовым общественным отношениям, органам государственного механизма и структурам, олицетворяющим реализацию различных форм представительной демократии. Действующая Конституция Республики Беларусь закрепляет основы деятельности прокуратуры в главе 7 раздела VI «Прокуратура. Комитет государственного контроля». Объединение в одном разделе норм, касающихся функционирования указанных органов, концептуально определяет контрольно-надзорный характер их деятельности. Наиболее общие направления деятельности прокуратуры формулирует ст. 125 Основного Закона: «Надзор за точным и единообразным исполнением законов, указов и иных нормативных правовых актов министерствами и другими подчиненными Совету Министров органами, местными представительными и исполнительными органами, общественными объединениями, другими организациями, должностными лицами и гражданами возлагается на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствии закону судебных постановлений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, в случаях, предусмотренных законом, проводит предварительное следствие, поддерживает государственное обвинение в судах».

Организационные и правовые основы деятельности прокуратуры Республики Беларусь, а также отношения в области осуществления прокурорского надзора и выполнения иных функций, возложенных на прокуратуру, регулирует Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» 2007 г. (далее – Закон). Давая дефиницию прокуратуры, Закон в ст. 1 закрепляет, что прокуратура является единой и централизованной системой органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами. Содержательно деятельность прокуратуры раскрывается посредством обозначения стоящих перед рассматриваемой структурой задач (ст. 4 Закона): обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. В целях выполнения этих задач прокуратура осуществляет надзор за: точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных правовых актов республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь,

местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями; исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания; соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении; соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера. Прокуратура координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, деятельность по профилактике правонарушений. Прокуратура проводит предварительное следствие в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. Прокуроры принимают участие в рассмотрении судами гражданских дел, дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, поддерживают государственное обвинение по уголовным делам, участвуют в административном процессе в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь, Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь, Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь и Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В подобном контексте надзорная, координирующая и иная деятельность прокуратуры является проявлением официального социального контроля (термин «социальный контроль» считается введенным в научный оборот в 1896 г. Эдвардом А. Россом) в широком его понимании – как способа обеспечения исполнения законодательных и иных нормативных предписаний, выражающих общеобязательный стандарт поведения в обществе в целом либо в рамках отдельного, например, профессионального, сегмента в той или иной сфере, поскольку общепринятые либо формально закрепленные требования (правила), обусловленные моральными, религиозными, техническими, правовыми и иными нормами, обеспечивают безопасность социальных сообществ на любом из уровней. Общепринятым и укоренившимся в правосознании индивидов является понимание прокуратуры как мультифункциональной государственной структуры надзора за законностью и обеспечения его единообразного применения в точном соответствии с «буквой и духом закона».

В то же время, такой принцип, как гласность, позволяет рассматривать деятельность прокуратуры как объект неофициального контроля уже непосредственно со стороны социума. Законность в деятельности прокуратуры трактуется как наличие правовых оснований в виде Конституции и иных актов законодательства. Право определяет пределы свободы индивида, формализованного равенства и требований социальной справедливости, однако этого недостаточно для исходной характеристики сути социально-правового контроля, необходима взаимная уравниваемая и сбалансированная

ответственность тех, кто осуществляет социальный контроль, и тех, кто ограничивается в своих правах в результате контроля.

Кроме того, участвуя в нормотворческой деятельности, прокуратура тем самым способствует закреплению общеобязательных правил поведения, во многих случаях определяя рамки, или пределы, вариативности контролируемого поведения. Ответственная позиция в вопросе осуществления социально-правового контроля как со стороны прокуратуры – института публичной власти, – в отношении гражданского общества (граждан), так и в отношении самих представителей прокуратуры позволяет не только обеспечить предупреждение социально опасного поведения, но в первую очередь произвести адекватную и профессионально аргументированную оценку того, что опасно для социальной системы, и какая санкция и мера защиты должна быть предпринята для сохранения общественного спокойствия. Последнее особенно важно при поддержании государственного обвинения.

Публичный характер полномочий прокуратуры определяет их легитимность, социальную востребованность, а, следовательно, и возможность осуществлять социальный контроль в отношении общества, наделившего прокуратуру указанными полномочиями.

Социальный контроль находит свое выражение посредством придания обязательности исполнения требований прокурора как одного из принципиальных положений реализации функций прокуратуры.

Деятельность прокуратуры реализуется и в рамках осуществления социального уголовно-правового контроля как одной из форм проявления контролирующего воздействия в отношении наиболее опасных социальных девиаций: поддержание государственного обвинения в суде, надзор за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания; соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении; соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности; координация правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, являются, фактически, специфическими формами социального контроля преступности. Отметим, что решение задач прокуратуры в сфере уголовного преследования и поддержания публичного обвинения связано с соблюдением уголовно-процессуальной процедуры, иными словами, в этой части социальный уголовно-правовой контроль обладает наиболее масштабным потенциалом ограничения личного пространства индивида, гарантируемых ему прав и свобод, что актуализирует соответствие названных форм проявления социального контроля со стороны органов прокуратуры уголовно-процессуальной форме.

О СООТНОШЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА, ВЕДОМСТВЕННОГО И СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Белоглазов А.И.

В юридической литературе понятия и сущность прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля неизменно пересекаются и противопоставляются друг другу.

Проблема соотношения ведомственного контроля и прокурорского надзора за расследованием уголовных дел органами предварительного следствия и органами дознания недостаточно полно исследована в науке.

Противоречивый характер носит мнение относительно того, руководит ли прокурор деятельностью следователей всех следственных органов или только осуществляет надзор за ее законностью. Ведь в данных органах руководство расследованием и контроль за ним, в том числе и процессуальный, осуществляет руководитель следственного подразделения, который, наравне с прокурором, является участником уголовно-процессуальной деятельности.

Прокуратура выступает в качестве организационно самостоятельного государственно-правового института, деятельность которого направлена на обеспечение соблюдения режима законности в нашей республике.

По мнению В. Б. Ястребова, специфика работы прокуратуры заключается в том, что она является единственным государственным органом, для которого надзор за соблюдением законов составляет смысл и основу деятельности.

Сущность прокурорского надзора заключается в осуществлении надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства за соблюдением законов органами, которые проводят предварительное следствие с целью защиты прав и свобод граждан. Именно непрерывность прокурорского надзора за досудебным производством уголовного дела содействует выявлению нарушений закона, от кого бы эти нарушения не исходили.

Прокурорский надзор рассматривают как одну из форм государственной деятельности, которая обеспечивает точное и неуклонное исполнение законов как одно из условий соблюдения конституционных гарантий по охране прав и законных интересов граждан. Такая деятельность субъектов прокурорского надзора заключается в выявлении нарушений закона с целью их устранения, восстановления нарушенных прав человека и гражданина, а также привлечения правонарушителей к различным видам правовой ответственности.

По большому счету прокурорский надзор – это урегулированные законом правоотношения, возникающие при его осуществлении между органами прокуратуры и другими учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, а также между субъектами прокурорского надзора при выполнении ими функций прокуратуры.

Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

В досудебном уголовном производстве одной из основных обязанностей прокурора является осуществление надзора за деятельностью органов предварительного расследования в форме процессуального руководства. Такой надзор является эффективным инструментом государственной охраны прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В юридической энциклопедии ведомственный контроль рассматривается как контроль, осуществляемый ведомствами, что дает возможность контролировать состояние дел в сфере деятельности соответствующих органов.

Контрольные полномочия этих органов закреплены на ведомственном уровне (приказы, инструкции, положения). По мнению А. С. Ахмадуллина, ведомственный контроль является одним из трех неотъемлемых элементов системы контроля и надзора за законностью проведения досудебного расследования, наряду с судебным контролем и прокурорским надзором.

Основными задачами ведомственного контроля является обеспечение выполнения требований законов и нормативных правовых актов, которые определяют порядок проведения предварительного следствия; своевременность и качественное принятие и выполнение управленческих решений; повышение общего уровня организационной и оперативно-служебной деятельности и т. д.

Без определения роли и правильного понимания правового положения руководителя органа досудебного расследования и разграничения его полномочий с полномочиями прокурора, осуществляющего надзор за досудебным расследованием в форме процессуального руководства, невозможно более или менее усвоить законодательные нововведения по этим вопросам.

Итак, аксиомой является то, что обеспечение соблюдения законности при принятии следователем решений напрямую зависит от эффективности и действенности механизмов руководства предварительным следствием. Справедливо утверждение и о том, что роль и значение руководителя следственного подразделения заключается в том, чтобы должным образом организовать уголовно-процессуальную деятельность возглавляемого подразделения, реализуя полномочия, закрепленные в ч. 2 ст. 35 УПК.

Таким образом, выяснение организационной роли руководителя органа досудебного расследования в досудебном уголовном производстве, а также определение надзорных функций прокурора, которые он осуществляет в форме процессуального руководства досудебным расследованием, позволит четко и корректно разграничить их полномочия в этой правовой сфере.

Если же попытаться определить соотношение правовых форм деятельности прокурора, на которого возлагается надзор за предварительным расследованием, и руководителя следственного подразделения, который по закону организует предварительное расследование – в указанном контексте существенной разницы между ними нет. Она есть только в объеме полномочий, которые должны дополнять друг друга на пути достижения общей цели – установлении объективной истины и наказании виновных.

В научных кругах сформировались три точки зрения относительно соотношения судебного контроля и прокурорского надзора. Первая группа ученых, к которым относятся Л. И. Кокарев, О. А. Кожевников, являются противниками существования судебного контроля на стадии досудебного производства и полагают, что он противоречит сущности судебной власти,

а санкционирование судом следственных и процессуальных действий означает осуществление судом административной функции, а не правосудия. Иной точки зрения придерживаются ученые, которые рассматривают судебный контроль как основное средство защиты прав и законных интересов граждан в уголовном процессе с постепенной заменой прокурорского надзора судебным контролем. Третья группа правоведов (Н. А. Колоколов) отстаивает необходимость разумного сочетания рассматриваемых правовых институтов в интересах обеспечения как уголовного преследования, так и защиты прав граждан.

Направление судебного контроля в уголовно-процессуальном законодательстве на стадии досудебного производства ограничивается ст. 144 УПК и заключается в судебной проверке законности и обоснованности применения задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста.

Многие отечественные ученые выступают за расширение направления судебного контроля. Так, П. В. Мытник полагает, что необходимо привести в соответствие с международными нормами национальное законодательства в части лишения прокурора права санкционирования меры пресечения в виде заключения под стражу с одновременной его передачи суду. Данное предложение действительно можно рассматривать как перспективное совершенствование законодательной базы, однако М. Л. Хиревич предлагает пойти дальше и расширить судебный контроль до нейсвойственной ему деятельности, нагружая его административными функциями и снижая эффективность применения основной его функции – осуществления правосудия. Так, М. Л. Хиревич отмечает, что «в судебном порядке, наряду с уже предусмотренными в УПК Республики Беларусь решениями об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении производства по уголовному делу, уголовного преследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, должны обжаловаться также решения органов уголовного преследования о временном отстранении подозреваемого и обвиняемого от должности, о наложении ареста на имущество, об отказе в признании потерпевшим». Автор полагает, что внедрение указанных положений негативно отразится на осуществлении судом правосудия путем траты его времени на подобного рода административные решения, с которыми успешно и по сей день справляется четко выстроенная контрольно-надзорная система в лице прокуратуры, начальника следственного подразделения и подразделений процессуального контроля, о которых указывалось ранее.

По своей сути ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль не должны составлять конкуренции и исключать друг друга, а, реализуя принцип законности, должны действовать согласованно, дополняя друг друга.

О СОСТОЯНИИ БЕЛОРУССКИХ ТЮРЕМ В XIX ВЕКЕ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПО УКРЕПЛЕНИЮ В НИХ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Бурый В.Е.

В результате трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг. между Россией и другими европейскими государствами, вся современная территория Республики Беларусь вошла в тот период в состав Российской империи. В связи с этим, к титулам российского императора добавился титул «царь Польский». Территория современной Беларуси вошла в конце XVIII века в состав Российской империи в границах Царства Польского и Ломжинской губернии (в которые вошла часть современной Гродненской области, в т.ч. весь Щучинский район), Виленской губернии (например, города Молодечно, Лида, Вилейка, Ошмяны и др., с прилегающими к ним территориями, районами), Могилевской, Минской, Гродненской и Витебской губерний.

Как следствие, в конце XVIII – начале XIX веков нагрузка и усилия царской и местной (губернской, уездной) власти, силовых и иных ведомств, а также различных общественных организаций в укреплении правопорядка, в том числе в пенитенциарной системе, значительно возросли, учитывая реальное «плачевное» состояние всей системы отбывания наказания в виде лишения свободы в как в российских, так и в белорусских тюрьмах (замках, крепостях, острогах).

На протяжении почти всего XIX века, вплоть до 1880-х годов (27.02.1879 в МВД было образовано Главное тюремное управление, которое прекратило слабоэффективную деятельность Департамента исполнительной полиции и Попечительского о тюрьмах общества, в этом году также был создан Совет по тюремным делам, целью которых стало преобразование всей тюремной системы страны), несмотря на все принимаемые бессистемные меры и полумеры МВД и Министерством юстиции (оба ведомства образованы в 1802 г.) в части, касающейся благоустройства и четкой организации исполнения наказания в виде лишения свободы, тюремная система пришла в этот период «въ крайнее разстройство» – состояние пенитенциарных учреждений (в целом) и порядок отбывания наказания в виде лишения свободы (в частности) оставляли желать лучшего.

Эти выводы подтверждаются и иными отчетными архивными источниками, в которых достаточно красноречиво отражается низкий уровень режима и порядка отбывания наказания в местах лишения свободы (далее – МЛС) того периода. Так, например, из архивных документов МВД, приведенных в историческом очерке посвященном деятельности этого министерства в период с 1802 по 1902 гг., указывается, что до 1865 г. обязанности администрации в выполнении охраны и надзора в местах лишения свободы «...разделялись между надзирателями изъ инвалидовъ и военными караулами, внутренними и внешними». Кроме этого, законом Российской империи от 3 мая 1865 г., устанавливающим порядок организации охраны и надзора в тюрьмах, внутренние военные караулы были заменены вольнонаемными надзирателями, однако неудовлетворительное финансирование пенитенциарных учреждений создало условия и необходимость сокращать штатную численность надзирателей, даже несмотря на то, что «должность надсмотрщика (приставника)

въ догдашнихъ тюрьмахъ-острогахъ стояла такъ низко въ общемъ мненіи и такъ ничтожна была ея роль даже въ собственномъ тюремномъ быту, что не могло являться и мысли о предоставленіи такому мелкому служащему какихъ нибудь общихъ чиновничьихъ правъ.

Если учитывать социальную непрестижность такой работы и низкие размеры заработных плат тюремной администрации (например, средние оклады младшего «надзирательскаго содержанія нигде не достигали 20 р. въ мѣсяцъ, а въ некоторыхъ губерніяхъ едва превышали 8 р. въ мѣсяцъ»), а также учитывать тот фактъ, что надзиратели не получали «отъ казны ни одежды, ни пищи», то становится очевиднымъ «фактъ, на который не разъ обращалось вниманіе при ревизіяхъ, – полная зависимость надзирателей отъ арестантовъ». При этомъ нередко проверяющими лицами при инспектировании тюремъ наблюдалась следующая ситуация – «надзиратель въ арестантскомъ халате, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ и шашкою черезъ плечо, пользующійся, въ видѣ подачки, остатками пищи изъ арестантскаго котла, могъ быть только покорнымъ слугою арестантовъ», – позволяющая утверждать о томъ, что «въ действительности тюрьма управлялась арестантскою общиною, крепко сплоченною и выработавшею свои законы и традиціи; роль же начальства сводилась къ тому, чтобы жить въ ладъ съ этою общиною, мирволить ей, въ чемъ только можно, и ожидать, въ видѣ взаимной услуги, что община удержитъ своихъ сочленовъ отъ слишкомъ явныхъ нарушеній тюремнаго порядка».

Несмотря на предпринимаемые ранее мѣры по реформированію въ странѣ всей тюремной системы, только съ 1880-хъ гг. въ Россіи начали ея системно и целенаправленно реформировать. Значительная роль въ этой реформѣ, а также въ систематизаціи контроля и надзора за дѣятельностью тюремныхъ учреждений безусловно принадлежитъ «прокурорскимъ чинамъ» по всей вертикали, отъ Правительствующаго Сената до товарищей губернскихъ прокуроровъ (т. е. ихъ заместителей, помощниковъ) на мѣстахъ.

Основная задача въ МЛС прокурорскаго надзора состояла въ «защитѣ справедливости и взысканіи невинности». Реализація этой задачи закреплялась въ прокурорскомъ надзорѣ по разнымъ направленіямъ. Вместе съ темъ, согласно циркуляру ГТУ отъ 24.07.1879 № 1204 въ обязанности прокурорскаго надзора входили следующие три позиціи: а) принятіе мѣръ по надзору за правильностью основаній къ задержанію «каждаго изъ заключенныхъ и порядка содержанія ихъ въ установленномъ мѣстѣ заключенія», б) контроль входящей и исходящей корреспонденціи осужденныхъ лицъ, в) выдача разрѣшеній на свиданія следственно-арестованныхъ лицъ и надзоръ за содержаніемъ ихъ въ отдельныхъ изолированныхъ камерахъ (при необходимости).

Въ концѣ XIX вѣка расширеніе перечня задачъ прокурорскаго надзора въ МЛС продолжало увеличиваться, въ т. ч. и на законодательномъ уровнѣ. Такъ, къ началу 1900-хъ гг. прокурорскимъ работникамъ предписывался надзоръ за исполненіемъ законодательства въ МЛС уже по такимъ направленіямъ какъ: соблюденіе въ МЛС требованій законодательства по надежной изоляціи осужденныхъ къ лишенію свободы отъ общества, соблюденіе требованій режима и порядка отбыванія наказанія въ видѣ лишенія свободы (въ т. ч. соблюденіе пропускнаго режима въ МЛС, изоляціи различныхъ категорій осужденныхъ другъ отъ друга въ самомъ пенитенциарномъ учрежденіи при отбываніи ими наказаній), предупрежденіе побеговъ изъ МЛС и др.

Вместе с тем следует отметить, что тюремное руководство могло не исполнять требования «чиновъ прокуратуры», поскольку напрямую подчинялась не местному прокурору и директору (-ам) Попечительского общества о тюрьмах, а местному губернатору и руководству ГТУ, которое с 13.12.1895 передано было из МВД в Министерство юстиции.

Наиболее распространенные противоречия между тюремным начальством и прокурорскими работниками выражались в вопросах: наложения или снятия дисциплинарных взысканий в отношении осужденных (в т.ч. если ранее взыскание было наложено или снято осужденному правами тюремного начальника); условий содержания осужденных, охраны и надзора за ними (в т.ч. благоустройство тюрем, внутренних тюремных сооружений и помещений); обеспечения осужденных провиантом; медсопровождения и трудоустройства осужденных; и др.

Имели место достаточно серьезные конфликтные ситуации между вышеуказанными категориями «чиновъ» в решении вопросов порядка исполнения тюремными администрациями наказания в виде лишения свободы, а также организации ими соответствующего режима и условий отбывания осужденными этого наказания в МЛС. Эти ситуации разрешались в ГТУ и затем, периодически, эти решения публиковались в ведомственном журнале «Тюремный вестник», с целью разъяснения всем заинтересованным лицам алгоритма действий в подобных ситуациях (со ссылками на соответствующие положения действующих нормативных правовых актов) и предупреждения их возникновения в дальнейшем.

Таким образом, к началу XX-го века предметом надзора прокуроров в МЛС на всей территории страны (в т.ч. на территории белорусских земель) постепенно стали все «материальные условия содержания всех арестантовъ и вообще все хозяйство тюремное», несмотря на то, что «въ этихъ отношеніяхъ никакихъ распоряженій въ тюрьме ими не делалось». В этот период устанавливается также правило о соблюдении дисциплины самими прокурорскими работниками при посещении тюрем – если лицо прокурорского надзора «нарушаетъ тюремную дисциплину или вредитъ авторитету начальника тюрьмы, то последний обязан представить о семъ своему начальству, для возбужденія надлежащей переписки съ высшей прокурорскою властью».

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ КАК ЗАДАЧА ПРОКУРОРА, УЧАСТВУЮЩЕГО В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Головки И.И.

Цель деятельности прокуратуры, на наш взгляд, определяется ее предназначением, ее статусом и ролью в государственном механизме. Цель прокуратуры установлена в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) и состоит в обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Цель

прокуратуры в Законе о прокуратуре указана один раз и для различных направлений деятельности в положениях Закона не определяется.

В то же время в некоторых работах обосновываются выводы о цели прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве. В научно-методическом пособии Ю. В. Корулина приводит следующие положения: «цели деятельности прокурора по участию в гражданском процессе производны от общих целей деятельности прокуратуры и заключаются в содействии правосудию по гражданским делам, защите в соответствии с имеющейся компетенцией прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов, укреплении законности в сфере гражданского судопроизводства» [1, с. 15].

В диссертациях на соискание учетной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» высказаны следующие мнения: участвуя в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу прокурор достигает две цели: содействие суду в обеспечении законности, и по отношению к лицу, права и свободы которого могут быть нарушены, правоохранительная функция [2, с. 159]; цели прокурора – обеспечение верховенства закона, укрепления законности, защита и восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов, государства, цивилистических отношений [3, с. 12, 20].

Полагаем, что цель прокуратуры едина для всех направлений деятельности, и участие прокурора в гражданском судопроизводстве не является исключением из этого правила.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ) в ст. 2 определил задачи судопроизводства (правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений; укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду, мирное урегулирование споров), которые обеспечиваются судами. ГПК РФ цели и задачи для прокурора не устанавливает. Следовательно, базовым положением о цели прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве, является п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре.

В гражданском судопроизводстве прокурор выступает от имени прокуратуры-ответчика в случае, если предъявлены соответствующие требования о восстановлении на работе, о выселении, о возмещении вреда жизни и здоровью, морального вреда и пр. Прокуратура выступает истцом, например, по делам о выселении. ГПК РФ не содержит специальных норм, регламентирующих участие в деле прокурора в качестве представителя ответчика (ответчика), истца, применяются общие процессуальные правила. Также необходимо руководствоваться требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2018 № 144 «Об организации работы по обеспечению представительства и защите интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах».

Основанием обращения в суд с заявлением к органу прокуратуры является наличие, по мнению лица, нарушения его прав и интересов органами

прокуратуры. В судебном заседании осуществляется проверка законности решений и действий органа прокуратуры, результаты которой отражаются в решении суда и обосновывают выводы суда о наличии либо отсутствии оснований удовлетворения требований истца. Прокурор, участвующий в деле в качестве представителя ответчика, истца должен представить все необходимые доказательства, отвечающие требованиям ст. 55, 59, 60, 67 ГПК РФ; принять участие в исследовании доказательств и объективно оценить доказательства другой стороны; дать полные и обоснованные объяснения суду и др. В качестве ожидаемого результата в такой ситуации следует определить отказ суда в удовлетворении необоснованных исковых требований лица, обратившегося в суд с исковым заявлением, если прокурор выступал истцом – удовлетворение искового заявления прокурора.

Возникает вопрос о том, как соотносятся обеспечение интересов органов и организаций прокуратуры и цель участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Правозащитная составляющая цели деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве достигается путем реализации полномочий, направленных на защиту прав и свобод граждан, интересов общества и государства. В числе защищаемых субъектов не указаны органы и организации прокуратуры. Подобная формулировка была бы неверной, учитывая государственное предназначение прокуратуры. Таким образом, защита интересов органов и организаций прокуратуры не является составляющей цели прокуратуры.

В научных публикациях изучаемый вопрос не нашел исчерпывающего отражения. Приведем мнение Ю. В. Корулиной, которая полагает, что задачами прокурора являются «укрепление законности и охрана от посягательств основ конституционного строя; прав и охраняемых законом интересов граждан; охраняемых законом интересов предприятий, организаций» [1, с. 7]. В диссертации Т. Н. Воробьева отмечается, что задачи прокурора в гражданском процессе заключаются в эффективном исполнении прокурорами своих обязанностей, перечисленных в законе и продублированных в приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, что способствует достижению поставленных целей [3, с. 20]. Авторы приведенных выводов не высказались по вопросу защиты интересов органов прокуратуры.

Полагаем, что обеспечение защиты интересов органов и организаций прокуратуры надлежит определить задачей прокуратуры. Именно как задача она является проблемой текущего характера, которая должна быть решена в определенный период времени путем реализации полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве. При наличии соответствующих обстоятельств конкретная задача защиты интересов органов и организаций прокуратуры может возникнуть, при отсутствии обстоятельств может и не обозначиться.

В заключение сформулируем следующие выводы. Защита интересов органов и организаций прокуратуры в гражданском судопроизводстве отличается особенностями процессуального положения прокурора и объема его процессуальных прав и обязанностей. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в защиту интересов органов прокуратуры характеризуется процессуальным положением истца, обладающего всеми распорядительными правами. Прокурор, защищающийся от предъявленных требований, является ответчиком, выступающим в деле в защиту своих интересов, и также не ограничен в процессуальных полномочиях. Таким образом, в случае участия

в гражданском судопроизводстве в защиту интересов органов и организаций прокуратуры прокурор является стороной по делу.

Список цитированных источников

1. Корулина, Ю. В. Участие прокурора в гражданском процессе: социальное предназначение и полномочия : науч.-методич. пособие / Ю. В. Корулина; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М. : 2012. – 93 с.
2. Токарева, Е. В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе : дис. ...канд. юрид. наук / Е. В. Токарева. – СПб. : 2015. – 215 с.
3. Воробьев, Т. Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Н. Воробьев. – Саратов : 2019. – 27 с.

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАКОНОПРОЕКТОВ

Касьянова Е.В.

Нормотворческий процесс в последние годы претерпел существенные изменения, в том числе и под влиянием динамичного развития различных сфер общественных отношений, требующих своевременного и качественного правового регулирования. Решение данной задачи повлекло необходимость совершенствования системы подготовки и корректировки нормативных правовых актов, в числе которых регулирующие порядок проведения криминологической экспертизы как части нормотворческого процесса.

В 2021 году правила осуществления криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов были изложены в новой редакции, включающей ряд инноваций.

Впервые в Положении о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 (далее – Положение), закреплено проведение обязательной криминологической экспертизы законопроектов, в которые в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – Палата представителей) внесены изменения (за исключением изменений, обусловленных требованиями нормотворческой техники, не влияющих на содержание предписаний нормативного правового акта) и которые подготовлены для рассмотрения Палатой представителей в первом и во втором чтениях.

Следует отметить, что с 24 марта 2021 г. (дата вступления в силу изменений) до конца года на криминологическую экспертизу в государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» поступило 44 проекта законов, доработанных в процессе подготовки к рассмотрению Палатой представителей в первом и во втором чтениях. В результате в 2021 г. было подготовлено 111 заключений криминологической экспертизы проектов законов, что по сравнению

с 2020 г., в котором было подготовлено 56 заключений по рассматриваемому виду проектов, составило рост на 98,2 %. Динамика увеличения заключений по законопроектам прежде всего связана с необходимостью проведения криминологической экспертизы проектов, измененных в Палате представителей.

Следует обратить внимание на новые требования, установленные к сопроводительным документам, необходимым для проведения криминологической экспертизы законопроекта, доработанного в Палате представителей к первому или ко второму чтению. В соответствии с ч. 2 п. 10 Положения определено, что к рассматриваемому проекту закона, направляемому для проведения криминологической экспертизы, прилагаются только сопроводительное письмо и заключение обязательной юридической экспертизы.

В отношении сопроводительного письма сделана оговорка, согласно которой данный документ не требуется, если законопроект будет направлен с использованием автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее – АИС НРПА). До настоящего момента направление документов из Палаты представителей в блоке «Криминологическая экспертиза» АИС НРПА не представляется возможным, поскольку осуществляется техническая доработка системы, соответственно сопроводительное письмо является обязательным документом.

К направляемому на криминологическую экспертизу законопроекту должны быть приложены заключения обязательной юридической экспертизы. В соответствии с абз. 3 ч. 2 ст. 47 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» обязательную юридическую экспертизу проектов законов, доработанных в Палате представителей, осуществляет Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, а также в соответствии с абз. 4 ч. 2 ст. 47 указанного Закона – уполномоченное структурное подразделение Секретариата Палаты представителей.

Правило о необходимости проведения обязательной юридической экспертизы проектов законов, доработанных в Палате представителей к первому или ко второму чтению, также содержится в ч. 8 ст. 126 и ч. 3 ст. 137 Регламента Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, утвержденного постановлением Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 18 декабря 2015 г. № 707-П15/VIII (далее – Регламент).

Таким образом, в настоящее время сопроводительными документами, необходимыми для проведения криминологической экспертизы проекта закона, доработанного в Палате представителей, являются сопроводительное письмо, а также заключения обязательной юридической экспертизы Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь и главного правового управления Секретариата Палаты представителей. Следовательно, в заключении криминологической экспертизы рассматриваемого проекта закона в качестве сопроводительных материалов указываются оба заключения обязательной юридической экспертизы. В случае отсутствия одного из них эксперт отказывает в проведении криминологической экспертизы на основании абз. 4 ч. 1 п. 17 Положения, т.е. в связи с непредоставлением информации, указанной в пункте 10 Положения. Как правило, до направления

отказа уточняется, будет ли предоставлена отсутствующая информация по проекту закона в течение двух рабочих дней, поскольку для его направления установлен именно такой срок.

Следует обратить внимание, что в соответствии с ч. 8 ст. 126 Регламента при направлении проект закона с внесенными в него в Палате представителями изменениями на проведение обязательной юридической экспертизы в Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь обязательно должна быть приложена информация о внесенных в проект закона изменениях.

Полагаем целесообразным данное правило установить и к сопроводительным документам, прилагаемым к проекту закона, доработанному в Палате представителей, при его направлении для проведения криминологической экспертизы. С учетом того, что на проведение криминологической экспертизы законопроектов, поступивших из Палаты представителей установлено пять рабочих дней, а объем доработанных норм законопроекта может быть существенным, равно как и в целом объем проекта, то информация об изменениях позволила бы сократить время проведения экспертизы, затрачиваемое на выявление изменений. Кроме отмеченного, поскольку нормы законопроекта могут претерпеть изменения в результате проведения юридической экспертизы, то информация о доработке отдельных норм, направляемая для проведения криминологической экспертизы, при необходимости должна быть актуализирована с учетом заключений юридической экспертизы.

Таким образом, реализация на практике новелл правового регулирования порядка проведения криминологической экспертизы позволяет выработать направления его совершенствования, что, по нашему мнению, в целом положительно отразится на нормотворческом процессе.

НОВОЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРАТУРЫ В СТРАНАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Кожевников О.А.

Укрепление Союзного государства предполагает совершенствование организации и деятельности правоохранительных органов, в том числе прокуратуры. В ходе конституционно-правовых реформ начала 20-х гг. XXI в. В Конституцию Российской Федерации были предложены изменения, одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., в Республике Беларусь изменения и дополнения в Конституцию внесены по итогам всенародного голосования (референдума) 27 февраля 2022 г. Конституционные новеллы стран Союзного государства уточнили правовое положение прокуратуры в механизме государственного аппарата, полномочия прокуроров. Так, ст. 129 Конституции РФ охарактеризовывает прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов.

Кроме этого, указывается и на иные функции прокуратуры, в том числе надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование.

Статья 125 Конституции Республики Беларусь указывает, что надзор за точным и единообразным исполнением законов, указов и иных нормативных правовых актов министерствами и другими подчиненными Совету Министров органами, местными представительными и исполнительными органами, общественными объединениями, другими организациями, должностными лицами и гражданами возлагается на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных постановлений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, в случаях, предусмотренных законом, проводит предварительное следствие, поддерживает государственное обвинение в судах.

Объединяет эти нормы то, в них раскрываются функции прокуратуры, при этом их перечень не является закрытым. Это надзор и уголовное преследование. При этом, применительно к России, непонятно – что вкладывается в понятие уголовного преследования, включает ли одно только поддержание обвинения в суде, или включает в себя также производство предварительного следствия органами прокуратуры. Но имеются и существенные отличия. Так, законодатель Беларуси говорит о надзоре за точным и единообразным исполнением законов, указов и иных нормативных правовых актов, но не указывает каких – государственных, региональных или актов муниципальных органов.

Российский законодатель говорит о надзоре за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов. Но понятие закон необходимо трактовать шире. Представляется, что прокуратура вправе осуществлять надзор за исполнением позаконных нормативных актов, но при следующих условиях: подзаконные нормативные акты исходят от высших органов государственной власти – Президента РФ и Правительства РФ; нормативные правовые акты адресованы неопределенному кругу лиц и рассчитаны на длительное применение; акты изданы по специальному полномочию; в указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ зафиксирован механизм реализации закона. Закон, таким образом, необходимо понимать в широком смысле, и предназначение прокуратуры – надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов РФ, конституций и уставов субъектов РФ, законов субъектов РФ, принятых по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, предметам исключительного ведения субъектов РФ, международных договоров, актов Государственной Думы (постановлений об амнистии) и Совета Федерации, не носящих форму закона; актов Президента РФ и Правительства РФ в случаях, специально указанных в законе; уставов муниципальных образований; актов применения норм права (судебных актов). Об осуществлении прокурором надзора за исполнением актов применения норм права – актов суда, вступивших в законную силу, говорится в отраслевом законодательстве. При этом до настоящего времени ни в Федеральном конституционном законе от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ни в Законе о прокуратуре не регламентируется право прокурора на осуществление надзора за исполнением постановлений Конституционного Суда РФ, что является пробелом в законе.

Необходимо уточнить формулировки о предмете надзора в Законе о прокуратуре, а также в приказах Генерального прокурора Российской Федерации, обозначив возможность осуществления прокурором надзора за исполнением не только законов, но и норм наднационального законодательства – права Союза (ЕАЭС) и международного законодательства, имеющих прямое действие.

Второе отличие заключается в том, что законодатель Беларуси указал перечень субъектов, надзор за исполнением законов которыми осуществляет прокуратура. Это министерства и другие подчиненные Совету Министров органы, местные представительные и исполнительные органы, общественные объединения, другие организации, должностные лица и граждане. Думается, что упоминание субъектов, за исполнением законов которыми осуществляет прокуратура, в Конституции государства вряд ли оправдано. Законодательство постоянно меняется, появляются новые субъекты правоотношений, что потребует постоянного внесения дополнений в Конституцию, являющуюся актом длительного действия.

Изменился порядок назначения прокуроров государств стран Союзного государства, а также освобождения их от должности. Так, в соответствии со ст. 84, 98, 126 Конституции Республики Беларусь Генеральный прокурор назначается на должность Президентом Республики Беларусь с предварительного согласия Совета Республики. Нижестоящие прокуроры назначаются Генеральным прокурором. Иначе происходит порядок назначения прокуроров в Российской Федерации. Генеральный прокурор Российской Федерации, заместители Генерального прокурора Российской Федерации назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. Прокуроры субъектов Российской Федерации, прокуроры военных и других специализированных прокуратур, приравненные к прокурорам субъектов Российской Федерации, назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. Иные прокуроры могут назначаться на должность и освобождаться от должности Президентом Российской Федерации, если такой порядок назначения на должность и освобождения от должности установлен федеральным законом. Если иное не предусмотрено федеральным законом, прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры назначаются на должность и освобождаются от должности Генеральным прокурором Российской Федерации (ст. 129 Конституции РФ).

В Конституциях государств Союзного государства предусмотрена обязанность Генерального прокурора страны ежегодно информировать Совет Республики о результатах его деятельности (ст. 98 Конституции Республики Беларусь). В России происходит заслушивание в Совете Федерации ежегодных докладов Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации (ст. 102 Конституции РФ). Кроме этого, устанавливается право Генерального прокурора РФ представлять соответствующей палате Федерального Собрания вопрос о лишении неприкосновенности сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы.

Рассмотренные нормы Основных законов стран Союзного государства будут способствовать укреплению законности и правопорядка, эффективности прокурорского надзора.

НАДЗОР ЗА СООТВЕТСТВИЕМ ЗАКОНУ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Козлова Е.А.

Задачи деятельности прокуратуры Республики Беларусь определены в ст. 4 Закона Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре).

Представляется, что органы прокуратуры в силу своего особого положения в системе государственных органов, а также наличия широкого спектра полномочий в первую очередь призваны обеспечивать верховенство права, защищать и охранять права и законные интересы граждан и организаций, а также общественные и государственные интересы.

Положениями ст. 125 Конституции Республики Беларусь определено, что одним из направлений деятельности прокуратуры является надзор за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам. Полномочия прокурора при осуществлении указанного надзора закреплены как в Законе о прокуратуре, так и в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК). Обязанности прокурора, осуществляющего анализируемый надзор, также определены приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 27.03.2009 № 27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам» (далее – приказ Генерального прокурора Республики Беларусь).

На практике прокурор осуществляет надзор за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам в следующих формах:

- участие в рассмотрении судом гражданских дел;
- проверка законности и обоснованности судебных постановлений по гражданским делам.

Примечательно, что участие прокурора в гражданском процессе осуществляется прокурорами на протяжении всего существования прокуратуры. В гражданском процессуальном кодексе РСФСР, распространенном постановлением ЦИК БССР от 26 июля 1923 г. на территорию Беларуси, предусматривалась возможность участия прокурора во всех стадиях гражданского процесса.

В настоящее время прокурор вправе участвовать в рассмотрении судом дел путем обращения с заявлением о возбуждении дела, подведомственного суду, либо вступить в дело на любой его стадии, если этого требуют интересы государства либо граждан.

Следует отметить, что в ГПК закреплены категории дел, в рассмотрении которых участие прокурора является обязательным: по жалобам на действия

избирательных комиссий, о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим, о признании гражданина ограничено дееспособным или недееспособным, об усыновлении ребенка, о помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение или специальное лечебно-воспитательное учреждение. Кодексом Республики Беларусь о браке и семье также установлено обязательное участие прокурора в рассмотрении дел о лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах, отобрании ребенка, отмене усыновления.

Кроме того, прокурор вправе вступить в дело на любой стадии, в случае если того требуют интересы государства, а также с целью защиты прав граждан. Суд вправе по собственной инициативе признать участие прокурора в деле обязательным. Однако на практике подобные факты встречаются редко. По мнению автора, причиной данного обстоятельства является гарантированная Основным законом Республики Беларусь защита прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом, что само по себе обеспечивает соблюдение принципа верховенства права в судебном процессе. Помимо прочего прокурор обязан при выявлении нарушений закона опротестовать судебное постановление, что в свою очередь также обеспечит надлежащий надзор за соблюдением судом норм материального и процессуального права.

Приказом Генерального прокурора Республики Беларусь определено, что защита трудовых, жилищных и иных конституционных прав и интересов граждан является важным направлением прокурорской деятельности. Данное утверждение полностью коррелирует с обязанностью прокурора участвовать в рассмотрении судом гражданских дел о восстановлении на работе, выселении без предоставления другого жилого помещения и др. Анализ категорий дел свидетельствует о том, что на законодательном уровне закреплена обязательность участия прокурора лишь в тех делах, где затрагиваются наиболее значимые права граждан.

Данное обстоятельство обеспечивает неукоснительное соблюдение прав граждан, государственных и общественных интересов. Прокурор как независимый участник гражданского процесса реализует свои полномочия, предоставленные процессуальным правом, с целью устранения всякого нарушения закона, прав сторон, иных участников процесса.

С учетом того обстоятельства, что прокурор обязан на всех стадиях гражданского судопроизводства принимать меры к устранению нарушений закона, от кого бы таковые не исходили, участие прокурора как самостоятельного участника процесса способствует обеспечению верховенства права в ходе судебного разбирательства. Устранение возможных нарушений процессуальных прав сторон, обеспечение полноты судебного разбирательства путем истребования и предоставления доказательств, высказывание аргументированного, основанного на законе мнения определенным образом отражается на качестве процесса. Кроме того, в ходе рассмотрения дела возможно обнаружение нарушений законодательства сторонами, третьими лицами, на что требуется принятие соответствующих мер за рамками судебного разбирательства.

Еще одной важной обязанностью прокурора, осуществляющего надзор за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам, является проверка законности и обоснованности решений и определений суда.

В данном направлении существенное значение имеет системность продельваемой работы. Прокурор обязан проверять законность судебных постановлений, независимо от его участия в рассмотрении дела. Вместе с тем приказом Генерального прокурора Республики Беларусь определен перечень категорий дел, решения по которым обязательны для изучения прокурорами. В данном перечне за основу также положен принцип приоритетности трудовых, жилищных и иных конституционных прав граждан.

Представляется, что прокурор при изучении материалов дела, прослушивании аудиопротоколов судебного заседания с целью проверки законности постановленного по итогам разбирательства решения также осуществляет присущую прокурорам во всех направлениях надзора правозащитную функцию. По итогам изучения прокурор вправе опротестовать незаконное судебное постановление независимо от обжалования решения иными участниками процесса. Данное обстоятельство способствует дополнительной защите интересов граждан, поскольку в силу различного рода причин лицо может утратить возможность оспаривания решения суда (болезнь, тяжелое материальное положение и др.). В такой ситуации суд апелляционной инстанции даст оценку доводам апелляционного протеста и в случае их обоснованности вправе принять новое решение, чем защитит права какой-либо из сторон процесса.

На практике встречаются случаи, когда граждане самостоятельно обращаются в органы прокуратуры с просьбой опротестования незаконного, по их мнению, судебного постановления. С учетом категории дела, объективной невозможности обжалования решения заявителем, а также в случае установления нарушений материального или процессуального права, влекущего отмену судебного постановления, прокурор может путем принесения апелляционного протеста защитить права гражданина.

При рассмотрении вопроса реализации прокурором правозащитной функции следует отметить возможность прокурора обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданских дел для защиты прав и охраняемых законом интересов Республики Беларусь, её административно-территориальных единиц, а также граждан, которые не могут самостоятельно осуществить судебную защиту своих прав. Приоритетным направлением является защита интересов юридических лиц государственной формы собственности, организаций агропромышленного комплекса, государственных органов.

В заключение представляется справедливым отметить, что деятельность прокуроров по всем направлениям надзора ставит своей целью соблюдение верховенства права, защиту прав граждан, юридических лиц, общественных и государственных интересов. Полномочия же в сфере надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам позволяют прокурору эффективно реализовывать свою правозащитную функцию в сфере общественных отношений, регулируемых различными отраслями права. В свете планируемого издания единого процессуального кодекса Республики Беларусь необходимо обеспечить сохранение полномочий прокурора, предоставленных действующим законодательством.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Кукеев А.К.

Понятие «специализация» является широко применяемым в казахстанском законодательстве и нашло свое место во многих существующих нормативных правовых актах различного направления регулирования. Основные ее сферы использования – это образование и наука, существующие квалификационные требования к лицам, организация деятельности государственных органов, учреждений и других организаций на внутреннем и внешнем уровне. Определение понятия «специализация» представляется крайне редко, однако общий смысл его видится единым для всех – это концентрация (полномочий, знаний, деятельности) на определенном направлении применения.

Специализация как явление характерна далеко не только для прокуратуры, судебной системы, правоохранительных органов и других государственных органов, но и для многих иных сфер общественных отношений, в том числе коммерческого характера, частной формы собственности и для многих организаций с другими признакам. Считаем целесообразным сформулировать определение специализированного органа прокуратуры. Прежде всего, в основе его находятся родовые понятия – государственный орган и орган прокуратуры. Во-первых, оно должно отражать особенные черты, которые характерны для специализированного органа. В-третьих, необходимо принимать во внимание тот факт, что согласно Конституции Республики Казахстан предусмотрено существование института специализированных прокуратур, входящих в систему прокуратуры.

По нашему мнению, специализированный орган прокуратуры – это специально сформированная в соответствии с законодательством и публичным интересом структурная единица системы прокуратуры, которая осуществляет функции, предусмотренные Конституцией и законами Республики Казахстан со свойственной конкретизированной юрисдикцией по предметно-отраслевым, объектным и (или) субъектным признакам; специализированный орган прокуратуры имеет особые признаки, которые делают его в большей степени пригодным для эффективного и продуктивного выполнения функций в специфических сферах публичных отношений; возглавляется руководителем органа соответствующего уровня.

В настоящее время в данном определении можно было также применить только предметно-отраслевой признак специализированных органов, вместо этого мы применили субъектный признак, учитывая возможность создания специализированных органов прокуратуры для ведения конкретных дел в отношении определенных лиц, по аналогии с институтом специального прокурора в США и некоторых других странах [1].

Объектный признак был применен с учетом возможности создания специализированных органов на особых объектах. С другой стороны, отметим важность таких признаков, как особенности юрисдикции и способность выполнения функций прокуратуры в специфических сферах и условиях. Именно в этих признаках отражаются экстерриториальность, особенная организация, правовой статус и другие особые черты каждого специализированного органа

прокуратуры, которые будут определенно отличаться от его вида. Такой же чертой, которую следует отметить, является наличие руководителя специализированного органа – прокурора, на которого возложены соответствующие полномочия и обязанности для осуществления руководства; в данном случае должны действовать принципы единоначалия, а не коллегиальности.

В общем надо сказать, что специализация – явление характерное для публичной и частной сферы, концентрирующей усилия, время и все другие ресурсы разнообразного характера на конкретных направлениях деятельности, что позволяет повысить эффективность и производительность труда. Учитывая масштаб и последствия деятельности системы прокуратуры есть основания для существования не только внутренней, но и внешней специализации в ее структуре, то есть само формирование специализированных органов прокуратуры [2].

По нашему убеждению, черты, которые имеют решающее значение для специализации органов прокуратуры, важно рассматривать в комплексе. Выделение одной черты (признака) при решении вопроса о формировании специализированных органов – не оправдано.

Согласно общим основам организации управления специализация имеет много преимуществ, однако она должна производиться в разумных пределах. Специализация органов прокуратуры разрешает адаптировать не только специализированные органы к деятельности в специфических сферах, но и всю систему к деятельности в особых условиях, воплотить новые научные идеи в новосформированных органах, приобрести, сохранить и передать опыт выполнения функций прокуратуры в сферах, требующих специальных знаний, разгрузить территориальные органы от дел, находящихся в производстве специализированных органов. Вместе с тем есть риски, которые могут повлечь негативные последствия: например, риск неэффективного использования ресурсов системы прокуратуры, кадровые проблемы, вопросы взаимодействия с другими органами государственной власти и др. Однако считаем, что данные риски являются преодолимыми. В целом специализированные органы прокуратуры способствуют актуальности и обеспечивают соответствие системы прокуратуры публичным интересам [3].

Сегодня в теории прокурорской деятельности существуют предметно-отраслевой и функциональный подходы к организации или классификации специализированных органов прокуратуры; это позволяет выделить разного рода специализированные органы. Вместе с тем такое видение не является догматическим.

С точки зрения включения в систему прокуратуры специализированных прокуратур считаем целесообразным провести некоторые усовершенствования существующих норм Закона «О прокуратуре», а именно: дополнить ч. 1 ст. 7 Закона следующими пунктами:

- «б) другие специализированные органы прокуратуры;
- 7) Квалификационно-дисциплинарная комиссия прокуроров;
- 8) Республиканская конференция прокуроров;
- 9) Совет прокуроров Республики Казахстан».

Часть 1 ст. 9 Закона целесообразно дополнить п. 7-1 в следующей редакции: «формировать и ликвидировать специализированные органы прокуратуры,

не указанные настоящим Законом, создание которых будет способствовать деятельности системы и публичному интересу». Эта норма позволит Генеральному прокурору создавать другие специализированные органы прокуратуры, необходимость в которых может возникнуть или уже существует. Такой подход позволит быстрее адаптироваться системе прокуратуры к процессам в стране для более эффективного выполнения своих функций, уменьшая время, необходимое для создания нового специализированного органа.

Кроме того, считаем целесообразным доработать Закон «О прокуратуре» в направлении участия специализированных органов прокуратуры в органах прокурорского самоуправления.

Список цитированных источников

1. Pisarić, Milana Specialization of Criminal Justice Authorities in Dealing with Cybercrime [Электронный ресурс] / Milana Pisarić // VARSTVOSLOVJE, Journal of Criminal Justice and Security. – 2017. – no. 2. – pp. 230–242. – Режим доступа: https://www.fvv.um.si/rV/arhiv/2015-2/07_Pisarić_rV_2015-2.pdf / – Дата доступа: 22.03.2022.

2. Журсимбаев, С. К. Прокурорский надзор в Республике Казахстан / С. К. Журсимбаев ; М-во образования и науки РК, Каз. нац. ун-т им. аль-Фараби; Генер. прокуратура РК, Ин-т Генер. прокуратуры РК. – Алматы : NURPRESS, 2010. – 359 с.

3. Руденко, М. В. Специализированные прокуратуры как составляющая прокурорской системы Украины / М. В. Руденко, А. В. Мельник // Вестн. Харьковского нац. ун-та им. В. Н. Каразина. Серия : Право. – 2013. – № 1077. – С. 153–157.

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Луговский С.Г.

В науке государственного управления не существует единой точки зрения относительно классификации субъектов обеспечения общественной безопасности. Б. П. Кондрашов относит к субъектам обеспечения общественной безопасности органы государственной власти (государство), органы местного самоуправления, негосударственные объединения и формирования граждан. В свою очередь, А. Н. Позднышов разделяет субъекты обеспечения общественной безопасности на государственные и негосударственные. При этом к органам государственной власти он относит органы законодательной власти, институт главы государства, органы исполнительной власти, а также органы судебной власти и прокуратуру. Наряду с этим приведенные суждения свидетельствуют о том, что большинство авторов относят к субъектам обеспечения общественной безопасности различные государственные и негосударственные организации, которые наделены определенными полномочиями по ее обеспечению. Полномочия по обеспечению общественной безопасности соответствуют правовому положению конкретных субъектов и функциям, которые они выполняют в государстве. Указанные полномочия складываются в процессе управления государством, которое в широком смысле

осуществляется всеми государственными органами – законодательными, исполнительными, судебными, надзорными и др. Необходимо отметить, что средства реализации предоставленных этим органам полномочий многообразны и включают в себя нормативно-правовое регулирование, средства правоприменительного, организационного, правоохранительного, надзорного характера и др.

Следовательно, под системой субъектов обеспечения общественной безопасности следует понимать совокупность государственных и общественных организаций, характеризующую наличием системных связей и строгой упорядоченностью элементов, осуществляющих функцию по управляющему воздействию на внешнюю среду в целях создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности посредством осуществления мер и средств нормативно-правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Из всей совокупности субъектов обеспечения общественной безопасности, исходя из характера их компетенции и полномочий, можно выделить две основные группы: государственные и негосударственные.

К управляющим государственным субъектам обеспечения общественной безопасности можно отнести: Президента Республики Беларусь и подчиненные ему государственные органы; Совет Безопасности Республики Беларусь; Парламент (Национальное собрание Республики Беларусь); систему исполнительной власти во главе с Правительством (Советом Министров Республики Беларусь); систему судов Республики Беларусь; систему органов прокуратуры Республики Беларусь и др. Названные органы призваны реализовывать функции государственного управления в целом и в сфере обеспечения общественной безопасности в частности.

Необходимо отметить, что к государственному органу, обладающему особым конституционно-правовым статусом, относится прокуратура Республики Беларусь, а именно: единая и централизованная система органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь.

В рамках обеспечения общественной безопасности прокуратура в Республике Беларусь осуществляет свою деятельность на основе положений Конституции Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», Указа Президента Республики Беларусь «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» и других актов законодательства. В Конституции Республики Беларусь содержится ряд основополагающих норм, нацеленных на реальную защиту граждан и государства. Так, в ст. 2 закреплена взаимная ответственность государства и гражданина за неисполнение возложенных обязанностей. В ст. 22 Конституции предусмотрено равенство всех перед законом, где каждый имеет право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. В ч. 1 ст. 24 закреплена обязанность государства защищать жизнь человека от любых противоправных посягательств. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в ч. 2 ст. 59 предусмотрена обязанность государственных органов, должностных лиц, которым доверено исполнение государственных функций, принимать необходимые меры в пределах своей компетенции для осуществления

и защиты прав и свобод личности. В свою очередь, эти органы и лица несут ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности.

Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» определяет задачи и основные направления деятельности органов прокуратуры. Так, в соответствии со ст. 4 указанного Закона задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. Для выполнения этих задач прокуратура осуществляет надзор за: точным и единообразным исполнением законов, указов и иных нормативных правовых актов республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами.

Следует отметить, что в сфере обеспечения общественной безопасности отдельные авторы выделяют и другие функции прокуратуры: участие в правотворческой деятельности, защита прав и свобод граждан (как самостоятельное направление деятельности); координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и др. Как справедливо полагает Г. А. Василевич, Генеральная прокуратура Республики Беларусь в порядке, установленном законодательством, в сфере обеспечения общественной безопасности принимает участие в подготовке проектов законов и иных нормативных правовых актов. Так, Генеральный прокурор Республики Беларусь, его заместители, нижестоящие прокуроры территориальных и специализированных прокуратур и их заместители вправе в установленном порядке в пределах своей компетенции направлять предложения в нормотворческий орган (должностному лицу) о принятии (издании), изменении, дополнении, толковании или признании утратившими силу нормативных правовых актов.

Прокуратура координирует и правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью. По мнению А. С. Рубиса, «особенность деятельности по выявлению преступлений определена тем, что она может развиваться на двух уровнях – как на всех этапах борьбы с преступностью, равно как и одновременно по вертикали – в деятельности прокурорского надзора, иных субъектов выявления».

По справедливому утверждению Г. А. Василевича, все меры прокурорского реагирования предназначены для того, чтобы законы, указы неукоснительно соблюдались как непосредственно, так и в случае принятия подзаконных актов в их развитие, а последние точно отражали содержание законодательных актов. Например, важно, чтобы акты министерств, государственных комитетов, органов местного управления базировались на нормах и принципах, закрепленных в Конституции и иных законодательных актах.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что прокуратура Республики Беларусь обеспечивает соблюдение точного и единообразного применения норм права остальными субъектами,

обеспечивающими общественную безопасность. Это, в свою очередь, гарантирует функционирование в соответствии с поставленными перед органами прокуратуры целями в рамках предоставленных им полномочий, что, безусловно, является дополнительным фактором обеспечения стабильности в деятельности всех субъектов системы обеспечения общественной безопасности.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Марчук В.В.

Статья 5 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» относит органы прокуратуры Республики Беларусь к субъектам профилактики правонарушений, а ст. 35 данного Закона определяет, что надзор за точным и единообразным исполнением законодательства в сфере профилактики правонарушений осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь и подчиненными ему прокурорами. Данные нормы дают основание для вывода о том, что прокурорской деятельности присуща не только надзорная, но и профилактическая функция.

Согласно ст. 10 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» к мерам профилактики относятся и «иные меры, предусмотренные настоящим Законом и другими законодательными актами». Статья 22 указанного Закона к иным мерам общей профилактики правонарушений относит, в частности, «проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов и правовых актов в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь».

Институт криминологической экспертизы был введен в законодательство Республики Беларусь в 2004 г. в целях обеспечения исполнения международных обязательств по формированию национального антикоррупционного законодательства. В 2004 г. Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию Организации Объединенных Наций от 31 октября 2003 г. против коррупции, взяв на себя обязательство проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Среди государств – участников СНГ Республика Беларусь является единственным государством, в законодательстве которого предусмотрено проведение обязательной криминологической экспертизы в отношении определенной совокупности проектов нормативных правовых актов или действующих нормативных правовых актов.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 3 августа 2006 г. № 482 «О создании государственного учреждения» криминологическую экспертизу в Республике Беларусь уполномочено проводить государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности

и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее – НПЦ Генеральной прокуратуры). Согласно п. 2.1 данного Указа НПЦ Генеральной прокуратуры входит в систему органов прокуратуры. Это дает основание для вывода о том, что НПЦ Генеральной прокуратуры в призме деятельности по проведению криминологической экспертизы принимает непосредственное участие в профилактике правонарушений.

Процедура рассматриваемой экспертизы регламентируется Положением о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь», которое действует в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 18 марта 2021 г. № 112.

Криминологическая экспертиза проводится с целью выявления в проектах нормативных правовых актов или действующих нормативных правовых актах норм, содержащих риски криминогенного характера, применение которых может повлечь возникновение негативных последствий в различных сферах общественных отношений. Специалисты НПЦ Генеральной прокуратуры, проводя криминологическую экспертизу и устанавливая криминогенные риски, не определяют нарушения законодательства в конкретном нормативном правовом акте, а констатируют в этом акте факторы, создающие условия для возможного проявления в будущем девиантного поведения, в том числе коррупционного или иного правонарушения.

За более чем 15 лет деятельности НПЦ Генеральной прокуратуры его специалисты подготовили порядка 8000 заключений криминологической экспертизы. В 13,5 % подвергнутых криминологической оценке проектах нормативных правовых актов были идентифицированы риски криминогенного характера. В истории проведения криминологической экспертизы было время, когда удельный вес проектов, содержащих риски криминогенного характера был весьма высоким. Так в 2013 г. из 409 проектов нормативных правовых актов, поступивших на криминологическую экспертизу, в 113 из них (27,6 %) – почти треть – специалистами НПЦ Генеральной прокуратуры были выявлены недостатки правового регулирования, порождающие возможность возникновения рисков криминогенного характера.

Упразднение государственным органами, уполномоченными осуществлять подготовку проектов нормативных правовых актов, выявленных по результатам проведенной криминологической экспертизы рисков криминогенного характера способствует повышению эффективности и качества законодательства и в целом формированию системно согласованного механизма правового регулирования. Следовательно, с позиции общей профилактики выявление криминогенных рисков при проведении криминологической экспертизы способствует системному воздействию на сферу упразднения причин и условий совершения правонарушений. НПЦ Генеральной прокуратуры находится в авангарде профилактики. Условия для совершения правонарушений, заложенные в различных вариантах криминогенных рисков, содержащихся в проекте нормативного правового акта, ликвидируются до придания ему юридической силы.

Криминологическая экспертиза по своему содержанию и функциональному предназначению является особым видом правовой экспертизы, имеет специфику в предмете исследования и методологии ее проведения, которая построена

на основе передовых современных принципов и методов исследования, разнообразности исследуемого эмпирического материала. Особое значение здесь имеют современные достижения в криминологической науке. Методологическая и научно-практическая основа криминологической экспертизы в Республике Беларусь создавалась правоведами, большинство из которых работают в настоящее время либо работали ранее в НПЦ Генеральной прокуратуры [1–10 и др.].

Те заключения криминологической экспертизы, в которых фиксируются криминогенные риски, позволяют локализовать и вытеснить из сферы правового регулирования деструктивные по своему характеру положения, которые могут вызвать дисбаланс в системе общественных отношений. Таким образом, подготовка экспертами-криминологами НПЦ Генеральной прокуратуры заключений по результатам криминологической экспертизы вносит значимый вклад в повышение эффективности не только действующего законодательства, но и в целом процедуры правотворчества.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Криминология современного правотворчества (правообразования) / В. М. Хомич // Право.by. – 2017. – № 5 (49). – С. 98–103.
2. Бабий, Н. А. Методологические проблемы криминологической экспертизы / Н.А. Бабий // Право.by. – 2019. – № 6. – С. 78–85.
3. Гучок, А. Е. Моделирование криминальных событий как научная основа криминологической экспертизы / А. Е. Гучок // Законность и правопорядок. – 2007. – № 1. – С. 50–55.
4. Марчук, В. В. Новеллы в правовом регулировании порядка проведения криминологической экспертизы / В. В. Марчук // Право.by. – 2019. – № 3. – С. 23–26.
5. Русецкий, О. В. Социально-правовые показатели криминологической экспертизы проектов правовых актов / О. В. Русецкий // Право в современном белорусском обществе : сб. научн. тр. Вып. 2 / редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : НАН Беларуси, Ин-т гос. и права, 2007. – С. 233–242.
6. Богданов, Е. Предмет и методология криминологической экспертизы законодательства / Е. Богданов // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 11. – С. 57–61.
7. Шилин, Д. В. Правовая основа криминологической экспертизы в Республике Беларусь / Д. В. Шилин. – Минск : НЦПИ, 2014. – 64 с.
8. Топорикова, О. О. Теория и практика отграничения криминологической и юридической экспертиз проектов нормативных правовых актов / О. О. Топорикова, О. В. Русецкий // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 5. – С. 69–73.
9. Полящук, Н. А. Теория и практика моделирования криминогенных последствий реализации норм законодательства / Н. А. Полящук, О. В. Русецкий // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. : в 2 т. / НПЦ Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 2. – С. 215–225.
10. Дятлова, В. Криминологическая экспертиза как специальная мера предупреждения преступности / В. Дятлова // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 5. – С. 77–78.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ КАК ОДНА ИЗ ФУНКЦИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Мурашкин И.Ю.

Вопросы противодействия коррупции в настоящее время являются приоритетными в деятельности правоохранительных органов. Тезис о том, что «коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику *всех* (*курсив наш* – И.М.) стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней», отраженное в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией № 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31.10.2003, остается актуальным в современной действительности. В связи с этим создаются механизмы противодействия коррупции как в рамках национального законодательства, так и транснациональные средства искоренения данного негативного явления.

На межправительственном уровне одной из организаций, призванной решать вопросы создания барьеров распространения коррупционных проявлений, является Межгосударственный совет по противодействию коррупции (далее – Совет), Соглашение об образовании которого принято 25.10.2013 шестью государствами Содружества Независимых государств (далее – СНГ): Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. Следует отметить, что представительство в этой международной организации в большинстве случаев осуществляют руководители органов прокуратуры государств – участников Соглашения.

Основными направлениями деятельности Совета являются: содействие сближению и гармонизации национального законодательства; разработка предложений по совершенствованию правовой базы сотрудничества; координация взаимодействия компетентных органов, а также заинтересованных органов СНГ, а также обеспечение реализации принятых в рамках СНГ документов.

Обращает на себя внимание то, что указанная деятельность, по сути, не относится к функциям органов прокуратуры, включающим в себя надзор за исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, осуществление уголовного преследования. При этом трактовка, предложенная Соглашением, позволяет говорить, что обеспечение взаимодействия предполагает совместную работу не только правоохранительных органов, но всех заинтересованных, включая органы профилактики коррупционных правонарушений.

Кроме этого, одним из направлений деятельности по противодействию коррупции является создание условий, при которых применение нормативных правовых актов исключит возможность коррупционных проявлений и не создаст условий совершения коррупционных правонарушений при их использовании. В частности, российское законодательство в числе мер по противодействию коррупции предполагает проведение антикоррупционной экспертизы

нормативных правовых акты и их проектов, что предусмотрено п. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции».

Основные положения, регламентирующие проведения такой оценки, изложены в Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Следует отметить, что, согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 этого закона в числе лиц, осуществляющих этот вид работы, названа прокуратура Российской Федерации в порядке, установленном Генеральной прокуратурой Российской Федерации, и согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации.

Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» установлено, что коррупционными факторами, устанавливающими для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, являются:

а) широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственного органа, органа местного самоуправления или организации (их должностных лиц);

б) определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций;

в) выборочное изменение объема прав – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц);

г) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления или организации, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;

д) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции – нарушение компетенции государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов;

е) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий – установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона;

ж) отсутствие или неполнота административных процедур – отсутствие порядка совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;

з) отказ от конкурсных (аукционных) процедур – закрепление административного порядка предоставления права (блага);

и) нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае.

Этим же документом к числу коррупционных факторов, содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, относятся:

а) наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, – установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям;

б) злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) – отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций;

в) юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Как видно из приведенного перечня, деятельность органов прокуратуры при проведении антикоррупционной экспертизы направлена не столько на выявление положений правовых актов, противоречащих федеральному законодательству или нарушающими права и свободы граждан, сколько на установление обстоятельств, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений в случае применения правового акта, в котором присутствуют коррупционные факторы. Понимая это, законодателем в 2009 г. в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» введена ст. 9.1, частями 2 и 3 которой предусмотрен по сути новый акт прокурорского реагирования – требование об изменении нормативного правового акта в связи с выявлением коррупционных факторов, а также порядок его рассмотрения.

Обращает на себя внимание то, что указанный акт прокурорского реагирования, а именно так к нему следует относиться, не указан в главах 1 (надзор за исполнением законов) и 2 (надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина). Это позволяет утверждать, что деятельность по проведению антикоррупционной экспертизы к этим функциям органов прокуратуры не относится.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что на современном этапе сформировалась новая функция прокурорской деятельности – обеспечение противодействия коррупционным правонарушениям, которая отличается от других полномочий предметом и методами осуществления данной функции.

Это утверждение приводит к необходимости предложить включить данное полномочие в федеральное законодательство как самостоятельную функцию органов прокуратуры.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Никитин Ю.А.

Анализ практики прокурорского надзора и эффективности деятельности субъектов профилактики по предупреждению правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, а также сведения о выполнении соответствующих государственных программ свидетельствуют о наличии проблемных вопросов в данной сфере.

Согласно статистическим данным в период с 2017 по 2021 год объем реализации объектами розничной торговли спиртных напитков увеличился на 10,5%, что указывает на фактическое невыполнение п. 51 подпрограммы «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма» Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы, предусматривающего ежегодное сокращение объемов отгрузки на внутренний рынок алкогольной продукции с одновременной переориентацией ее производства на экспорт.

При этом на протяжении последних лет Беларусь занимает высокое положение в мире по уровню потребления алкоголя – практически 11 литров зарегистрированного алкоголя на душу населения.

По оценкам же экспертов ВОЗ превышение допустимого уровня потребления алкоголя (из расчета 8 литров абсолютного алкоголя (безводного спирта) в год на душу населения) является крайне опасным для здоровья нации. В качестве вероятных социально-политических, экономических и экологических последствий в случае выхода за пороговые значения в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., разработанной в 2004 году, названа физическая деградация населения.

Злоупотребление алкоголем является наиболее значимым фактором проявления девиантного поведения граждан. Каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Основными причинами совершения правонарушений в состоянии алкогольного опьянения являются: ведение асоциального образа жизни и поддержание связей с лицами, ведущими аналогичный образ жизни; низкая правовая культура правонарушителей, отсутствие у них мотивации к труду, иной общественно полезной деятельности и стремлению к законопослушному поведению; спонтанно возникающие в ходе распития спиртных напитков конфликты.

Условиями, способствующими совершению преступлений названной категории, выступают: ненадлежаще организованная работа субъектов профилактики правонарушений, в первую очередь, органов внутренних дел, а именно низкий уровень как организации профилактической работы в целом, так и реализации мер общей и индивидуальной профилактики, прежде всего в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете, а также недостаточный ведомственный контроль; доступность алкоголя для населения.

Проведенный анализ указывает на незначительное (–2,8%) снижение за последние 5 лет количества преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. В то же время возрос удельный вес лиц, совершивших в состоянии алкогольного опьянения тяжкие и особо тяжкие преступления.

При этом негативные тенденции в данной сфере косвенно связаны с увеличением объема продаж и доступностью алкогольной продукции. В нашей стране отношение количества торговых объектов, реализующих спиртные напитки, к численности населения значительно превышает этот показатель в развитых странах. При этом доступность алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива, их повсеместная реализация совместно с иными продовольственными товарами сформировали в обществе лояльное к ним отношение, способствуя алкоголизации населения.

Значимую роль в предупреждении правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, а также в реализации антиалкогольной политики государства играет профилактическая деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД), местных исполнительных и распорядительных органов и организаций здравоохранения.

Одной из профилактических мер, имеющихся в арсенале сотрудников ОВД, является направление лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, в лечебно-трудовые профилактории (далее – ЛТП) с целью для их принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации и предотвращения совершения такими лицами правонарушений в состоянии алкогольного опьянения.

В то же время количество лиц, направленных судами в ЛТП по ходатайствам сотрудников ОВД, за 5 лет снизилось в 1,4 раза.

Мерой, направленной на предупреждение лицами, страдающими хроническим алкоголизмом, правонарушений вследствие злоупотребления спиртными напитками, является также их признание ограниченно дееспособными. Вместе с тем за 5 лет количество граждан, признанных судами ограниченно дееспособными, в том числе по указанной причине, снизилось практически на 30,0 %.

В правоприменительной практике имеют место также проблемы уклонения граждан от назначенных судом по ст. 107 УК принудительных мер безопасности и лечения (в условиях амбулаторного наблюдения и лечения), а также отсутствия действенного механизма исполнения организациями здравоохранения принудительных мер безопасности и лечения.

В целях совершенствования порядка применения принудительных мер безопасности и лечения необходимо законодательное закрепление обязанности сотрудников территориальных ОВД по доставлению лиц, подлежащих принудительному амбулаторному наблюдению и лечению и уклоняющихся от данных принудительных мер, в медицинские организации по месту жительства, равно как и порядка привлечения к ответственности лиц, уклоняющихся от принудительных мер безопасности и лечения, осужденных к иным видам уголовного наказания, как связанным, так и не связанным с изоляцией от общества.

Для повышения эффективности предупреждения правонарушений в состоянии алкогольного опьянения сотрудникам территориальных ОВД следует:

- активизировать работу по выявлению и пресечению административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП, а также фактов незаконного оборота алкогольной продукции;
- на постоянной основе анализировать состояние криминальной обстановки в конкретном регионе в непосредственной близости от торговых объектов,

реализующих спиртные напитки в ночное время, при необходимости ставить вопрос о корректировке времени работы таких объектов;

– активизировать подготовку материалов о направлении граждан в ЛТП и направление заявлений в суд об ограничении в дееспособности лиц, злоупотребляющих спиртными напитками.

Комиссиям по координации работы по содействию занятости населения необходимо:

– активизировать деятельность в части реализации полномочий о принятии решений о необходимости направления трудоспособных неработающих граждан, ведущих асоциальный образ жизни, в ЛТП;

– в целях повышения конкурентоспособности на рынке труда для названных выше лиц, обратившихся в органы государственной службы занятости населения, на постоянной основе проводить информационно-разъяснительную работу по вопросам трудоустройства, в том числе с использованием брони, профессионального обучения, содействия в организации предпринимательской деятельности, переселения в другую местность на новое место жительства и работы, участия в оплачиваемых общественных работах в период поиска основной работы.

Прокурорам представляется необходимым на координационных совещаниях по борьбе с преступностью и коррупцией рассматривать состояние работы субъектов профилактики правонарушений по предупреждению пьянства и алкоголизма с принятием решений, направленных на активизацию их деятельности, стабилизацию криминогенной обстановки, а также обеспечивать участие прокурорских работников в заседаниях советов ОПОП при рассмотрении поведения граждан, злоупотребляющих спиртными напитками и ведущими антисоциальный образ жизни.

Наряду с правовыми мерами профилактики пьянства и алкоголизма необходим широкий спектр социальных и иных мер: снижение объемов реализации алкогольной продукции и ее потребления, пропаганда, организационно-финансовое обеспечение здорового образа жизни, устойчивой морали и нравственности всех государственных и частных структур общества, а также развитие системы медико-социальной реабилитации лиц, длительное время употребляющих психоактивные вещества.

К ВОПРОСУ О НОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРОКУРОРА, Позволяющей повысить эффективность его деятельности в государственном механизме обеспечения национального правопорядка

Омельянович В.В.

Значение деятельности органов прокуратуры в государственном механизме обеспечения национального правопорядка невозможно переоценить. Успех в достижении поставленных целей напрямую зависит как от кадрового состава оперативных работников органов прокуратуры сегодняшнего дня, так и от качества подготовки подрастающих поколений. С учетом тех проблемных вопросов, которые ставятся перед органами прокуратуры жизненными реалиями настоящего времени подготовка кадров должна корректироваться путем

ее адаптации к новым появляющимся вызовам. Это позволит гарантировать действенное и эффективное реагирование на возникающие угрозы в обеспечении национального правопорядка и укрепить запас прочности нестигаемого стержня прокурорского надзора.

Рассуждая о проблемах прокурорской деятельности, в настоящей статье мы обратим внимание на имеющиеся вопросы, которые на уровне приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114 (ред. От 16.09.2020) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации») констатированы и, на наш взгляд, требуют научно обоснованных предложений по их решению.

Так, Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации одним из факторов, влияющих на состояние воспитательной работы в прокуратуре Российской Федерации, называет обстоятельство, при котором необеспечение должной безопасности прокурорских работников и членов их семей способствует тому, что прокурорские работники нередко становятся объектами физического и психического насилия со стороны преступников. Недостаточная охрана зданий прокуратуры, отсутствие службы безопасности, ненадлежащее обеспечение оружием и средствами защиты, неподготовленность работников к их квалифицированному применению – все эти факторы существенно влияют на решимость в отстаивании интересов законности. Из этого тезиса можно заключить, что неуверенность прокурорского работника в своей физической безопасности прямым образом влияет на качество выполняемой им работы.

В то же время, в соответствии с требованиями Кодекса профессиональной этики прокурорского работника Российской Федерации в случае явного нарушения закона, очевидцем которого он являлся, прокурор принимает все предусмотренные законом меры для пресечения противоправных действий и привлечения виновных лиц к ответственности. Что в определенных ситуациях обуславливает неизбежность непосредственного физического контакта прокурора со злоумышленником. А отсутствие уверенно сформированной компетенции у прокурора по применению необходимых приемов самообороны без оружия при физическом взаимодействии может повлечь вред здоровью как самому прокурору от агрессивных действий правонарушителя, так и последнему, вследствие непрофессионального применения приема.

Таким образом, мы видим, что:

во-первых, для повышения морально-боевого духа работника, его уверенности и решительности необходимо чтобы он был готов к самообороне без оружия в случае возникновения непредвиденных ситуаций. Это снимет вопрос неуверенности в его собственной безопасности и вернет решимость в отстаивании интересов законности;

во-вторых, чтобы прокурор несомненно мог справиться с возложенными на него обязанностями по пресечению противоправных действий очевидцем которых он стал, не поставив под угрозу как собственную жизнь и здоровье, так и жизнь и здоровье других лиц.

Эти обстоятельства детерминируют необходимость внесения изменений в содержание подготовки кадров органов прокуратуры.

Целевую подготовку кадров для органов прокуратуры осуществляет Университет прокуратуры Российской Федерации, включая филиалы, (далее – УП РФ) посредством реализации соответствующих основных профессиональных образовательных программ высшего образования (далее – ОПОП ВО), а также дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки (далее – ДПП).

На сегодняшний день в УП РФ реализуются ОПОП ВО, разработанные, в том числе, в соответствии с требованиями профильных федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (далее – ФГОС ВО) по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность (уровень специалитета), утвержденных соответственно приказами Минобрнауки России от 16.02.2017 № 144 (далее – ФГОС ВО 2017), от 18.08.2020 № 1058 (далее – ФГОС ВО 2020) для адресной подготовки специалистов органов прокуратуры.

Данные ФГОС ВО предусматривают освоение студентами учебной дисциплины, связанной с физической культурой и спортом (физической подготовкой), однако в них не закреплены императивные требования о необходимости формирования у будущих прокуроров компетенции применения приемов самообороны без оружия (далее – компетенция самбо). И образовательные организации высшего образования принимают решение в данном вопросе по своему усмотрению.

Так, в соответствии с ФГОС ВО 2017 учебной дисциплиной «Физическая культура» базовой части учебного плана заложено формирование компетенции у студентов – «способность использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-8)», где отсутствуют практические занятия по изучению боевых приемов борьбы. И лишь элективной дисциплиной (по выбору) «Специальная физическая подготовка» в рамках данного вида деятельности предусмотрено формирование компетенции – «способность к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства (ПК-7)», где от 6 до 10 академических часов в семестр уделено освоению рукопашного боя. В то же время, данная дисциплина может оказаться студентами не выбранной и, соответственно, с приемами самообороны без оружия обучающиеся не будут ознакомлены. В ФГОС ВО 2020 заложена компетенция – «способность поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (УК-7)» и ОПОП ВО в небольших объемах отводит время на освоение боевых приемов борьбы (не на всех курсах в объеме 6 академических часов в семестр). Этого, конечно же, недостаточно, на наш взгляд, для подготовки к реалиям контактного противодействия с правонарушителями. Так как действенное применение компетенции самбо возможно лишь, когда эти знания, умения и навыки доведены до автоматизма и в критической ситуации прокурор сможет без промедления применить их.

Таким образом, представляется необходимым внесение изменений, которые бы гарантировали 100 % требование к результатам освоения ОПОП ВО в виде компетенции по владению приемами самообороны без оружия, а учебный план в обязательном порядке предусматривал бы практические занятия со студентами не менее 4 часов в неделю по получению знаний, умений и навыков боевым

приемам борьбы. Что позволило бы за период обучения достичь искомого результата.

Для этого мы видим необходимым внесение изменений во ФГОС ВО в части дополнения требованиями к результатам освоения программы специалитета компетенцией следующего содержания – «Способность применять приемы самообороны без оружия». Это будет гарантировать обязательность подготовки в данном вопросе каждого выпускника, осваивающего ОПОП ВО.

Данные знания, умения и навыки требует регулярной практики для их поддержания в необходимом для активации состоянии, в связи с этим представляется необходимым также внесение в программы ДПП такой обязательной составляющей как практические занятия по физической подготовке, посвященные вопросам актуализации и развитию компетенции самбо у прокуроров, прибывающих на курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Кроме того, данный компонент подготовки прокурорских работников должен осуществляться в текущем режиме на регулярной основе. Поэтому, в рамках спортивных дней в органах прокуратуры необходимо также организовывать целевые тренировки с отработкой боевых приемов борьбы.

Представляется, что внедрение в практику предложенных нами подходов позволит повысить эффективность деятельности работников органов прокуратуры Российской Федерации в государственном механизме обеспечения национального правопорядка. А также данные подходы смогут быть применены в рамках подготовки кадров для органов прокуратуры Республики Беларусь.

«ОБЩИЙ НАДЗОР»: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Руденя Ю.Е.

Исследование организационно-системных проблем надзора за исполнением законодательства (далее – «общий надзор») в белорусской правовой науке как самостоятельного института требует понимания более общих вопросов, связанных с определением места и роли прокуратуры в системе разделения властей и органов государственной власти.

Изначально следует отметить, что в мире сложилось три модели функционала органов прокуратуры в системе государственного аппарата:

1) исключительно уголовное преследование и поддержание государственного обвинения в суде (Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство) (наиболее узкая компетенция);

2) помимо двух вышеперечисленных функций имеет место также непосредственное осуществление предварительного следствия (Азербайджан, Болгария), надзор на стадиях предварительного расследования преступлений (Украина, Грузия) и за оперативно-розыскной деятельностью (Казахстан, Киргизия), процессуальное руководство предварительным следствием (Армения, Чехия);

3) помимо вышеперечисленных функций закрепляется (за некоторым исключением) также осуществление «общего надзора» и иных контрольно-надзорных полномочий (Республика Беларусь, Российская Федерация, Казахстан) (наиболее широкая компетенция).

В Республике Беларусь прокуратура является многофункциональным органом, поскольку прокурорский надзор не ограничен лишь уголовно-правоохранительными компетенциями, а представляет собой в том числе один из основных элементов контрольно-надзорного механизма. В странах, в которых задачи прокуратуры ограничены поддержанием в суде государственного обвинения, функция «общего надзора», как правило, отсутствует. В таких странах прокуратура является, по сути, министерством юстиции, представляет собой один из исполнительных департаментов и подчинена центральному правительству (Польша, Бельгия, Нидерланды и др.). Поскольку в Республике Беларусь прокуратура, помимо иных функций, осуществляет общенадзорные полномочия в отношении подчиненных Совету Министров Республики Беларусь государственных органов и организаций, она не является самостоятельной ветвью государственной власти, не входит ни в одну из них, а занимает обособленное положение в государственном аппарате.

Вместе с тем наличие в прокуратуре «общего надзора» свойственно прежде всего странам постсоветского пространства, поскольку является наследием советской государственности в условиях отсутствия в то время узкопрофильных компетентных контролирующих органов. В настоящее время с развитием системы государственного управления мы имеем *не только довольно обширный аппарат ведомственно-отраслевых контролирующих органов* (органы транспортной инспекции, санитарного контроля, государственной статистики, органы и государственные организации, осуществляющие контроль за соблюдением лицензионных требований, и т. п.), но и почти не имеющий аналогов на постсоветском пространстве по аппаратному весу и широте компетенции как по предметному, так и по функциональному признакам *Комитет государственного контроля* (далее – КГК). Для понимания широты функционала упомянутого ведомства достаточно охарактеризовать его основные задачи, которые сводятся от контроля за республиканским бюджетом и государственной собственностью до контроля за хозяйственными, финансовыми и налоговыми отношениями.

В этой связи если роль «общего надзора» прокуратуры в первом случае еще можно обосновать необходимостью заполнения пробелов контрольно-надзорного механизма в случае, если объект контроля является достаточно узким, и отсутствует соответствующий отраслевой ревизионный орган, то во втором случае прослеживается **дуближ функционала и компетенции между прокуратурой в части осуществления «общего надзора» и КГК.**

Например, в Российской Федерации Счетная палата является органом парламентского контроля и осуществляет контрольно-ревизионную деятельность лишь в пределах вопросов, связанных с исполнением федерального бюджета. В целом аналогичная ситуация имеет место и со Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан. Иными словами, в данных условиях прокуратуры Российской Федерации и Казахстана, осуществляя «общий надзор», занимают центральное место в контрольно-надзорном процессе в сфере государственной собственности,

налоговых и иных хозяйственных правоотношений, при этом контроль за бюджетными правоотношениями является обособленным и институционально «принадлежит» парламенту.

Ряд правоведов и политологов бесосновательно считали бесперспективной функцию «общего надзора» (что, например, практически было реализовано на Украине в 2015 г. путем упразднения общенадзорной компетенции в рамках реформирования системы органов прокуратуры). Прокурорский «общий надзор» остается важным институциональным элементом контрольно-ревизионного механизма государства и системы обеспечения национальной безопасности. При этом полагаем, что его следует «укрепить» посредством перераспределения контрольно-надзорных компетенций в сфере финансово-хозяйственной деятельности и кадровых ресурсов между прокуратурой и КГК, а также путем организационно-штатного расширения органов прокуратуры соответственно. КГК в этой связи представляется обоснованным ограничить лишь пределами контроля за исполнением республиканского бюджета и связанными с указанной функцией компетенциями, переподчинив его Национальному собранию Республики Беларусь.

Одной из главных проблем «общего надзора» является **проблема его функциональных пределов**, а именно, возможности (допустимости) **подмены органами прокуратуры иных контролирующих органов**.

С одной стороны, здесь всё предельно ясно – закон четко определяет, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и субъекты хозяйствования, не вторгаются в их оперативную и (или) хозяйственную деятельность.

Однако, с другой стороны, в правоприменительной практике подмена контролирующих органов встречается довольно часто. Так, при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере экономики довольно сложно определить границы надзорной деятельности с целью невмешательства в хозяйственную деятельность организаций. Этому есть и нормативно закреплённое исключение, когда это необходимо для защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, общественных и государственных интересов.

Это особенно касается задачи по осуществлению контрольно-надзорных полномочий в сфере взыскания внешней просроченной дебиторской задолженности, так и иных задач прокуратуры в рамках «общего надзора» в налоговой, социальной, жилищной и иных сферах. В последнем случае достаточно распространен механизм вынесения предписаний об устранении нарушений законодательства. Например, налоговые органы направляют в прокуратуру письмо о принятии мер реагирования к лицам, не исполнившим надлежащим образом свои налоговые обязательства, в связи с чем прокуратура выносит предписания, в которых требует уплатить суммы налогов. При этом в случае неуплаты налогов реальный механизм действия такого предписания упирается в организацию дисциплинарного производства либо привлечение к административной ответственности обязанного лица. В этой связи полномочия прокурора не являются более действенными, нежели имеющиеся в арсенале налоговых органов. Иначе говоря, применительно к типичной ситуации прокуратура не обладает какими-либо особыми экстраординарными полномочиями, использование которых могло бы эффективно подменить деятельность контролирующих органов. Таким образом, в подобных случаях

прокурорский надзор более целесообразен, когда предметом проверки является законность (а значит, и эффективность) осуществления самой контрольной деятельности.

Также отметим, что **институционально «общий надзор» должен касаться лишь экономической и социальной сфер** и не должен распространяться на законодательство о профилактике правонарушений, об административных правонарушениях и процессуально-исполнительное законодательство об административных правонарушениях. Так, следует отметить, что в территориальной прокуратуре штат прокурорских работников, реализующих общенадзорные полномочия, достаточно невелик, а предметная сфера данного надзора – крайне широка. Это не может не отражаться на качестве реализации «общего надзора», в том числе при рассмотрении обращений граждан и юридических лиц. В этой связи вышеизложенные отрасли законодательства обоснованно включить в сферу надзора на досудебных стадиях уголовного процесса.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1) независимо от возобладания тех или иных тенденций в ходе государственного строительства, нам представляется важным сохранение «общего надзора» в системе отраслей прокурорского надзора. Вместе с тем следует перераспределить ряд задач, функций и полномочий от КГК к прокуратуре в целях оптимизации контрольно-надзорного механизма в частности и системы государственного аппарата в целом;

2) при осуществлении прокуратурой «общего надзора» следует в полной мере отказаться от применения мер прокурорского реагирования, которые фактически дублируют функции тех или иных контролирующих органов. Во взаимодействии прокуратуры с иными государственными органами при реализации последними своих ревизионных полномочий акцент должен быть сделан на проверке законности (в том числе и эффективности) самой контролирующей деятельности соответствующего государственного органа;

3) институционально «общий надзор» должен быть ограничен лишь социальной и экономической сферами, при этом надзор в сфере профилактики правонарушений и административного процесса должен быть выведен из подсистемы «общего» надзора» и совмещен с подсистемой надзора за исполнением законов в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания.

ПРОКУРАТУРА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Русецкий О.В.

Распространение наркотиков¹ обоснованно рассматривается в качестве фактора, препятствующего позитивному развитию социума. Поскольку наиболее уязвимой социально-демографической группой в данном отношении выступает молодежь, следует говорить об отнесении данного негативного явления к реальным угрозам жизнедеятельности белорусского общества. В связи с этим перманентно актуальными являются вопросы совершенствования антинаркотической деятельности.

Развитие наркоситуации в Республике Беларусь в современный период отличается волнообразной динамикой. Исследование статистики показывает, что после существенного возрастания в 2013-2015 гг. на протяжении 2016-2020 гг. количество связанных с наркотиками преступлений в стране снижалось. В 2021 г. во всех регионах Республики Беларусь был зафиксирован рост рассматриваемых уголовно наказуемых деяний. Возросло количество связанных с наркотиками преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также лицами в составе организованной группы. В последние три года прослеживается тенденция увеличения смертности в результате отравления наркотиками.

В целях повышения эффективности антинаркотической деятельности в органах прокуратуры на постоянной основе организован анализ наркоситуации и законности в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и профилактики их потребления. С учетом складывающейся обстановки планируются и проводятся проверки исполнения антинаркотического законодательства, в том числе среди несовершеннолетних и молодежи. Анализируются наиболее сложные направления практической работы правоохранительных органов.

На региональном уровне организовано исполнение плановых и программных мер антинаркотической политики. Вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков, профилактики их потребления рассматриваются на координационных, межведомственных и оперативных совещаниях, на которых предусматриваются меры по повышению эффективности проводимой работы. С участием прокуроров проводятся выездные судебные заседания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 328 УК Республики Беларусь. В СМИ (в т. ч. на Интернет-ресурсах) освещаются проблемы антинаркотической деятельности, размещается информация о принятых судами общей юрисдикции решениях по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, имеющим общественный резонанс.

Прокуратурами областей проводятся учебно-методические мероприятия для прокурорских работников нижестоящих подразделений. Обучающие мероприятия проводятся также для специалистов субъектов профилактики. В учреждениях образования и иных организациях (на стендах, уголках правовых

¹ Здесь и далее если, не указано иное, под наркотиками понимаются вещества природного или синтетического происхождения, определяемые в законодательстве Республики Беларусь как «наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги».

знаний) обновляется печатная информация по профилактике наркопреступлений. Организуются и проводятся беседы в трудовых и учебных коллективах. Сотрудники органов прокуратуры принимают участие в учебно-методических сборах с руководителями и следователями региональных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь.

Повышению результативности прокурорского надзора в рассматриваемой сфере служит приказ Генерального прокурора Республики Беларусь от 9 июня 2021 г. № 66 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательных актов в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и профилактике их потребления», п. 4 которого предусматривает ежегодный анализ практики антинаркотической деятельности с выработкой предложений по повышению эффективности прокурорского надзора, формированию единообразной следственной и судебной практики, совершенствованию законодательства.

По итогам 2021 г. в ходе указанного анализа выявлены проблемы, связанные с: организацией взаимодействия (в том числе ввиду ненадлежащего обмена информацией) субъектов профилактики в работе по выявлению, лечению и трудоустройству наркозависимых лиц; выполнением мероприятий профилактической направленности в отношении несовершеннолетних и молодежи (особенно учащихся ССУЗ и ПТУ); проведением доследственных проверок, а также нарушением требований УПК в ходе предварительного расследования по анализируемой категории преступлений. Перманентными являются вопросы раскрываемости связанных с наркотиками преступлений, отсутствия значимых результатов по пресечению преступной деятельности руководителей организованных групп.

Для преодоления указанных проблем в современных условиях при осуществлении прокурорского надзора по рассматриваемому направлению необходимо особое внимание уделять мерам, направленным на надлежащее определение и своевременное устранение причин и условий потребления наркотиков, совершения связанных с наркотиками преступлений, оптимизацию информационного и организационного взаимодействия субъектов профилактики, в том числе общественных организаций, локальное правовое обеспечение данного направления работы.

В целях повышения уровня оценки наркоситуации в регионах, совершенствования работы по выявлению несовершеннолетних наркопотребителей целесообразно в ходе подготовки и проведения прокурорских проверок осуществлять анализ информации в разрезе соотнесения данных о времени инициальной пробы и времени выявления факта потребления наркотиков (постановки на учет для несовершеннолетних, обращения за медицинской помощью, привлечения к ответственности для лиц молодежного возраста). Для формирования массива указанных данных целесообразно истребование соответствующей информации из организаций здравоохранения, инициирование проведения субъектами профилактики опросов учащейся и работающей молодежи. Сбор социологической информации целесообразно осуществлять методом анонимного анкетирования. Помимо вопросов о времени инициального потребления наркотиков либо токсикоманических веществ, анкеты должны включать вопросы об индивидуальных причинах и условиях рассматриваемых девиаций, обстоятельствах, способствующих их латентности.

Для снижения остроты проблемы смертности в результате наркопотребления необходимо с привлечением специалистов сферы здравоохранения, МВД проанализировать причины роста случаев отравления наркотиками (в частности метадонам). По итогам разработать и реализовать комплекс мер, включающий активизацию работы по снижению доступности соответствующих наркотиков (каналы поступления), виктимологическую профилактику (просветительскую и иную работу) среди состоящих на учете наркопотребителей, их социального окружения, а также освещение данных вопросов в СМИ. Меры по виктимологической профилактике должны строиться на принципах адресности и персонализации, иметь в арсенале средства оказания реальной помощи и психологической поддержки.

Для повышения уровня доследственной и следственной работы по анализируемой категории преступлений на межведомственной основе необходима разработка комплексного методического обеспечения, в том числе раскрывающего вопросы надлежащего выявления причин и условий рассматриваемых уголовно наказуемых деяний.

В целях совершенствования профилактики потребления подростками наркотиков, токсикоманических веществ, а также вовлечения несовершеннолетних и молодежи в незаконный оборот наркотиков целесообразно на государственном уровне предложить заинтересованным органам (Минобразования, МВД, Минздрав) разработку методического обеспечения и внедрение в учебно-воспитательный процесс программы последовательного антинаркотического воспитания в учреждениях дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования. Развитие антинаркотического воспитания видится необходимым условием совершенствования антинаркотической деятельности. Его основными целями выступают выработка внутренних установок недопустимости потребления наркотиков, защитных факторов мировоззренческого характера, определяющих позитивные представления о цели и смысле человеческой жизни, создание достойных альтернатив соблазнам изменения или ухода от реальности. Принципами надлежащей организации антинаркотического воспитания выступают: системность, полнота, целостность, последовательность, адекватность потребностям и интересам учащихся, непротиворечивость предоставляемой информации. Особое внимание следует уделять последовательности развития антинаркотического воспитания в отношении молодежи, находящейся вне родительского контроля (учащихся учреждений профессионально-технического образования, студентов, переехавших для учебы в другой населенный пункт).

Важным в развитии системы профилактики связанных с наркотиками (и не только) криминальных и иных девиантных действий молодежи представляется существенная переориентация организационных основ предупредительной деятельности, которая должна учитывать «включенность» несовершеннолетних и молодых людей в виртуальный мир информационных технологий, значимость этой «реальности» для профилируемых лиц. Правовое просвещение, контроль поведения, ответственность и иные средства влияния на позитивную социализацию подростков должны быть адаптированы и широко использоваться в системе современного сетевого взаимодействия.

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ НАЛОГОВ

Судник Т.В.

Защита прав плательщиков налогов является важным институтом налогового права в правовом государстве. На современном этапе вопросы обеспечения прав плательщиков являются актуальными и охватывают различные сферы налогового администрирования и налогообложения.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что под защитой прав плательщиков налогов следует понимать совокупность мер по восстановлению либо признанию нарушенных или оспариваемых законных прав и интересов.

Институт защиты прав плательщика налогов определяется как система регулятивных и охранительных норм, координирующих финансово-правовые отношения по поводу реализации плательщиком права на защиту, возникающего в связи с реальной угрозой такого нарушения.

Правовой гарантией защиты прав плательщиков налогов выступает наличие соответствующей правовой базы для их защиты, а организационными гарантиями являются специальные способы защиты права.

По мнению А. А. Карханиной к способам защиты прав относятся закрепленные законом материально-правовые и процессуальные меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и осуществляется воздействие на правонарушителя.

В настоящее время в связи с несовершенством налогового законодательства, наряду с его неясностью и правоприменительной практикой, ущемляющей права плательщика, а также противоречивой судебной практикой по налоговым спорам, имеется ряд проблем, связанных с защитой прав плательщиков налогов. Причины указанных проблем кроются в избыточном налоговом администрировании и в неправомерных действиях отдельных должностных лиц контролирующих органов.

Основное содержание налогового законодательства составляют нормы, которые устанавливают порядок взимания налогов, выполняющих фискальную функцию. В этой связи возникают права и обязанности субъектов налоговых правоотношений, связанные с исчислением и уплатой налогов.

А. В. Красюков отмечает, что налоговое право должно устанавливать границы дозволенного поведения как плательщика налогов, так и налогового органа, действующего в целях удовлетворения публичного фискального интереса, а также обозначать разумное соотношение между публичным фискальным интересом и частными интересами плательщика.

Существенная роль в защите и восстановлении нарушенных прав и законных интересов плательщиков налогов принадлежит прокуратуре Республики Беларусь, которая согласно Конституции Республики Беларусь (глава 7) и Закону Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), являясь единой централизованной системой, осуществляет надзор за исполнением действующих на территории Республики Беларусь законов, предпринимает меры,

направленные на устранение их нарушений и привлечение нарушителей к ответственности.

В науке налогового права в качестве одного из способов защиты прав плательщиков налогов выделяется прокурорский способ. Реализация данного способа осуществляется посредством мер прокурорского реагирования.

Сущность надзора прокуратуры за соблюдением прав плательщиков налогов можно определить как деятельность органов прокуратуры по приему, анализу и оценке поступающей информации о нарушении прав плательщиков, а также проведению в необходимых случаях проверок и принятию мер прокурорского реагирования в целях устранения выявленных нарушений законов.

В работе органов прокуратуры в этом направлении следует выделить основные задачи, поставленные перед данными органами:

- своевременное выявление и безотлагательное реагирование на все факты нарушений, касающихся прав и законных интересов плательщиков налогов;

- обеспечение комплексного мониторинга законопроектов и действующей нормативной правовой базы в налоговой сфере на наличие в них административных барьеров и иных положений, нарушающих права и законные интересы плательщиков налогов, а также принятие мер к их устранению путем внесения соответствующих предложений в органы, обладающие правом законодательной инициативы;

- обеспечение точного и единообразного исполнения требований закона должностными лицами государственных органов, обладающими контрольными и надзорными полномочиями, для соблюдения прав плательщика, в том числе путем предотвращения незаконных процедур, платежей, требований, проверок, а также недопущения возложения на плательщиков не предусмотренных законом обязанностей;

- обеспечение привлечения к ответственности лиц, препятствующих законной деятельности плательщиков налогов.

Действия прокуроров при выполнении этих задач, как правило, носят комплексный характер и направлены не только на устранение конкретного нарушения, но и на исключение причин и условий, способствующих нарушениям законодательства.

Практика прокурорского надзора показывает, что наиболее часто нарушения прав плательщиков, связанных с налогообложением, допускаются налоговыми органами, поскольку налоговый контроль значительно в большей степени, по сравнению с другими видами государственного контроля, затрагивает интересы плательщиков налогов.

Основными причинами указанных нарушений являются: незаконные действия или бездействие должностных лиц налоговых органов, вынесение решения, не соответствующего требованиям законодательства, отказ налоговых органов вернуть из бюджета средства, списанные в бесспорном порядке со счетов плательщиков с нарушением требований законодательства и другие. Помимо этого, права плательщиков могут ущемляться и при привлечении их к административной ответственности по итогам контрольных мероприятий.

Основанием для проведения прокурорской проверки и применения мер прокурорского реагирования в основном являются жалобы или заявления плательщиков налогов.

Вместе с тем следует отметить, что не исключена возможность проведения прокурорами проверок соблюдения прав плательщиков на основании данных, полученных ими из иных источников (средств массовой информации, актов прокурорского реагирования по другим вопросам и т. п.).

К мерам прокурорского реагирования в сфере защиты прав плательщиков налогов относятся закрепленные в Законе о прокуратуре акты прокурорского надзора, подаваемые в суды заявления (иски), а также реализация иных полномочий прокурорами, направленных на устранение выявленных нарушений, касающихся прав плательщиков, привлечение лиц к установленной законодательством ответственности. Для устранения выявленных нарушений законодательства прокурор определяет наиболее эффективную меру реагирования и обеспечивает контроль исполнения требований прокурора.

В большинстве случаев действенным средством прокурорского реагирования на выявленные нарушения прав плательщиков налогов является принесение протеста на противоречащие законодательству правовые акты или решения (действия) республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, местных органов власти, должностных лиц (ст. 39 Закона о прокуратуре). В протесте прокурор требует отмены либо изменения противоречащего законодательству правового акта, решения или прекращения незаконного действия. Указанная мера прокурорского реагирования должна восстанавливать нарушенные права лиц, в отношении которых приняты незаконные акты (решения) либо совершены действия.

Если нарушения прав плательщиков налогов носят распространенный характер, прокуроры применяют такую меру прокурорского реагирования как представление. Представление является средством прокурорского реагирования, содержащим требования об устранении нарушений законодательства, причин и условий, способствующих этим нарушениям (ст. 38 Закона о прокуратуре).

Что касается такой меры, как предписание, то оно выносится в случае нарушения законодательства, которое носит явный характер и может причинить существенный вред правам и законным интересам плательщиков (ст. 41 Закона о прокуратуре).

Кроме того, результативной мерой прокурорского реагирования для восстановления нарушенных прав плательщиков налогов является обращение прокуроров с исками (заявлениями) в суд.

И в заключение представляется обоснованным отметить, что происходящий в последние годы в Республике Беларусь процесс интенсивного изменения налогового законодательства и механизмов налогового администрирования требуют от прокуроров повышенного внимания к вопросам защиты прав плательщиков налогов, а также совершенствования и улучшения качества прокурорского надзора в рассматриваемой сфере.

О ПРАВОЗАЩИТНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Хомич В.М.

1. Вопрос о правозащитной компетенции органов прокуратуры был и остается непростым и сегодня, прежде всего, по *значимости и приоритетности* в реализации надзорных функций прокуратуры по всем направлениям ее деятельности. Прокуратура на протяжении всей своей истории внутренне осознанно стремилась отстаивать и отстаивала свою правозащитную компетентность в системе органов государства как в контексте ее места в классическом разделении властей, так и в определении ее полномочий и правового статуса.

2. Правозащитная компетенция прокуратуры – это основа основ ее публично-правового статуса как особых профессионально-охранительных полномочий по обеспечению законности в деятельности и общества, и государства в рамках установленного публичной властью правопорядка, предопределяет устойчивость функционирования государственной правовой системы в публично организованном обществе. Уже в первом Положении о прокурорском надзоре 1922 г. на государственную прокуратуру возлагалось осуществление надзора **от имени государства** за законностью действий государственных учреждений, общественных организаций, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений на основе проверки их законности. В соответствии со ст. 3 Положения прокурору в целях обеспечения и восстановления законности было предоставлено право требовать от всех административных учреждений и должностных лиц республики необходимые сведения и материалы для проведения проверки относительно законности совершенных указанными учреждениями и должностными лицами действий. То есть за прокуратурой функционально закладывается и общенадзорная правозащитная компетенция за соблюдением законности в делах частных и публичных (вне системы уголовного преследования и обвинения). Конечно, содержательно она пока не определялась как правоохранительная и правозащитная с позиций оценки интегративного соотношения действительного права и закона. В качестве приоритетной сферы надзора за органами прокуратуры все-таки складывалась сфера уголовного преследования (обвинения).

3. Общенадзорный функциональный статус органов государственной прокуратуры в системе зарождающихся государственных органов республики пока четко не определялся. Очевидно было только одно исходное и пока только в виде *целеполагающего направления* развития органов прокуратуры – обеспечение в контексте *общего надзора единой* законодательной и исполнительно-законодательной политики в деятельности государственных учреждений, общественных организаций, частных организаций и частных лиц. И вот здесь важно обозначить, что *правовую основу* этой общенадзорной функции органов прокуратуры составляет наполнение состояния законности (законов) *правовым содержанием и правовым измерением*, что всегда было и остается не простым вопросом для реальной правозащитной практики органов прокуратуры. Поэтому правоохранительная составляющая функций органов прокуратуры далеко не сразу и далеко не всегда последовательно внедрялась *нормативно и деятельно* в систему надзорных полномочий органов прокуратуры.

4. Тем не менее, прокуратура Республики Беларусь с момента ее основания формировалась с ориентацией на статус многофункционального правозащитного органа государственного надзора за законностью. Разве не существует и сегодня необходимости защиты интересов простых граждан от незаконных обременений их прав со стороны государственных и негосударственных органов и организаций. Эта проблема никогда не снималась с повестки дня в истории белорусской прокуратуры. Все последующие статусные законы о прокуратуре однозначно закрепляли многофункциональную модель белорусской прокуратуры как государственного органа, приоритетным направлением деятельности которого является надзор за исполнением законодательства при сохранении надзора за уголовным преследованием и поддержанием обвинения.

5. Надзорные полномочия органов прокуратуры за соблюдением законодательства функционально, содержательно и самое важное социально востребовано корректировались, но все-таки *оставались в рамках общей приоритетной направленности надзора на защиту публично установленных прав и свобод граждан на принципах законодательного регулирования и законодательного исполнения*. В этом нет ничего необычного, поскольку политически организованной властью заведомо презюмируется, что позитивное право, формируемое государством, сбалансировано выражает и осуществляет в социальных практиках и в правоприменительной коммуникации общесоциальные интересы людей и гражданского общества. Но это презумпция *опровержимая*, поскольку не совпадение права и закона – исторически и политически объективно возможная и диалектически изменчивая конструкция. Различать право и закон – это давняя демократическая платформа в мировой и отечественной правовой политике. Основана она на естественно-правовой доктрине понимания *действительного права*, согласно которой, разумеется, с учетом различных вариантов его интерпретации, различаются *естественное право*, как совокупность определенных правовых ценностей в виде естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека, и *позитивное право*, как система законов государства, между которыми может быть, как соответствие, так и противоречие. В указанном дискурсе противоречий права и законов и заключена объективная необходимость интеграции права (правовых смыслов и ценностей) в законодательную и правоприменительную деятельность государства, в том числе и в систему прокурорского надзора за обеспечением законности. В этом суть и функциональное предназначение *правозащитной деятельности* прокуратуры при осуществлении надзора по всем его направлениям, предусмотренным законодательством о прокуратуре.

6. Следует заранее оговориться, что правоохранительная составляющая в надзорной деятельности прокуратуры имеет свои особенности, можно сказать, объективно правовые ограничения в зависимости от сферы (объекта) надзорной деятельности. Так, надзорные полномочия органов прокуратуры в сфере уголовного преследования и публичного обвинения всегда осуществлялись в рамках правил, устанавливаемых процессуальным законодательством и в контексте строгого их исполнения субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Отсюда состояние законности в этой сфере определялось не констатацией *правовой обоснованности*, а публично установленными требованиями уголовного закона и процессуальной процедуры. Эта сфера деятельности изначально и исторически основана не на споре о праве,

а на публично-правовом обвинении человека в совершении деяния, которое предусмотрено уголовным законом в качестве преступления.

Однако заявляемая правовая защита законности средствами прокурорского надзора сферы уголовного преследования и обвинения не означает, что тем самым автоматически интегрируются правовые позиции в деятельности прокуратуры при осуществлении надзора за указанной сферой.

7. Социально-правовые практики уголовного преследования и применения уголовного права иницируются и рассматриваются преимущественно с позиции публично-государственных интересов. Тем не менее нельзя не заметить, что после 90-х гг. XX века были сделаны существенные шаги по актуализации правоохранительной составляющей в надзорной деятельности прокуратуры и в сфере уголовного преследования и поддержания государственного обвинения (в частности, во многом это обусловлено введением института состязательности сторон обвинения и защиты на судебной стадии уголовного судопроизводства). Это связано также и с расширением на правовой основе дискреционных норм в уголовном и уголовно-процессуальном законе, требующих не только соблюдения буквы закона, но и учета сугубо правовых позиций, связанных с интересами общества (*возможность признания уголовно-правонарушающего деяния малозначительным, система критериев оценки обстоятельств, исключающих преступность деяния, допустимость применения альтернативных наказанию мер уголовно-правового воздействия, относительно-оценочный характер оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, социально-оценочная система санкционирования применения мер пресечения и проведения ОРД, сфера оценки допустимости доказательств и т. п.*).

8. Тем не менее, правозащитная деятельность прокуратуры более всего выражена в так называемом общем надзоре за соблюдением законодательства, в котором всегда балансируют частные и публичные интересы и существует объективная необходимость оценки их противостояния с правовых позиций для принятия законного решения. Собственно, правозащитная функция направлена на обеспечение органами прокуратуры безопасности и нормального развития общества на принципах общечеловеческой оценки состояния законности и установленного правопорядка и это является одним из важнейших требований и социальной обязанностью для любого государства, претендующего на статус социального и правового.

Правозащитный контекст в широком смысле представляет собой общее требование к публично-правовой деятельности для всех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной, а в узком предполагает – целенаправленную деятельность специализированных государственных органов и уполномоченных лиц, осуществляющих на профессиональной основе охрану права и обеспечивающих его интеграцию в поддержании законности, то есть на основе общечеловеческого измерения позитивного права (права, исходящего от государства) в соответствии с такими образующими действительное право принципами как ответственно гарантированная свобода субъектов социальной деятельности, их ответственно правовое равенство, справедливость в распределении и реализации социально-правовых благ.

9. В теории права правозащитная деятельность рассматривается как форма осуществления функций государства посредством властной оперативной работы

государственных органов по охране правовых позиций и смыслов в нормах законодательства, их интеграции по всей системе защиты предоставленных участникам правоотношений субъективных прав и обеспечения выполнения возложенных на них юридических обязанностей.

Прокуратуре Республики Беларусь присуще особое положение в системе правоохранительных органов, что предопределяется особенностями ее правового статуса, который можно обозначить как комплексно интегрирующий и координирующий в оперативном режиме состояние законности на соответствие ее не только формализованным нормативам, установленным законоположениями, но и правовым позициям действительного права.

10. Правоохранительный контент правозащитной функции органов прокуратуры содержательно и алгоритмически закреплён в ст. 4 действующего Закона от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь», где прямо определено, что одной из задач прокуратуры является **«обеспечение верховенства права»**, и эта задача определяется в качестве первичной и приоритетной, своего рода мегазадачи, определяющей смысл всех других задач. На этой основе должны обеспечиваться и законность, и правопорядок, и защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. В целях выполнения этих задач прокуратура осуществляет надзор за исполнением законодательства республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчинёнными Совету Министров Республики Беларусь, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями. Далее в этой статье указывается, что в целях обеспечения *этих же задач* прокуратурой осуществляется надзор за: исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания; соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении; соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера. Более того в ч.2 упомянутой статьи Закона о прокуратуре указывается, что прокуратура координирует **правозащитную деятельность** государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, деятельность по профилактике правонарушений. Заметим, что правоохранительный контент координирующей деятельности органов прокуратуры выходит за пределы надзора за сферой уголовного преследования, обвинения и носит интеграционно-правовой характер в сфере формирования эффективной законодательной и правоприменительной политики в области противодействия преступности и коррупции.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Швед Н.А.

С 15 ноября 2021 г. начал действовать Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 93-З «О защите персональных данных» (далее – Закон), положения которого направлены на защиту персональных данных, прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных.

К обработке персональных данных относят любое действие или совокупность действий, совершаемых с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных (абз. 6 ст. 1 Закона).

При этом персональные данные защищаются при их обработке с использованием средств автоматизации и без их использования, если при этом обеспечивается поиск персональных данных и (или) доступ к ним по определенным критериям (картотеки, списки, базы данных, журналы и др.) (п. 1 ст. 2 Закона).

Одним из основных направлений деятельности прокуратуры является надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных правовых актов республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями (надзор за исполнением законодательства).

Прокурорский надзор распространяется на самые различные сферы законодательства, при этом в поле зрения прокуроров находятся тысячи законодательных и иных нормативных правовых актов. Очевидно, что при проведении прокурорских проверок органами прокуратуры обрабатываются персональные данные, полученные в связи с выполнением надзорной функции. Это могут быть личные данные субъекта, паспортные данные, сведения о доходах и расходах, сведения о судимости, о привлечении к уголовной ответственности и др. Сказанное вытекает из анализа полномочий прокурора при осуществлении им надзора за исполнением законодательства, закрепленных в п. 1 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре). Так, в частности прокуроры могут безвозмездно использовать информационные системы, банки данных и архивные документы государственных органов, иных организаций и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей. Указанная информация может быть получена в соответствии с законодательными актами, нормативными правовыми актами в области противодействия коррупции, а также организационно-распорядительными документами Генерального прокурора.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на опыт прокуратуры Российской Федерации, где приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 ноября 2013 г. № 506 утверждена и введена в действие Инструкция о порядке обработки в органах прокуратуры Российской Федерации

персональных данных, полученных в связи с осуществлением прокурорского надзора (далее – Инструкция). Инструкция призвана обеспечить обработку и защиту персональных данных, полученных в связи с осуществлением прокурорского надзора, в строгом соответствии с требованиями законодательства. Инструкция регламентирует единый порядок обработки персональных данных в органах прокуратуры Российской Федерации при осуществлении прокурорского надзора, содержание обрабатываемых персональных данных, сроки их обработки и хранения, порядок уничтожения обработанных персональных данных при достижении целей обработки или при наступлении иных законных оснований. Так, в Инструкции определен перечень информации, которую прокуроры имеют право получать при осуществлении установленных законодательством Российской Федерации полномочий, порядок обработки персональных данных, рассмотрение запросов субъектов персональных данных или их представителей, уточнены меры по организации работы по обеспечению безопасности персональных данных в органах прокуратуры Российской Федерации, полномочия лиц, ответственных за организацию обработки персональных данных, полученных в связи с осуществлением прокурорского надзора.

Таким образом, в Российской Федерации предприняты определенные меры для регламентации порядка обработки и защиты персональных данных при осуществлении прокурорского надзора. Полагаем, что в Республике Беларусь с учетом нового правового регулирования также следует принять определенные меры при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства, направленные на защиту персональных данных.

Также персональные данные могут стать предметом обработки при осуществлении надзора за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания, надзора за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении, надзора за соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера.

Помимо осуществления надзорной функции, персональные данные могут быть предметом обработки и при осуществлении иных функций прокуратуры. Так, например, в соответствии со ст. 14 Закона о прокуратуре *при рассмотрении* обращений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, содержащих сведения о нарушении законодательства, с большой долей вероятности можно утверждать, что в данных обращениях будут содержаться различные персональные данные.

Следует также отметить, что в органах прокуратуры обрабатываются и персональные данные самих работников прокуратуры в связи со служебной (трудовой) деятельностью. Следует обратить внимание, что Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь, который является уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных, подготовлены рекомендации об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью. Отметим, что данные рекомендации носят общий характер и могут быть применимы к любой сфере трудовых отношений. Вместе с тем в отдельных сферах в силу специфики реализации

возложенных на сотрудников функций, а также специфики деятельности самой организации возможны некоторые особенности при обработке персональных данных, что также требуется учитывать при принятии правовых, организационных и технических мер по обеспечению защиты персональных данных, соблюдения требований ст. 17 Закона о защите персональных данных.

В качестве примера можно отметить, что в Российской Федерации приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 448 в целях установления единого порядка обработки персональных данных в органах и организациях прокуратуры утверждены Правила обработки персональных данных в связи с прохождением службы (работой) в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации. Так, данные Правила определяют цели, содержание, порядок, сроки обработки и хранения персональных данных в органах и организациях прокуратуры, порядок их уничтожения при достижении целей обработки или при наступлении иных законных оснований. В частности, в Правилах конкретизируются условия и порядок обработки персональных данных в связи с реализацией служебных или трудовых отношений, уточняются правила обработки персональных данных, осуществляемые в автоматизированных информационных системах либо без использования средств автоматизации, работа с обезличенными данными, сроки обработки и хранения персональных данных, порядок уничтожения персональных данных, а также рассмотрения запросов субъектов персональных данных или их представителей. Кроме того, в правилах, что очень важно, определяется статус лиц, ответственных за организацию обработки персональных данных. Помимо этого, регламентируется внутренний контроль соответствия обработки персональных данных установленным требованиям, который проводится в целях выявления и предотвращения нарушений законодательства Российской Федерации в области персональных данных в органах, организациях прокуратуры. В приложении к правилам дополнительно определяется перечень должностей федеральных государственных служащих Генеральной прокуратуры Российской Федерации, уполномоченных на обработку персональных данных либо имеющих доступ к персональным данным.

Однако хотелось бы отметить, что правовое регулирование обработки и защиты персональных данных в Республике Беларусь и Российской Федерации различается. Это следует учитывать при реализации собственных мер защиты персональных данных в органах прокуратуры Республики Беларусь.

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Юрочкин С.М., Сенкевич Д.К.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, национальная безопасность – состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

Национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны

и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития. Стратегическими национальными интересами являются: обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя; устойчивое экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики; достижение высокого уровня и качества жизни граждан.

Механизм правового воздействия на обеспечение национальной безопасности охватывает широкий круг отношений общественной жизни, нормы которого можно подразделить на следующие группы:

- правовые нормы, определяющие систему внутренних и внешних условий, предотвращающих угрозу национальной безопасности;

- правовые нормы, определяющие полномочия органов государственной власти и их должностных лиц по обеспечению национальной безопасности, в том числе по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения;

- правовые нормы, определяющие права и обязанности граждан, осуществление которых не должно нарушать права и свободы других лиц, а также нормы, предусматривающие ответственность за их нарушение.

Теоретический и практический интерес представляет соотношение понятий национальной безопасности и правопорядка, поскольку они несут одинаковую функциональную правовую нагрузку. Национальная безопасность и правопорядок – инструменты, влияющие на общественные отношения. Обеспечивается национальная безопасность, значит, существует должный правовой порядок; нарушается правопорядок – нарушаются отношения, связанные с национальной безопасностью.

Решая задачи, вытекающие из требований законов и складывающегося в стране состояния законности, посредством осуществления прокурорского надзора, с помощью предоставленных законом инструментов органы прокуратуры Республики Беларусь непосредственно участвуют в выявлении, предупреждении и устранении угроз национальной безопасности.

Задачи органов прокуратуры по противодействию экстремизму и терроризму усложняются с каждым годом.

В целях выработки научно обоснованных предложений по корректировке и оптимизации круга исследуемых задач, а также их содержания требуется постоянное научное осмысление новых вызовов и угроз национальным интересам Беларуси и их прогнозирование.

Их перечень можно представить следующим образом: распространение экстремистской идеологии; функционирование криминальных рынков, направленных на финансирование терроризма; кибертерроризм; вербовочная деятельность; деятельность международных неправительственных организаций, направленная на нанесение ущерба национальной безопасности; активизация деятельности НАТО; незаконная миграция.

Причинный комплекс представленных угроз можно условно классифицировать на внутренние и внешние детерминанты. К внутренним детерминантам относятся проблемы социально-экономического развития и коррупция, недостатки и просчеты в работе государственных институтов, в образовательной и культурной политике.

Внешние обусловлены военно-политическим противоборством в мире, использованием информационно-коммуникационных технологий как

инструмента давления на Республику Беларусь, нанесением ей экономического ущерба, пропагандой экстремистской идеологии.

Необходимость прокурорского вмешательства в обеспечение эффективного противодействия экстремизму и терроризму вытекает из положений базовых нормативных правовых актов – Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму» и Закона Республики Беларусь от 03.01.2002 № 77-З «О борьбе с терроризмом».

Инструментарий органов прокуратуры по выявлению, предупреждению и устранению угроз национальной безопасности постоянно совершенствуется. Подтверждением этому служит наблюдаемый в последние годы законотворческий процесс, который характеризуется существенной корректировкой статуса и задач прокуратуры, приводящий к расширению круга полномочий по обеспечению национальной безопасности.

Можно констатировать, что прокуроры участвуют в противодействии экстремистской деятельности и терроризму в пределах своей компетенции, используя весь спектр предоставленных им законом полномочий и правовых средств. При осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности по выявлению и пресечению преступлений экстремистской направленности прокуроры, используя предоставленные законодательством полномочия, обеспечивают принятие законных решений по материалам проверок и уголовным делам, а также необходимых мер по установлению причастности виновных лиц к противоправным действиям.

За последние несколько лет распространение идеологии экстремизма, попытки дестабилизации общественно-политической ситуации в стране ведутся посредством сети Интернет. Деятельность, связанная с использованием IT-технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе, отнесена к одной из основных угроз государственной и общественной безопасности.

В этой связи органами прокуратуры на постоянной основе осуществляется мониторинг сети Интернет на предмет выявления фактов размещения призывов к экстремистской деятельности, и в полной мере реализуются полномочия, предоставленные ст. 19 Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму», по обращению в суды с заявлениями о признании символики и атрибутики (за исключением нацистской символики и атрибутики), информационной продукции экстремистскими материалами.

Кроме того, одной из современных внешних угроз национальной безопасности Республики Беларусь, проявивших на европейском континенте, является реабилитация нацизма, достигшая масштабов государственной власти, открыто пропагандирующей крайние формы националистических настроений, восстановление в правах нацистских преступников и их пособников.

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в апреле 2021 г. возбуждено уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. Расследование данного уголовного дела имеет огромное историческое значение, позволяет противодействовать агрессивному давлению на подрастающее поколение и пресечь попытки обесценить правду.

По инициативе Генеральной прокуратуры разработан Закон Республики Беларусь от 05.01.2022 № 146-З «О геноциде белорусского народа». Данный нормативный правовой акт направлен на сохранение исторической памяти, противодействие фальсификации событий и итогов Второй мировой войны. Возбуждение и расследование вышеуказанного уголовного дела, принятие данного Закона направлены на укрепление национальной безопасности страны.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. Во время «переломных» политических трансформаций, один из периодов которых приходится на 2020–2021 гг., органы прокуратуры успешно решали поставленные перед ними задачи посредством осуществления прокурорского надзора, иных возложенных на прокуратуру функций и направлений деятельности.

2. Деятельность органов прокуратуры по противодействию экстремизму осуществляется посредством реализации возложенных на них законом функций в целях выявления, предупреждения и устранения угроз национальной безопасности Республики Беларусь, локализации и нейтрализации последствий их проявления.

3. Законотворческая практика последних лет характеризуется введением новых правовых институтов, значительно корректирующих статус и задачи прокуратуры. Они направлены на усиление роли прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, которое сопровождается расширением круга прокурорских полномочий и правовых средств (инструментов), в том числе по объединению и координации антикриминальных усилий различных государственных органов и органов местного управления, призванных бороться с экстремизмом и терроризмом.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВООПОРЯДКА

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ»

Булгакова Л.С.

В настоящее время вопрос самого понятия и системы «правоохранительных органов» остается в юридической литературе весьма актуальным и дискуссионным. Научная литература свидетельствует, что проблематика состоит в том, что само понятие «правоохранительные органы» на законодательном уровне не закреплено, какого-либо единого перечня органов, входящих в рассматриваемую систему и относящихся к правоохранительным органам нет, классификация, признаки и иные критерии характерные для правоохранительных органов также отсутствуют. Вместе с тем законодатель в нормативно-правовых актах принял попытку разъяснить и определить такое понятие. Стоит отметить, что впервые систематизация правоохранительных органов появилась в начале 80-х годов прошлого века, а понятие правоохранительной деятельности еще ранее, где-то в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. Впервые доктринально термин «правоохранительные органы» был употреблен в Законе СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР», а именно: в части выделения функции органов прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью и иными правонарушениями, однако какой-либо смысловой нагрузки указанный термин в себе не нес.

Позже в Указе Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» был список органов, которые отнесли к правоохранительным органам, например: органы внутренних дел РФ, органы федеральной службы безопасности, войска национальной гвардии РФ, органы уголовно-исполнительной системы РФ, органы принудительного исполнения РФ, таможенные органы РФ, следственные органы Следственного комитета РФ и др. Но парадокс заключался в том, что даже в указанном перечне список правоохранительных органов был открытым, что приводит к многообразию теоретических интерпретаций данной проблемы.

Для начала, чтобы определить круг органов, которые могут относиться к правоохранительным органам, необходимо раскрыть само понятие «правоохранительные органы». Как в юридической, так и в научной литературе правоохранительные органы трактуется по-разному: так, например, В. Г. Грибов и А. В. Мелехин считают, что правоохранительные органы – это обособленная по признаку профессиональной деятельности самостоятельная группа государственных и негосударственных органов, выполняющих следующие задачи: восстановление нарушенного права, наказание нарушителя, восстановление нарушенного права и наказание нарушителя одновременно.

На наш взгляд, указанная трактовка является сомнительной, т. к. для осуществления профессиональной деятельности в правоохранительных органах необходима правоохранительная служба. Ранее согласно п. 1 ст. 2 Федерального

закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» система государственной службы включала в себя такие виды служб, как: государственную гражданскую, военную и правоохранительную. В указанном законе было также закреплено само понятие правоохранительной службы как вида федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на столь продолжительный период действия указанной нормы, Закона о правоохранительной службе либо о правоохранительных органах до настоящего времени нет, предпосылками их отсутствия послужили факторы экономического и организационно-правового характера.

Безусловно, в случае принятия законодательства о правоохранительной службе последовала бы необходимость в предоставлении всем сотрудникам, которые бы относились к правоохранительным органам, целого ряда социальных гарантий, а именно: жилищное обеспечение, денежное довольствие и иное, также данные гарантии должны были бы соответствовать высокой планке, и, как следствие, указанные изменения потребовали бы выделения значительных ресурсов. Возможно, необходимость в указанном законе также отпала в связи с тем, что за указанный период появилось большое количество правовых актов, которые регламентировали не только деятельность федеральных органов исполнительной власти, но и включали в себя в том числе информацию о прохождении государственной службы.

Существующие в настоящее время нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы не только прохождения правоохранительной службы в федеральных органах исполнительной власти, но и социальные гарантии, говорят нам о том, что в настоящее время основа для формирования единого закона о правоохранительной службе уже заложена.

Так, например, в настоящее время прохождение службы в органах МВД России регламентируется Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а социальные гарантии – Федеральным законом от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; прохождение службы в Федеральной таможенной службе России регламентируется Федеральным законом от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации», а социальные гарантии – Федеральным законом от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в указанном законе также прописаны гарантии для сотрудников Федеральной службы исполнения наказания России и иных правоохранительных органов.

Другие ученые в содержание самого понятия «правоохранительные органы» закладывают такое понятие, как специальные органы. А. А. Чувилев и Ан. А. Чувилев считают, что правоохранительные органы – это специальные органы, чьей основной целью является защита права от нарушений, выявление, пресечение и предупреждение правонарушений, применение к нарушителям мер принуждения. Кто-то из авторов делает акцент именно на стоящие перед

правоохранительными органами задачами и выполняемыми функциями, правоохранительными органами называют функционирующие в обществе и государстве учреждения и организации, основной задачей деятельности которых является обеспечение законности, борьбы с преступностью и другими правонарушениями.

Многие авторы выделяют у правоохранительных органов такой признак, как принудительный характер деятельности. Так, В. А. Байдуков и В. М. Семенов рассматривают правоохранительные органы как государственные органы и общественные организации, которые всей своей деятельностью на основе закона в соответствующих формах и на демократических принципах призваны обеспечивать законность и правопорядок, защиту прав и интересов граждан, трудовых коллективов, коммерческих и некоммерческих организаций, общества и государства, предупреждать и пресекать правонарушения, применять государственное принуждение или общественное воздействие к лицам, нарушившим законность и правопорядок.

Л. К. Савюк характеризует правоохранительную деятельность как защитную: правоохранительными органами являются учреждения, а в некоторых случаях должностное или иное лицо (к примеру: судья, следователь, оказывающий юридическую помощь гражданам), которое согласно закону обязано и вправе защищать права, свободы, законные интересы физических (юридических) лиц, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государства в целом и (или) обеспечивать законность и правопорядок.

Для отнесения любого органа власти к правоохранительному блоку необходимо наличие ряда признаков:

Основная цель деятельности – охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, охрана интересов общества и обеспечение правопорядка.

Наличие специализированного законодательства, которое регулирует деятельность правоохранительного органа (Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О Прокуратуре Российской Федерации» и др.).

Деятельность правоохранительных органов функционирует в определенных рамках: закреплены четкие права, обязанности, запреты, ограничения, работа регламентирована четкими процедурами и правилами. Нарушение таких правил влечет дисциплинарную, административную, материальную или уголовную ответственность.

Правоохранительные органы в период осуществления своей деятельности вправе применять к виновным лицам меры принуждения, которые, в свою очередь, могут отличаться как по степени тяжести правонарушения, так и по органам, применяющим меры воздействия.

Принятые правоохранительными органами меры принуждения являются обязательными для исполнения.

Традиционно научное сообщество относит к правоохранительным органам суд, министерство внутренних дел, прокуратуру, органы юстиции, таможенные органы, органы федеральной службы безопасности, органы предварительного расследования. Вместе с тем вопрос отнесения суда к правоохранительным органам весьма спорный, в том числе в силу положений Конституции РФ: так, например, согласно ст. 72 Конституции кадровые вопросы правоохранительных органов и судебных органов

рассматриваются отдельно; кроме того, предусмотрено, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Согласно Положению о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденного Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567, к правоохранительным органам отнесены органы внутренних дел, федеральная служба безопасности, войска национальной гвардии, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, таможенные органы, Следственный комитет и др., однако суды данным Положением к правоохранительным органам не отнесены.

Кроме того, ранее мы указывали на ряд свойств необходим для отнесения органа власти к правоохранительным и суд обладает лишь некоторыми из них.

Учитывая изложенные выше признаки правоохранительных органов, а также принимая во внимание особенности судей, которые закреплены на законодательном уровне (например, особенности приема на работу, привлечения к ответственности и др.), можно утверждать о том, что суд нельзя отнести к правоохранительным органам.

Следующим не менее щепетильным вопросом является отнесения к числу правоохранительных органов адвокатуры, нотариата, частной детективной и охранной деятельности. Анализ научной литературы, а также действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что ни адвокатура, ни нотариат, ни иные подобные организации не являются правоохранительными органами, так как осуществляемым ими функциям не присущи признаки правоохранительной деятельности. Кроме того, ни одна из указанных организаций не вправе принимать государственно-значимые действия, а также меры принуждения. Вернее будет сказать, что указанные органы являются правоприменительными и «помогают» правоохранительным.

Таким образом, правоохранительные органы – это специально учрежденные государственные органы, целью деятельности которых является создание условий обеспечения законности и правопорядка посредством решения закрепленных за ними задач и выполнения одной или нескольких функций по охране и защите прав, свобод и законных интересов государства, граждан и организаций.

О РАЗВИТИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Гашникова Т.В.

Меры уголовного воздействия служат эффективным средством предотвращения действий, наносящих значительный вред окружающей среде, а через нее и здоровью людей. Поэтому уголовное право выполняет значимую роль в защите окружающей среды, что признается как на национальном, так и на международном уровне.

Происходящие процессы трансформации общественного сознания в том, что касается понимания и оценки значимости экологических угроз в современном

мире, актуализируют дальнейшую работу над проблематикой, связанной с определением действий, которые должны квалифицироваться как экологические преступления. В правовых исследованиях, посвященных исследованиям экологической преступности, зачастую говорится о неэффективности существующей системы мер по предупреждению и борьбе с преступлениями против окружающей среды, необходимости поиска новых подходов к правовому регулированию уголовной ответственности за преступления, связанные с негативным воздействием на окружающую среду.

А.В Захаров обращает внимание, что некоторые из современных глобальных экологических вызовов являются преступлениями, а совершение правонарушений рассматривается в качестве одной из причин возникновения современных глобальных экологических вызовов, ставящих под угрозу существование человеческой цивилизации. Поэтому в целях борьбы с подобными вызовами необходимо совершенствование юридической ответственности за экологические правонарушения.

Одним из деяний, влекущих тяжелейшие экологические последствия, является экоцид. Преступление экоцида относится к разряду преступлений против человечества, ответственность за которое изначально была установлена в международном праве в целях защиты окружающей среды в период вооруженных конфликтов, а впоследствии это деяние стало признаваться преступным по международному праву вне зависимости от того, имело оно место в военное или мирное время.

Ответственность за преступление экоцида предусмотрена статьей 131 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Согласно данной статье, экоцид – это умышленное массовое уничтожение растительного или животного мира, либо отравление атмосферного воздуха или водных ресурсов, либо совершение иных умышленных действий, способных вызвать экологическую катастрофу (экоцид). Последствия совершения данного преступления связаны с возникновением экологической ситуации, в которой качественное состояние окружающей среды будет находиться за рамками требований нормативов качества окружающей среды – нормативов, на основании которых определяется благоприятность либо неблагоприятность окружающей среды. И, соответственно, в случае возникновения подобной экологической ситуации будет нарушено право на благоприятную окружающую среду, провозглашенное статьей 46 Конституции Республики Беларусь.

Вместе с тем, при формулировке состава экоцида использованы понятия, которыми специальное законодательство не оперирует. Так, законодательство об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, о ядерной и радиационной безопасности не раскрывает содержание категорий «отравление атмосферного воздуха или водных ресурсов» и «экологическая катастрофа». Такая же проблема имеет место в законодательствах ряда иных государств, в частности в Российской Федерации и Кыргызской Республике, о чем свидетельствует анализ соответствующих публикаций. На практике это может означать невозможность привлечения виновных лиц к ответственности по данной статье ввиду отсутствия должного правового раскрытия ряда категорий, понимание содержания которых необходимо для квалификации действия как преступного.

То есть формулировка состава экоцида имеет оценочный характер. По мнению Е.Е. Веремчука, это дает повод задуматься о том, почему множество промышленных предприятий не несут ответственность за свою деятельность по рассматриваемой статье. Значительная часть хозяйственной деятельности заводов химической, тяжелой промышленности влечет за собой нарушения в окружающей среде, сопоставимые с понятием экоцида.

Более того, примером экоцида, в результате которого погибла растительность и животный мир близ лежащей территории, Е.Х. Жумамуратовым называется Чернобыльская авария. Вместе с тем, если по своим последствиям чернобыльская авария и повлекла возникновение ситуации, которая может быть рассмотрена как экологическая катастрофа, в рамках существующего правового определения экоцида чьи-либо действия не могут быть признаны экоцидом.

Также можно заметить, что в разных уголках планеты проходят акции протеста против экономического развития, когда банки обвиняются в финансировании «экоцида» – уничтожения окружающей среды.

Приведенные выше позиции предполагают кардинально иное видение существа экоцида по сравнению с нормативно закрепленным правовым определением экоцида. Как справедливо отметит О.Л. Дубовик, специалистами предпринимаются попытки «перекодировки» подходов к легитимации запретов на поведение, причиняющее вред окружающей среде, расширения охвата круга защищаемых уголовным правом объектов посягательств, внедрения в законодательство соответствующих норм.

А.П. Анисимов обозначает проблему противодействия экологическому терроризму, борьбе с которым препятствует отсутствие надлежащей политической воли, нормативной правовой базы, единства в понимании категорий. По его мнению, экологический терроризм – это одна из разновидностей преступлений террористической направленности, имеющая целью устрашение населения и оказание давления на органы власти путем посягательства на качественное состояние окружающей среды. Как разновидности выделяются технологический, ядерный, химический и биологический терроризм. Принципиальное отличие экологического терроризма от экоцида выражается в том, что экоцид не предполагает запугивания населения или оказания давления на органы власти. Он также рассуждает об экологическом радикализме, который проявляет себя в организации незаконных и насильственных акций, направленных против виновников экологических правонарушений, в том числе преступлений. Цель подобных акций заключается в привлечении внимания общественности к наиболее актуальным экологическим проблемам.

Считается, что наибольший вред окружающей среде причиняют юридические лица, осуществляющие хозяйственную деятельность, в процессе которой оказывается воздействие на окружающую среду. В связи с этим в доктрине поднимается вопрос о признании юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Особенно это актуально для случаев, когда деяние совершается неумышленно.

В белорусском законодательстве, подобно законодательству ряда иных государств, предусматривается возможность привлечения юридических лиц к административной ответственности за экологические правонарушения. Вместе

с тем, по мнению некоторых специалистов, в частности А. В. Федорова, на практике может иметь место маскировка преступлений под вид правонарушений. Он же задает вопрос, почему не может быть уголовной ответственности юридических лиц, если существует их гражданско-правовая и административная ответственность. В данном контексте А. Куксова указывает, что в настоящее время административная ответственность юридических лиц за экологические правонарушения не обеспечивает реализацию ни правоохранительной, ни репрессивно-карательной, ни превентивной функций. Административная ответственность юридических лиц за экологические правонарушения может служить альтернативой уголовной ответственности лишь при условии обеспечения соразмерности наказания и ужесточения санкций.

Сравнительно-правовой анализ, проведенный В.А. Волколуповой, показал, что одна из мировых тенденций развития уголовного законодательства заключается в установлении института уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления. В частности, уголовная ответственность юридических лиц, причастных к совершению таких преступлений, предусмотрена уголовными кодексами ФРГ, Испании, Эстонии, Экологическим кодексом Франции. Ю.Е. Каюшникова отмечает, что уголовная ответственность по отношению к юридическим лицам также применяется в Бразилии в соответствии с Законом № 9.605 «Об экологических преступлениях».

Анализ возможности применения схожего подхода актуален и в целях развития белорусского уголовного законодательства. При этом следует учитывать, что экологическое право является единственным правом, нацеленным на защиту интересов как ныне живущих, так и будущих поколений, что может предопределять специфику в установлении уголовно-правовых средств противодействия экологической преступности, которые могут сыграть значимую роль в достижении целей эколого-правового регулирования.

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Герасимова С.И.

Преступность несовершеннолетних в Республике Беларусь на протяжении последнего полтора десятилетия лет имеет тенденцию к снижению. Отмечается также и снижение количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступления. Структура преступности несовершеннолетних достаточно однородна. Основную часть составляют менее тяжкие преступные деяния. Среди совершенных несовершеннолетними преступлений преобладают преступления против собственности, общественного порядка, деяния корыстно-насильственной направленности. Почти половину преступных деяний несовершеннолетних составляют кражи. В последние годы их количество и удельный вес имеют тенденцию к снижению, однако в это же время возросли количество и удельный вес хищений путем использования компьютерной техники. Наибольший удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, в общем объеме расследованных преступлений данного вида имеют

угон транспортных средств, хулиганства, хищения путем использования компьютерной техники и вымогательства.

Несмотря на положительную тенденцию к снижению количественных показателей совершенных несовершеннолетними преступлений, проблема преступности несовершеннолетних по-прежнему остается актуальной. Распространенность противоправного поведения подростков представляет угрозу нормальному развитию молодого поколения, общества, национальной безопасности страны.

В литературе отмечается, что главным направлением деятельности в борьбе с преступностью несовершеннолетних является её предупреждение, в основные цели которого включается социальное и нравственное оздоровление подрастающего поколения.

В современных, быстро меняющихся условиях большое значение приобретают новые подходы, способы и инструменты предупреждения правонарушений несовершеннолетних. В рамках профилактики преступности несовершеннолетних таким новым инструментом становится медиация (восстановительная медиация), которая ввиду своей специфики и преимуществ содействует урегулированию конфликтных ситуаций несовершеннолетних, тем самым предупреждая совершение ими преступлений.

Основные причины преступности несовершеннолетних связаны с проблематикой формирования правопослушной личности, прежде всего усилиями институтов семьи и образования. На преступность несовершеннолетних оказывают влияние такие криминогенные факторы как неблагоприятная семейная атмосфера, конфликтность в отношениях с окружением.

В теории существует много определений и классификаций конфликта. Вместе с тем по утверждениям ученых все они играют важную роль в формировании новых (в том числе негативных) черт характера ребенка, а их разрешение представляет собой острую форму развития – изменение структуры личности подростка и формирование новых отношений. Применительно к профилактической деятельности важно учитывать способ возможного разрешения конфликта, а именно конструктивный и деструктивный. И если первый вариант отличается тем, что содействует развитию и росту личности, то второй способствует эскалации конфликта и в ряде случаев может стать непосредственной причиной совершения правонарушения.

Международный опыт показывает, что использование медиации как инструмента в рамках осуществления деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних возможно при условии ориентации государства и общества на восстановительный подход в работе с проблемными несовершеннолетними.

Важной задачей медиации является формирование навыков конструктивного поведения в конфликтных ситуациях между несовершеннолетними и их социальным окружением, предотвращение конфликтов, предупреждение правонарушений, а также усиление положительного воздействия указанных выше социальных институтов, формирование у детей, родителей и педагогов позитивных коммуникативных навыков.

Существенным преимуществом медиации является то, что процедура медиации основана на взаимном уважении, добровольном участии и выражении

воли сторон конфликта, свободе развития и принятия решений, а также способности защищать и охранять интересы всех ее участников.

Исходя из вышесказанного, важным является приобретение коммуникативной компетентности, навыков конструктивного урегулирования споров, как самими несовершеннолетними, так и специалистами субъектов профилактической деятельности.

В рамках общей профилактики работа с конфликтами не связана с непосредственным проведением процедуры медиации. В данном случае работа должна быть направлена, прежде всего, на формирование коммуникативной компетенции несовершеннолетнего, создание условий бесконфликтного взаимодействия. Необходимым здесь является выработка стандартов образования и воспитания с ориентацией на восстановительный подход.

В рамках индивидуальной профилактики применение практических технологий медиации способствует восстановлению семейных связей, оказанию поддержки подростку ближайшим окружением, осознанию несовершеннолетним своих действий, принятию ответственности за совершение поступка и самостоятельному заглаживанию причиненного вреда, а также восстановлению прав потерпевших от противоправных действий несовершеннолетнего. Вовлечение членов семьи несовершеннолетнего, иных значимых для него лиц в медиацию способствует ресоциализации подростка, а также нейтрализации возможных криминальных последствий конфликта. Результатом медиации в рамках индивидуальной профилактической работы является корректировка личностных, индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, сопереживания жертве преступления, формирование чувства личной ответственности.

По утверждениям медиаторов-практиков в работе с конфликтами уголовно-правового характера устойчивым профилактическим эффектом обладает комплексный подход, предполагающий подготовку восстановительной медиативной программы, которая включает индивидуальную программу комплекса мероприятий от диагностики конфликта до его разрешения, путем применения различных форм и инструментов восстановительного правосудия (проведение встреч, кругов сообщества, семейных конференций и т.д.). Такой системный подход влияет на работу с причинами и условиями конфликта и позволяет улучшить ситуацию относительно эмоционального состояния и социального поведения участников конфликта. Осуществляемая в ходе проводимых мероприятий работа снижает возможность возникновения не только повторных конфликтных ситуаций, но и правонарушений вследствие активизации позитивного коммуникативного поведения (одобрение положительных проявлений участников конфликта и опора в работе с ними на уже сформированные позитивные качества).

В Республике Беларусь в системе органов, осуществляющих деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних, наиболее активно медиация внедряется в учреждениях образования. На сегодняшний день на базе школ созданы и продолжают создаваться службы школьной медиации, действуют инновационные площадки по развитию школьной медиации. В целях дальнейшего внедрения в учреждениях образования и применения медиативных техник и инструментов, восстановительных подходов в отношении детей, в том числе совершивших правонарушения, были разработаны Концепция развития сети школьных служб медиации в Беларуси, Концепция развития медиации в сфере образования до 2025 года. Проводятся также восстановительные

медиации по сложным случаям, имеющим место в работе комиссий по делам несовершеннолетних.

В 2021 году Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» медиация была введена в уголовный процесс Республики Беларусь. И хотя на сегодняшний день практика применения медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов не обширна, накапливаемый положительный опыт свидетельствует о необходимости дальнейшего её развития.

Таким образом, процедура медиации является не только эффективным инструментом разрешения конфликтов, в том числе и уголовно-правового характера, но и профилактики возникновения конфликтных ситуаций.

Целесообразным видится дальнейшее внедрение медиации в деятельность иных органов и организаций, осуществляющих профилактическую деятельность в отношении несовершеннолетних, постепенное расширение практики применения медиации с учетом специфики работы субъекта профилактики.

ПРОВЕРКА ВЕРСИЙ О ПРИЧИНЕ ПОЖАРА

Горошко Е.Ю.

Пожары ежегодно приносят государству колоссальные материальные убытки. Они представляют серьезную угрозу для общества. В связи с этим неотъемлемой частью деятельности государственных органов является профилактика и расследование деяний, связанных с пожарами. Объективно, установление истины по факту любого загорания требует от субъектов расследования специфических знаний, умений и навыков, комплексного подхода в изучении вещественных доказательств, выяснении всех факторов, способствующих пожару.

Залогом качественного расследования любого деяния, связанного с пожаром, является установление истинной причины загорания. Правоприменительная практика свидетельствует, что формирование версии о причине пожара происходит в большинстве, опираясь на результаты осмотра места происшествия. Однако, ежегодно имеют место случаи отмены органами прокуратуры постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по делам о пожарах по причине наличия в материалах дела противоречий относительно причины пожара (рис. 1).

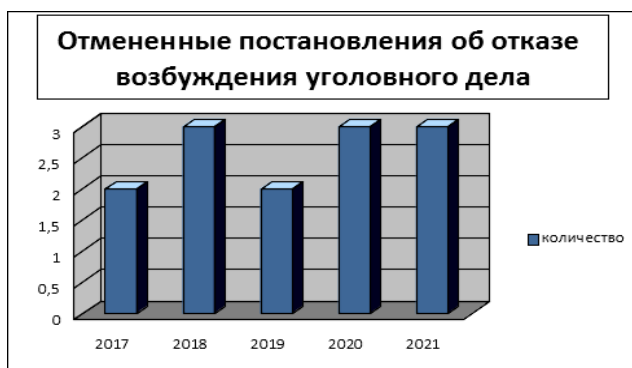

Рисунок 1. Отмененные постановления об отказе ВУД 2017-2021 гг. по причине наличия в материалах дела противоречий относительно причины пожара

Среди ученых и практиков существует множество методов формирования и проверки версий о причине пожара. Наиболее часто в практической деятельности в рамках проведения осмотра места пожара используется метод исключения версий из числа наиболее вероятных причин пожаров для нашей страны. Статистические данные свидетельствуют, что наиболее частными причинами пожаров являются: неосторожное обращение с огнем, нарушение правил устройства и эксплуатации печей, нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования, поджоги, проявление сил природы, шалость детей с огнем, нарушение противопожарных требований при проведении огневых работ, нарушение правил эксплуатации газовых устройств, прочие (таб. 1).

Причины пожаров	Количество пожаров									
	2017	% от всего	2018	% от всего	2019	% от всего	2020	% от всего	2021	% от всего
Неосторожное обращение с огнем	1915	36,1	2265	37,1	2438	39,9	2399	39,4	2306	37,0
НПУиЭ печей	1180	22,2	1407	23,1	1196	19,6	1319	21,7	1347	21,6
НПУиЭ электрооборудования	1130	21,3	1233	20,2	1337	21,9	1275	21,0	1591	25,6
Поджоги	355	6,7	402	6,6	323	5,3	274	4,5	229	3,7
Проявление сил природы	121	2,3	123	2,0	117	1,9	111	1,8	87	1,4
Шалость детей с огнем	93	1,8	94	1,5	97	1,6	93	1,5	75	1,2

Нарушение противопожарных требований при проведении огневых работ	58	1,1	87	1,4	108	1,8	97	1,6	106	1,7
Нарушение правил эксплуатации газовых устройств и агрегатов	42	0,8	57	0,9	67	1,1	61	1,0	77	1,2
Прочие	413	7,7	434	7,1	429	7,0	456	7,5	409	6,6

Таблица 1. Причины пожаров 2017-2021 гг. в Республике Беларусь

Практика свидетельствует, что при проверке версий о причине пожара необходимо опираться на следующие основания: местоположение очага пожара и особенности развития горения, обстановка, предшествующая пожару, и в момент его возникновения, характеристика источника зажигания, время возникновения пожара, поведение лиц, которые могут иметь отношение к причине пожара. Очевидное место очага пожара, установленное при осмотре места происшествия, объективно раскрывает в большинстве случаев и причину пожара. Отмечу, что место очага пожара и место, где впервые очевидцы заметили горение, зачастую не одно и то же [1]. При исследовании обстановки, предшествующей пожару, необходимо учитывать метеорологические условия. Зачастую, направление ветра может указать место источника зажигания. При проверке версии о неосторожном обращении с огнем при курении целесообразно в ходе опроса установить: курили ли травмированные или погибшие (при наличии), находился ли на месте пожара курящий человек, обнаружены ли при осмотре места происшествия сигареты либо окурки и т. д. Что касается характеристики источника зажигания, отмечу, что не все современные электрические приборы могут привести к загоранию. Многие производители устанавливают предохранители и используют защитные материалы в целях предотвращения пожара в случае аварийного режима работы прибора. Кроме того, проверка версии по причине пожара относительно характеристики источника зажигания может производиться путем установления специфического запаха, имеющегося до момента загорания, цвета пламени горения; ожоги на травмированном могут свидетельствовать об использовании им легковоспламеняющихся материалов, например, при растопке мангала или печи. Время возникновения пожара – один из самых сложных вопросов, подлежащих установлению в процессе проведения процессуальной проверки по пожару. Сегодня нет обоснованной методики по установлению времени загорания. Можно обратить внимание на остановившиеся часы в помещении, время срабатывания пожарной сигнализации, однако все это является только косвенными признаками относительно времени возникновения горения.

Особого внимания заслуживает поведение лиц, которые могут иметь отношение к причине пожара. Установлено, что поведение личности, например, поджигателя имеет особенности. Пожар, прежде всего, это неконтролируемое горение, которое причиняет ущерб жизни и здоровью граждан, имуществу и т. д. В связи с этим, субъекты преступления часто прибегают к различным способам контроля процесса горения. Преступник может находиться на месте происшествия в качестве обычного наблюдателя, лица, который оказывает

активную помощь при тушении пожара, изъявить желание выступить в роли понятого при проведении следственных действий. Учеными сформирован криминологический портрет поджигателя. Так, подавляющее большинство преступников, совершивших поджог, – мужчины, доля женщин колеблется в пределах 12 %. Возрастная дифференциация преступников – от 14 до 29 лет. Реже всех совершают преступления лица старше 50 лет, а наибольшая криминальная активность наблюдается в возрасте до 25 лет. Уровень образования низкий: вспомогательная школа, незаконченное среднее образование, среднее специальное образование. Более 70 % составляют лица низкоквалифицированного труда или неработающие. Более половины не имеют семьи, каждый десятый воспитывался в интернатном учреждении. Среди преступников около четверти ранее совершали различные преступления. Несовершеннолетние преступники чаще всего совершали преступления в составе группы (до 80 %). Наиболее распространенными психическими аномалиями среди субъектов поджога являются: хронический алкоголизм, психопатии, органическое заболевание головного мозга (как правило, травматического генеза). Психо-эмоциональные особенности личности поджигателя: повышенная раздражительность, агрессивность, импульсивность, конфликтность, подозрительность, мнительность, ревность, ригидность [2].

Таким образом, проверка версий о причине пожара – это деятельность по исследованию следов произошедшего события с учетом предшествующей ему обстановки, требующая комплексного всестороннего подхода.

Список цитированных источников

1. Мегорский, Б. В. Методика установления причин пожаров / Б. В. Мегорский. – М. : Изд-во литературы по строительству, 1066. – 347 с.
2. Бакин, А. А. Личность поджигателя: криминологические и патопсихологические особенности // А. А. Бакин, В. П. Кутина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. – № 1 (16). – С. 194–199.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Григорьев В.В.

В контексте предотвращения и пресечения радикальных проявлений в молодежной среде необходимо понимать, что им всегда предшествует этап формирования определенных уровней предэкстремистских настроений и идей.

Организации и учреждения сферы образования и молодежной политики в рамках своих полномочий занимаются профилактикой деструктивных явлений в целях недопущения распространения идеологии экстремизма и терроризма. Специалисты определяют детерминанты поведения, характерные в настоящее время для различных молодежных групп: экстремальный тип сознания; отсутствие общей идеологии; воздействие информационно-коммуникационной

среды; низкое качество образования, с одной стороны, и отсутствие стимулирования к его получению, с другой [1].

Представляется достаточно обоснованным определение профилактики экстремизма как комплекса превентивных мероприятий, направленных на минимизацию или нейтрализацию влияния причин и факторов развития экстремизма в молодежной среде. При подготовке и реализации профилактических мероприятий возникает ряд проблем, разрешение которых предполагает наличие комплексного подхода и взаимодействия различных заинтересованных в положительном результате структур. Условно непосредственных реализаторов антиэкстремистской профилактической деятельности можно разделить на следующие категории: работники образовательных организаций различного уровня; представители властных структур, осуществляющих работу с молодежью города, городского района, районного центра; сотрудники правоохранительных органов; волонтеры. Как правило, мероприятия антиэкстремистской направленности проводятся в виде лекций-встреч, интеллектуальных игр, видео-лекций, дебатов, круглых столов, различных квестов, дискуссий, семинаров-практикумов, семинаров-совещаний, вебинаров и т.д. с последующим предоставлением отчетов о количестве проведенных мероприятий, тематике и числе участников. Основная слушательская аудитория – это школьники 6–11 классов, обучающиеся колледжей и студенты высших учебных заведений. Профилактическая работа со школьниками внутри образовательного учреждения проводится либо учителями в качестве дополнительной нагрузки, либо заместителем директора по профилю в соответствии с определенными программами, или участковым инспектором полиции по делам несовершеннолетних.

В образовательных организациях системы высшего образования руководителями, осознающими уровень опасности исходящей от распространения экстремизма, созданы более благоприятные условия для проведения профилактических мероприятий антиэкстремистской направленности. Существуют инициативные группы во главе с преподавателями или сотрудниками-энтузиастами, которые облачают деятельность студентов в более или менее конкретные формы научных конференций, форумов, семинаров, круглых столов. К участию в научно-практических мероприятиях, реализуемых на площадках вузов, привлекаются специалисты из соответствующих силовых ведомств, представители акиматов, а также представители общественных объединений. Такая работа проводится регулярно и, безусловно, имеет определенный положительный эффект. Однако обсуждение актуальных тем, дискуссии, попытки найти пути решения той или иной проблемы в рамках профилактики экстремизма в студенческой среде имеют в значительной степени теоретический характер и низкий коэффициент практической реализации.

Деятельность властных структур, осуществляющих работу с молодежью на разных уровнях субъекта, имеет, на наш взгляд, специфическое содержание. Общественные объединения и силовые структуры, обладая значительным объемом разносторонней информации по ситуации, связанной с экстремистской активностью в республике, оперативно реагируют на ее изменения, инициируют проведение дополнительных профилактических мероприятий, вызванных, в частности, митинговой активностью, проявлениями буллинга, ростом

антиэкстремистских группировок. В то же время иные подразделения, связанные с антиэкстремистской направленностью, прямо или косвенно ответственные за проведение молодежной политики на муниципальном уровне, в большей степени «мониторят» интернет на предмет наличия экстремистских проявлений и формируют аналитические отчеты. В результате процесс, имеющий общее направление, цели и задачи, приобретает определенный внутренний дисбаланс.

Как показывают статистические и иные данные, противодействие экстремистским проявлениям со стороны специальных силовых структур осуществляется в разностороннем формате и в достаточной степени эффективно. Комитет национальной безопасности, антитеррористический центр, центры по противодействию экстремизму контролируют в полной мере обстановку, складывающуюся в этой сфере в городах и населенных пунктах Республики Казахстан. Однако деятельность оперативных подразделений с положительной динамикой является только частью комплекса, который должен работать на предотвращение реализации экстремистских угроз [2].

В прямые обязанности инспекторов по делам несовершеннолетних – должностных лиц, осуществляющих надзор и пристальное внимание за детьми и подростками, входит профилактическая деятельность. Сотрудники ювенальной полиции в целях профилактики правонарушений несовершеннолетних, своевременного выявления и устранения причин и условий, способствующих их совершению: анализируют причины совершения несовершеннолетними правонарушений, при необходимости – по отдельным направлениям деятельности, в зависимости от складывающейся оперативной обстановки; изучают и используют материалы, размещенные в средствах массовой информации, сообщения государственных органов, общественных объединений, обращения граждан, а также другие материалы, содержащие информацию, необходимую для организации работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних; принимают участие в подготовке информационных материалов и предложений в соответствующие органы исполнительной власти и органы местного самоуправления; участвуют в организации и проведении целевых профилактических мероприятий.

Кроме того, сотрудники ювенальной полиции в целях профилактики групповых правонарушений несовершеннолетних: выявляют несовершеннолетних лиц, принадлежащих к группам антиобщественной или иной направленности, лидеров и активных участников этих групп, места их концентрации; анализируют информацию, полученную при проведении мероприятий, а также из иных источников с целью установления фактов антиобщественной направленности группы, антиобщественных и противоправных действий членов группы. В ходе выполнения вышеуказанных и многих других обязанностей инспекторы ювенальной полиции документируют фактически каждое свое действие, что, естественно, приводит к дефициту времени, которое можно было использовать на реальную профилактическую работу с несовершеннолетними и на подготовку к ее проведению. Специальных курсов по обучению противодействию и профилактике экстремизма в молодежной среде не существует как для сотрудников ювенальной полиции, так и для участковых инспекторов полиции. Небольшую часть информации по вопросам профилактики экстремизма в молодежной среде данная категория сотрудников правоохранительных органов может получить исключительно на факультете повышения квалификации Алматинской академии МВД Республики Казахстан

им. Макана Есбулатова в рамках курсов переподготовки либо самостоятельно, что маловероятно.

Таким образом, на сегодняшний день существует целый ряд вопросов (в большей степени субъективного и организационного содержания) в сфере обеспечения надлежащего качества профилактики экстремизма и иных радикальных проявлений в молодежной среде. Определенным выходом из ситуации стало создание центров по противодействию экстремизму, общественных объединений, проведение научно-практических конференций, круглых столов, где непосредственно в большей или меньшей степени поднимаются вопросы, посвященные профилактике экстремизма в молодежной среде; при этом происходит обмен актуальной информацией, обсуждаются варианты оперативного разрешения возникших проблем и нейтрализации негативного развития ситуации. В результате закладывается устойчивая база для формирования комплексного подхода, основанная на прямых контактах заинтересованных лиц с возможностями реального воздействия на уровень молодежного экстремизма и сопутствующих проявлений в сторону их снижения.

Список цитированных источников

1. Блинова, А. С. Профилактика молодежного экстремизма и терроризма в рамках реализации молодежной политики в Омской области [Электронный ресурс] / А. С. Блинова, Т. А. Смирнова. – Режим доступа: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik_no_1_23.pdf. – Дата доступа: 23.10.2021.

2. Моисеев, С. В. К вопросу о профилактике экстремизма и сопутствующих проявлений в молодежной среде на региональном уровне / С. В. Моисеев // Проблемы противодействия актам терроризма: отечественный и зарубежный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Алматы: Акад. МВД Респ. Казахстан им. Макана Есбулатова, 2019. – С. 21–27.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ РЕЧИ ПРОКУРОРА И ЗАЩИТНИКА В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ

Данилевич А.А.

Судебной речи, как и любому другому виду выступления, присуща определенная целевая установка. Целевая установка реализуется через функции судебной речи, которые указывают основные направления ее воздействия, показывают путь достижения желаемого результата и сам этот результат. Способ же реализации функций и целевой установки судебной речи представляет собой совокупность рекомендаций, требований и условий, объединяемых категорий «механизм речевого воздействия».

Судебная речь в уголовном судопроизводстве выполняет процессуальную, частнопревентивную и общепревентивную функции.

Процессуальная функция – это направление речевого воздействия сторон в судебных прениях, выражающееся в исследовании доказательств рассматриваемого судом уголовного дела, их оценке и формировании выводов,

определяемых их процессуальной позицией, в целях оказания помощи суду во всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела и принятии законного и обоснованного судебного решения.

Рассмотрим основные положения, непосредственно касающиеся зависимости процессуальной позиции сторон (прокурора и защитника) и процессуальной функции судебной речи.

1. Правовой основой участия прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела является ст. 293 УПК Республики Беларусь, где сказано, что прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение, участвует в исследовании доказательств, высказывает мнение по всем вопросам разрешаемым судом. Закон предписывает прокурору при поддержании государственного обвинения руководствоваться требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела. Эта же статья дает право прокурору изменить обвинение, а также отказаться от обвинения (полностью или частично), если он придет к выводу, что оно не имело подтверждения в судебном разбирательстве. Анализируя приведенную норму закона применительно к процессуальной функции прокурора в судебных прениях, можно сформулировать следующие основные положения:

Закон обязывает прокурора поддерживать перед судом государственное обвинение. Исходя из этого, выступая в судебных прениях с речью, прокурор обязан доказать факт преступления, виновность обвиняемого и тем самым обоснованность предъявленного ему обвинения. Вместе с тем обвинительная направленность речи прокурора определяется рассмотрением всех обстоятельств дела. Более того, ст. 18 УПК Республики Беларусь прямо указывает на обязанность прокурора подвергнуть фактические данные всестороннему, полному и объективному исследованию, выявить как уличающие, так и оправдывающие, как отягчающие, так и смягчающие вину обстоятельства. Данное указание закона приводит к выводу о том, что процессуальная функция судебной речи прокурора (как и всей его деятельности в суде) носит обвинительно-объективный характер.

Прокурор может реализовать процессуальную функцию как через обвинительную речь, так и через произнесение речи, посвященной мотивированному отказу от обвинения. Анализ ст. 293 УПК Республики Беларусь, где говорится о праве прокурора отказаться от обвинения после окончания судебного следствия, приводит к выводу о том, что такой отказ прокурора должен быть мотивированным, а изложить мотивы такого отказа прокурор может лишь в судебных прениях. Статья 344 УПК Республики Беларусь устанавливает обязанность председательствующего после разрешения ходатайств и выполнения необходимых следственных действий объявить судебное следствие законченным, а ст. 345 УПК Республики Беларусь закрепляет положение, согласно которому после окончания судебного следствия суд переходит к выслушиванию судебных прений. Таким образом, прокурор может произнести в судебных прениях как обвинительную речь, так и выступить с мотивированным отказом от обвинения. С этих позиций судебное выступление прокурора целесообразно именовать не обвинительной речью, а речью прокурора.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что процессуальная функция судебной речи прокурора находит свое выражение в оказании помощи суду во всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств

рассматриваемого дела, формировании внутреннего убеждения и в постановлении на его основе правосудного приговора.

II. Статья 48 УПК Республики Беларусь, определяя круг полномочий и обязанностей защитника по уголовному делу, устанавливает: «Защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, смягчающих ответственность обвиняемого, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь». Закон устанавливает, что «защитник не вправе самовольно прекращать свои полномочия и без согласия подзащитного передоверять полномочия по осуществлению защиты другому лицу». Вопросы о процессуальном положении защитника в уголовном судопроизводстве, об особенностях формирования его процессуальной позиции и даже о «праве защитника на собственное внутреннее убеждение», а также некоторые другие являются в юридической литературе дискуссионными. Для характеристики процессуальной функции судебной речи защитника мы считаем необходимым привести только те положения, которые являются отправными для реализации последней.

Судебное выступление защитника, как и вся его деятельность по уголовному делу, определяется установленной в законе целью: выяснить обстоятельства, оправдывающие его подзащитного, или смягчающие его ответственность. Это значит, что защитник не имеет права делать ничего, что могло бы ухудшить положение его подзащитного. Он должен направить свою деятельность на то, чтобы улучшить положение своего клиента, осуществлять ее законным (установленным в законе) способом. Таким образом, суд не вправе ожидать от судебной речи защитника всестороннего анализа доказательств, это обязанность прокурора и самого суда, а, следовательно, процессуальная функция судебной речи защитника имеет, в отличие от речи прокурора, односторонний характер: помочь суду установить объективную истину путем защиты обвиняемого установленными в законе средствами и способами.

Защитник при формировании позиции по данному уголовному делу руководствуется своим внутренним убеждением, основанном на материалах дела и законе. Его позиция не может всецело определяться позицией обвиняемого, так как последняя иногда обуславливается одним лишь желанием избежать ответственности. Являясь самостоятельным участником уголовного процесса, защитник вполне самостоятелен и в выборе действительного (законного), а не мнимого интереса обвиняемого, и в выборе средств его защиты. Вместе с тем, руководствуясь принципом «не посере» (не вредить), защитник не может ни при каких обстоятельствах занять активно-обвинительную позицию по делу. Даже в тех случаях, когда, по мнению защитника, вина обвиняемого в судебном заседании полностью доказана, а сам обвиняемый тем не менее ее отрицает, защитник не вправе утверждать перед судом о виновности подзащитного. Он должен говорить в судебных прениях только об обстоятельствах, смягчающих ответственность. Иное противоречит процессуальной функции судебной речи защитника.

Таким образом, процессуальная функция судебной речи защитника, в отличие от речи прокурора, носит публично-правовой, защитительный характер. Реализация этой функции, несмотря на одностороннюю защитительную ее направленность, объективно помогает суду во всестороннем исследовании доказательств, в установлении объективной истины по делу.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что, реализуя процессуальную функцию судебной речи, анализируя с позиций обвинения и защиты по своему внутреннему убеждению доказательства, стороны помогают суду отвергнуть те или иные сомнения, всесторонне, полно и объективно оценить материалы дела и в конечном итоге сформировать внутреннее убеждение, чтобы на его основе постановить законный, обоснованный и справедливый приговор.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРОВЕРКИ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ, СООБЩЕНИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Данько И.В.

2021 год стал временем активного нормотворчества в публично-правовой сфере. Значительные поправки были внесены в уголовно-процессуальное законодательство законами Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» от 06.01.2021 № 85-З и от 26.05.2021 № 112-З. При этом часть данных новелл коснулась полномочий прокурора.

Следует заметить, что вопрос о роли прокурора и его компетенции в ходе досудебного уголовного производства широко обсуждается в специальной литературе с момента образования в Республике Беларусь Следственного комитета и повлекшего за собой перераспределения полномочий между прокурором и начальником следственного подразделения в пользу последнего. Прошедшие 10 лет показали, что, несмотря на слова А.Конюка о том, что «указанные преобразования не оказали существенного влияния на качество прокурорского надзора в данной сфере» [1, с.7], все же законодатель счел необходимым дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) нормами, заметно меняющими положение прокурора в уголовном процессе. В частности, он получил право вносить начальнику следственного подразделения, органу дознания обязательное к рассмотрению представление, согласовывать повторную передачу в следственное подразделение материалов проверки, отменять постановление о приостановлении проведения проверки с одновременным принятием решения об отказе или возбуждении уголовного дела и др. Кроме того, в УПК получили прописку сроки предоставления следователем прокурору для проверки отдельных материалов и уголовных дел.

Очевидно, приведенные и ряд других изменений закона прежде всего направлены на усиление роли прокурора, повышение эффективности его деятельности, обеспечение своевременной реализации им своих полномочий. Однако анализ УПК свидетельствует о несовершенстве его отдельных положений, негативно сказывающемся на последовательности и стройности регулирующего воздействия закона. В первую очередь, это касается регламентации механизма деятельности прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Данный этап уголовного процесса в последнее время характеризуется все большим процессуальным наполнением, сближаясь по своему содержанию с предварительным расследованием преступлений.

Одним из проявлений этой тенденции является появление в УПК норм, предусматривающих основания и порядок приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении. В соответствии с ч. 1 ст. 173³ УПК такое решение принимается в случае неполучения ответа на международный запрос, а также невозможности производства отдельных действий, указанных в ч. 2 ст. 173 УПК, например, экспертизы, осмотра, получения объяснений и пр. Причем с учетом изменений 2021 года срок приостановления проверки по сути законом неограничен. Понятно, что очерченное правовое регулирование соответствующих правоотношений делает процедуру рассмотрения заявления, сообщения о преступлении более комфортной для органа уголовного преследования. Однако, как указывает А.В. Ковалев, «оборотной стороной медали выступает очередное стеснение, в первую очередь, прав лица, пострадавшего от преступления» [2, с.236] и, как следствие, затруднение доступа последнего к правосудию. Отмеченные опасения подтверждаются результатами обобщения Генеральной прокуратурой Республики Беларусь практики применения анализируемого института за 9 месяцев 2018 года, в соответствии с которыми «выявлены неединичные факты приостановления проверок при отсутствии предусмотренных законом на то оснований, в частности по причине неполучения ответа на запрос о представлении документов. Нередко решения о приостановлении проверки принимались поспешно – без проведения по заявлению и сообщению о преступлении необходимых и достаточных проверочных действий. Распространены факты несвоевременного принятия решений о возобновлении приостановленных проверок, что вело к волоките и обоснованным жалобам заявителей». Кроме того, нельзя исключать случаев некорректного понимания и применения обновленной редакции п. 2 ч. 1 ст. 173³ УПК, не допускающей возможности приостанавливать проверку по материалу, по которому назначена и проводится экспертиза в связи с неполучением заключения эксперта, как это было предусмотрено раньше.

В такой ситуации чрезвычайно важна роль прокурора по оперативному установлению и устранению нарушений закона, обеспечению защиты прав и интересов пострадавших граждан. Несмотря на кажущуюся ясность подобного подхода, обусловленного функциональной принадлежностью прокурора в уголовном процессе, некоторые нормы УПК при буквальном и точном их понимании, на наш взгляд, не позволяют рассматриваемому субъекту эффективно реализовывать свои полномочия. Так, в соответствии со ст. 173³ и 179 УПК, осуществляя надзор и не согласившись с выводами органа уголовного преследования, прокурор вправе отменить постановление о приостановлении проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Очевидно, приведенное решение невозможно принять без всестороннего и тщательного изучения прокурором собранных органом уголовного преследования материалов проверки и оценки полученных им результатов. О том, что такие материалы поступают в распоряжение прокурора, косвенно свидетельствует п. 4 ст. 179 УПК, согласно которому после отмены постановления органа дознания, следователя или нижестоящего прокурора о приостановлении проверки по заявлению или сообщению о преступлении прокурор направляет материалы для проведения проверки.

Вместе с тем неясно, каким образом указанные материалы попадают к прокурору. Часть 6 ст. 173³ УПК обязывает следователя, орган дознания в течение 24 часов направлять ему лишь копию постановления о приостановлении проверки. При этом материалы остаются в органе, рассматривающем заявление, сообщение о преступлении. Предусмотренное п. 1 ч. 5 ст. 34 УПК право прокурора письменно истребовать уголовные дела, материалы, исходя из формулировки первого предложения ч. 5 ст. 34 УПК, можно использовать только при производстве предварительного следствия и дознания, к которым проверка по заявлению, сообщению о преступлении не относится. Нельзя в указанной ситуации применить и Закон «О прокуратуре Республики Беларусь», который, прибегая к отсылочной норме, предписывает прокурору в ст. 31 руководствоваться требованиями УПК при осуществлении надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства.

Таким образом, выходит, что прокурор не обладает правом истребования материалов приостановленной проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Конечно, можно уповать на то, что прокурор, осуществляя надзор, инициативно, на постоянной основе должен мониторить находящиеся в производстве органов дознания и предварительного следствия материалы, в соответствии с приказами Генерального прокурора Республики Беларусь проверять законность принимаемых ими решений, но все же, думается, такая деятельность нуждается в регулировании на уровне закона. Характерно, что в схожих ситуациях нормотворцы в 2021 году предусмотрели обязанность органа уголовного преследования направлять прокурору материалы проверки с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, а также уголовные дела, по которым предварительное расследование приостановлено или прекращено.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования закона. Представляется, в ст. 173³ УПК следует закрепить требование о направлении прокурору материалов приостановленной проверки по заявлению или сообщению о преступлении, получив которые прокурор сможет эффективно реализовать свои полномочия по надзору за исполнением закона в ходе досудебного уголовного производства.

Список цитированных источников

1. Конюк, А. Становление и развитие системы органов прокуратуры в суверенной Беларуси / А.Конюк // Законность и правопорядок, № 2 (42), 2017. – С. 7.

2. Ковалев, А. В. Стадия возбуждения уголовного дела в современных условиях / А. В. Ковалев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Яскевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 236.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дубко М.А.

В условиях существенной трансформации общественно-политической, социальной жизни общества и международной обстановки требуют пересмотра подходы к сущности и содержанию деятельности государства в области обеспечения национальной безопасности, закрепленные в стратегических документах, в первую очередь Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной указом Главы государства в 2010 г. (далее – Концепция).

Одним из негативных трендов криминогенной обстановки последнего десятилетия следует признать рост киберпреступлений. При этом к таковым следует относить не только преступления против компьютерной безопасности (глава 31 УК), но и иные преступления, при совершении которых информационные системы и ресурсы выступают в качестве предмета или средства его совершения. Сегодня помимо Концепции, вопросы противодействия киберпреступлениям нашли отражение в Концепции информационной безопасности, Программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 гг., Комплексном плане мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию киберпреступлениям, профилактике их совершения, повышению цифровой грамотности населения на 2021–2022 гг.

Вместе с тем, отраженные в Концепции национальные интересы, угрозы и их источники в контексте противодействия киберпреступности нуждаются в актуализации, а их формулировка должна учитывать положения Концепции информационной безопасности (далее – КИБ) и практику ее применения.

Концепцией в качестве основных национальных интересов в информационной сфере определены: реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации; формирование и поступательное развитие информационного общества; равноправное участие Республики Беларусь в мировых информационных отношениях; преобразование информационной индустрии в экспортно-ориентированный сектор экономики; эффективное информационное обеспечение государственной политики; обеспечение надежности и устойчивости функционирования критически важных объектов информатизации.

Полагаем, что перечисленные интересы в информационной сфере нуждаются в дополнении, в том числе с учетом принятых по итогам республиканского референдума 27 февраля 2022 г. изменений Конституции Республики Беларусь. В частности, ст. 28 Основного Закона гарантируется создание государством условий для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Кроме того, в Концепции требует расширения гуманитарный аспект информационной сферы, который помимо реализации конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации включает также реализацию права на тайну личной жизни.

Кроме того, видится недостаточно обоснованным ограничение национальных интересов обеспечением надежности и устойчивости функционирования только критически важных объектов информатизации (далее – КВОИ). КИБ оперирует более широким понятием «информационная инфраструктура» (раздел V), которая включает помимо КВОИ национальный сегмент сети Интернет, а также государственные информационные системы. Все перечисленные объекты, на наш взгляд, требуют особого внимания со стороны государства в рамках обеспечения информационной безопасности.

Концепцией одной из основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности назван рост преступных и иных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления. Дополнение указанного перечня преступлениями, посягающими на информационную безопасность, является обоснованным с позиции современной структуры преступности и общественной опасности деструктивных деяний в этой сфере. Одновременно следует учитывать связь киберпреступлений с иными видами криминальных проявлений, например, с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма. Применительно к данному вопросу целесообразным является обращение к опыту Российской Федерации. Так, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации в качестве одной из задач государственной политики по достижению целей обеспечения государственной и общественной безопасности названо предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, финансирования терроризма, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использования в противоправных целях цифровых валют.

К внутренним источникам угроз национальной безопасности Концепцией отнесены наличие в обществе криминальных тенденций, проявлений (социальная сфера) и рост преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий (информационная сфера). К внешним источникам угроз национальной безопасности отнесены расширение масштабов трансграничной преступности, деятельность транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок, связанная с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и социальные права белорусских граждан (социальная сфера), открытость и уязвимость информационного пространства Республики Беларусь от внешнего воздействия и попытки несанкционированного доступа извне к информационным ресурсам Республики Беларусь (информационная сфера).

С учетом разделения источников угроз в части кибербезопасности на внутренние и внешние необходимо обратить внимание на описанные в Концепции тенденции, которые сегодня не утратили актуальность: во-первых, размытие границ между внутренними и внешними политическими, экономическими, информационными процессами, и, во-вторых, превращение информационной сферы в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Схожие положения закреплены в Концепции информационной безопасности. Это подтверждает также правоприменительная практика, анализ которой свидетельствует, что значительная часть киберпреступлений в отношении белорусских граждан и субъектов хозяйствования совершается лицами, находящимися в иных государствах. В таких условиях рост

преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий не может рассматриваться исключительно в качестве внутреннего источника угроз национальной безопасности. Обоснованным видится его закрепление в п. 27 Концепции как одной из основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности, а также в п. 40 Концепции как одного из проявлений трансграничной преступности, деятельности транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок.

На основании изложенного предлагается:

1. Дополнить перечисленные в п. 14 Концепции национальные интересы в информационной сфере следующими:

защита информации о личной жизни и персональных данных, информации ограниченного распространения, защита от деструктивного информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц;

обеспечение надежности и устойчивости функционирования национального сегмента сети Интернет, государственных информационных систем и критически важных объектов информатизации.

2. Отнести киберпреступность и связанные с ней иные криминальные проявления к основным потенциальным либо реально существующим угрозам национальной безопасности ввиду значительного количества таких преступлений и их общественной опасности, а также рассматривать в Концепции данный вид преступлений в контексте трансграничной преступности, деятельности транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок.

3. Актуализировать главы 3 (Состояние национальной безопасности на современном этапе) и 8 (Основные направления нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности) Концепции в части информационной сферы, в том числе с учетом КИБ.

СУЩНОСТЬ И МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дятлова В.О.

Экономическая безопасность – гарантия независимости страны и условие стабильности и жизнедеятельности общества. В этой связи обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов.

На сегодняшний день экономическая преступность является серьезной проблемой не только для правоохранительных органов, но и для экономической системы государства в целом. При этом ее особенности повышают уровень негативного воздействия кратно. Это обусловлено прежде всего высокой латентностью данного вида преступности; кроме того, достаточно часто экономические преступления совершаются в процессе законной деятельности, с использованием современных технологий, компьютерной техники и средств

коммуникаций, позволяющих скрыть не только сам факт совершения преступления, но и полученную незаконную выгоду; в-третьих, криминологические исследования показывают, что такие преступления в глазах части населения представляются чем-то вполне оправданным и не криминальным, а иногда и достаточно привлекательным способом повысить свое материальное состояние.

Учитывая высокую общественную опасность экономической преступности, Седьмой конгресс ООН в одной из резолюций относит ее к особо опасному виду преступности и потребовал от всех государств ужесточения борьбы с данным видом преступлений.

Вместе с тем, несмотря на то, что само понятие «экономическая преступность» давно получило широкое распространение, в юридической и экономической литературе нет единого подхода к его определению. В научной юридической литературе и при проведении криминологических исследований данный термин используют в широком смысле при отсутствии общепринятого определения, применяя различные структурные группировки видов экономической преступности в зависимости от классификационных признаков. На наш взгляд, такого рода подход обусловлен отсутствием законодательно закрепленного определения, которое, тем не менее, дать четко и исчерпывающе, на уровне нормативного правового акта было бы крайне проблематично. Последнее связано с тем, что рассматриваемый вид преступности выступает как прямое продолжение криминализированных экономических отношений и охватывает достаточно большое число преступлений, причем самых разнообразных видов.

В теории и на практике проблема преступности долгие годы рассматривалась как проблема защиты человека от преступных посягательств. Но в настоящее время преступность стала приобретать принципиально новые качества, которые стали представлять угрозу не для отдельного гражданина или группы граждан, а для государства в целом. В этой связи, исходя из того, что общественная опасность экономической преступности заключается в дестабилизации экономической жизни государства, государства стремятся обеспечить действенный механизм противодействия данному явлению.

Ретроспективный анализ законодательства показывает, что еще в 1999 г. Межпарламентский комитет Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан принял модельный Закон «О безопасности», в котором было определено, что «Экономическая безопасность — состояние защищенности экономики государства от внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу его устойчивое развитие и экономическую независимость». Впоследствии эти положения с некоторой долей модификации легли в основу Вспомогательной национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2001 г. № 390. В ней было подчеркнуто, что одним из жизненно важных интересов в экономической сфере является совершенствование правовых условий, препятствующих криминализации экономики. И данное положение было связано с тем, что традиционно экономическая преступность выступает одним из источников угроз безопасности государства, а предупреждение экономической преступности

и противодействие криминализации экономики в целом являются одной из первостепенных задач любого государства.

Действующая Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее – Концепция), определяет национальную безопасность как состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, а под национальными интересами понимает – совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь. При этом, в перечне предметных сфер национальной безопасности особое место принадлежит экономической безопасности, под которой понимается такое состояние экономики, при котором гарантировано обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

То есть, в самом первом приближении, национальная экономическая безопасность означает защиту экономики страны от опасных воздействий, а опасными могут считаться такие воздействия, которые приводят к ухудшению экономического положения страны до критического уровня. Это может быть, например, такое ухудшение условий жизни, с которым население не готово мириться и которое поэтому может вылиться в социальные потрясения, угрожающие существованию экономической и политической систем.

Несмотря на это, экономическая преступность к источникам угроз в экономической сфере Концепцией не отнесена. При этом такие виды противоправного поведения, как преступность с использованием информационно-коммуникационных технологий, трансграничная преступность, деятельность транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок, связанная с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и социальные права белорусских граждан рассматриваются в указанном акте в качестве угроз.

Вместе с тем, очевидно, что на сегодняшний день включение экономической преступности в перечень внутренних источников угроз национальной безопасности в экономической сфере было бы весьма актуальным и логичным шагом.

Стоит отметить, что такой подход в настоящее время уже реализован в законодательстве ряда стран. В частности, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, а также в иных актах федерального уровня. Так, в вышеуказанной Стратегии определено, что «главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений.». Стратегия развития «Казахстан 2030» также устанавливает, что фундаментом стратегии здорового экономического роста выступает сильная рыночная экономика, активная роль государства и привлечение значительных иностранных инвестиций, основываясь на принципах, в числе которых – защита законопослушных граждан

от преступности и применение всей силы власти и закона к тем, кто обеспечивает себе безбедное существование противозаконным путем. Законодательство в сфере обеспечения национальной безопасности Китайской народной республики также рассматривает «финансовые махинации» как угрозу национальной безопасности.

Таким образом, международный опыт свидетельствует о том, что в настоящее время закрепление в программных нормативных правовых актах позиции государства о том, что экономическая преступность является одной из угроз национальной безопасности, является распространенным подходом, и, более того, необходимым шагом государства.

На основании вышеизложенного можно констатировать следующее. Криминальные проявления в экономической деятельности представляют прямые угрозы национальной безопасности государства. Трансформация системы предупреждения экономической преступности в Республике Беларусь является в настоящее время одной из первостепенных задач государства. А сама экономическая преступность может и должна рассматриваться в рамках Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве угрозы экономической безопасности. В этой связи полагаем насущной необходимостью пересмотр подходов к определению места преступности данного вида среди источников угроз национальной безопасности в экономической сфере.

ЮВЕНАЛЬНЫЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ескендилов А.А.

Удельный вес несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ювенальной полиции, в 2–2,5 раза выше удельного веса ювенальных правонарушителей.

Общая характеристика ювенальных правонарушителей по половому составу:

– доля ювенальных правонарушителей мужского пола (90 %) существенно выше их удельного веса в составе населения данной возрастной группы, проживающего в соответствующих регионах страны (52 %);

– доля ювенальных правонарушителей женского пола (10 %), наоборот, значительно меньше их удельного веса среди населения. Соотношение лиц мужского и женского пола среди ювенальных правонарушителей практически не изменяется на протяжении длительного времени;

– доля ювенальных правонарушителей женского пола в 3 раза меньше по сравнению с аналогичными показателями взрослой преступности.

Среди ювенальных правонарушителей наибольший удельный вес (80 %) составляют лица в возрасте 16–17 лет, уличенные в совершении уголовных правонарушений. Максимальный удельный вес этой возрастной группы отмечен почти по всем составам уголовных правонарушений.

Для ювенальных правонарушителей приоритет преступного поведения связан с личностными деформациями. Особенности интересов и потребностей,

характерные для ювенальных правонарушителей, включают стойкую утрату связей со школой и родителями, полное игнорирование правовых и морально-нравственных оценок.

Стремление к достижению успехов в учебе, спорте и иной общественно-полезной деятельности у ювенальных правонарушителей замещено досуговыми потребностями и интересами. Сама система оценок и предпочтений у таких людей все больше ориентируется на эту сферу. Именно здесь фиксируется и гипертрофированные потребности, интересы, связанные с погоней за модной одеждой, информацией, значимой для данной микросреды, и т. д.

В отличие от личности с позитивными, одобряемыми обществом интересами и потребностями, развитие их у правонарушителей часто идет как бы в обратном направлении. Бесцельное времяпрепровождение формирует соответствующий негативный интерес. Он закрепляется в привычках, которые, в свою очередь, ведут к формированию социально-негативных потребностей. Соответственно искаженному развитию потребностей на поведенческом уровне вырабатываются привычки к общественно опасным, противоправным способам их удовлетворения.

Наличие явно выраженных негативных по своей социальной сущности потребностей и интересов к употреблению алкоголя, бесцельному пребыванию в подъездах и подвалах, на улице и т. п. зафиксировано не менее чем у 2/3 ювенальных правонарушителей. В соответствующей микросреде высоким авторитетом пользуются алкоголь, наркотики, демонстрация пренебрежения к нормам общественного поведения, кибербуллинг и т. п. Интересы в сфере науки и техники, искусства и художественной самодеятельности, спорта проявляются в 3–4 раза реже, чем у подростков с позитивным поведением. И дело здесь не просто в ограниченности их интересов, а именно в весьма раннем (по возрасту) замещении их интересов и потребностей явно асоциальными.

К числу характерных личностных особенностей ювенальных правонарушителей относятся существенные деформации их морально-нравственных и правовых ценностных ориентаций. Понятие товарищества, долга, совести и т. п. переосмысливаются этими подростками, исходя из групповых интересов. Жизненные ориентиры смещаются у них в сторону психологического комфорта компанейско-группового характера, сиюминутных удовольствий, меркантильности, корысти и наживы. Совершая аморальные и уголовные поступки, они стремятся всячески «облагораживать» их мотивы, искаженно, негативно оценивать поведения потерпевших. У них четко фиксируется позиция одобрения или «понимания» большинства преступлений, отрицания и полного игнорирования личной ответственности за содеянное.

В среде ювенальных правонарушителей признается допустимым нарушение уголовно-правового или любого другого запрета, если очень нужно, в том числе если этого требуют интересы группы. Необходимость соблюдения требований закона соотносится, главным образом, со степенью вероятности наказания за допущенные нарушения.

В эмоционально-волевом аспекте у ювенальных правонарушителей чаще всего фиксируется ослабление чувства стыда, равнодушие к переживаниям других, грубость, цинизм и лживость.

Психоэмоциональная неуравновешенность, агрессивность и отсутствие человеческого сострадания также можно отнести к наиболее распространенным характерологическим чертам ювенальных правонарушителей. При этом речь вновь идет не о возрастных особенностях, которые были бы присущи основной массе подростков вообще, а именно о криминогенных сдвигах, деформациях в морально-эмоциональной и нравственной сферах, характерных именно для лиц, совершающих уголовные правонарушения.

В последнее время уделяется много внимания отягощенности ювенальных правонарушителей различными нервно-психическими аномалиями. Влияние данных аномалий на уголовное поведение в основном носит косвенный или опосредованный характер. Они, как правило, стимулируют социальную неадаптированность и неадекватность реакций подростков, но не определяют основное содержание конкретных действий, их нравственно-правовую направленность. Всякий раз, когда речь идет о вменяемых субъектах, наличие нервно-психических аномалий не создает фатальной предрасположенности их к преступлениям. Аномалии психики оказывают влияние на механизм формирования противоправного поведения, выступают в качестве условия, ускоряющего процесс деградации личности, а также фактора, сказывающегося на выборе формы реакции на конфликтную ситуацию, на формирование специфической преступной мотивации.

За последние годы во многих регионах страны наблюдается рост числа ювенальных правонарушителей с аномалиями психики. Почти каждый седьмой ювенальный правонарушитель имеет достаточно выраженные отклонения в нервно-психическом состоянии. Однако основную часть среди них составляют лица не с тяжелыми и стойкими заболеваниями, а с психопатическими чертами личности и остаточными явлениями после перенесенных родовых и иных травм. Важно и то, что психопатические черты преступников в подавляющем большинстве своем не связаны с отягощенной наследственностью. Они в 80 % случаев приобретены ими вследствие неблагоприятных условий жизни и воспитания, что в значительной мере наиболее объективно и последовательно объясняет повышенную их распространенность среди несовершеннолетних преступников.

Основной причиной более интенсивного возникновения и развития психогенно обусловленных аномалий у ювенальных правонарушителей является семейное неблагополучие, выражающееся в том числе и в наличии нервно-психических заболеваний у родителей, их алкоголизме и пьянстве, аморальном образе жизни и домашнем насилии.

Таким образом, ювенальный правонарушитель – это лицо, обладающее привычками и интересами, склонностями и устойчивыми стереотипами асоциального поведения:

- пренебрежение правилами человеческого общежития (сквернословие, порча общественного имущества, приставание к гражданам и т. п.);
- подражание традициям уголовного мира, пьянство, участие в азартных играх, употребление наркотиков;
- бродяжничество, систематические побеги из дома, уклонение от учебы и т. п.;
- ранние половые связи, половая распущенность, криминальные аборт, заражение венерическими заболеваниями;
- систематическое проявление агрессии, грубости и актов насилия;

- систематические ссоры в семье, психическое и физическое насилие по отношению к членам семьи;
- кибербуллинг и иные формы подростковой нетерпимости.

ПРИНЦИП ДВОЙНОГО ПОДЧИНЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Жинко Е.В.

Наиболее опасным проявлениям коррупции является так называемая «деловая» коррупция, проявляемая во властных структурах, когда в качестве одного из субъектов правонарушения выступает представитель юридического лица или индивидуального предпринимателя, а в качестве второго – должностное лицо административного аппарата государственных органов власти, при этом оба субъекта вступают в преступный сговор в целях получения взаимной выгоды.

Подобные проявления подрывают принципы функционирования государственных органов, снижают уровень доверия общества к государственной власти, подрывают ее авторитет и способны наносить непоправимый ущерб экономической безопасности страны, например, при решении вопросов, касающихся проведения государственных закупок.

Наиболее высокая концентрация государственных должностных лиц, обладающих организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями в различных отраслях социально-экономической жизни общества, представлена в городских, районных, областных исполнительных комитетах и администрациях районов в городах, что создает коррупционные риски в процессе их деятельности и обуславливает необходимость повышения внимания со стороны правоохранительных органов в целях выявления и пресечения преступлений.

В Республике Беларусь наиболее многочисленными в сфере противодействия коррупционным правонарушениям являются органы внутренних дел (ОВД).

В структуре криминальной милиции ОВД функционируют два подразделения, в задачи которых входит противодействие экономическим и коррупционным правонарушениям: Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями (ГУБЭП) и Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией (ГУБОПиК).

Подразделения по борьбе с экономическими преступлениями представлены на всех уровнях структуры ОВД: районном (городском), областном (г. Минска) и республиканском.

Следует отметить, что немаловажным фактором в деятельности по противодействию коррупции является независимость органов, ее осуществляющих, от негативного воздействия со стороны должностных лиц иных государственных органов, организаций и общественных объединений. Эффективность сбора доказательств преступной деятельности правонарушителя во многом зависит от сохранения в тайне самого факта документирования

деяний того или иного лица, сведений, ставших известными в результате проведения оперативно-розыскных и иных проверочных мероприятий, следственных действий, а также от сочетания применения гласных и негласных методов выявления и раскрытия преступлений.

Сужение круга руководящих и надзорных органов, выполняющих контрольно-проверочные функции по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, вовлеченным в оперативную разработку и уголовное преследование коррупционеров, приводит к снижению возможности «утечки» информации, получения незаконных вознаграждений представителями вышестоящих органов и противодействия изобличению виновных.

Именно по этой причине специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью и коррупцией (ГУБОПиК), особенностью организации которых является независимость деятельности, не имеют структурных звеньев, входящих в систему территориальных ОВД, а представлены собственными управлениями по областям и г. Минску.

Сотрудники подразделений по борьбе с коррупцией не находятся в подчинении руководителей городских и районных исполнительных комитетов, не выполняют несвойственные задачи, возложенные местными органами власти, а критерии оценки деятельности управления подразумевают выявление преступлений и лиц, их совершивших, среди высокопоставленных должностных лиц, в том числе лиц, входящих в кадровые реестры.

Устройство и организация указанных подразделений воплощают принцип единства системы органов внутренних дел и централизации управления ими, что подразумевает единообразие работы всех элементов сложного механизма системы при выполнении задач по защите граждан, общества, государства от противоправных посягательств, а также строгому подчиненности вышестоящим органам управления в целях точного и надлежащего применения правовых норм на всей территории Республики Беларусь.

В то же время, в целях организации проведения эффективной политики, направленной на профилактику совершения правонарушений, ОВД включены в структуру вертикали исполнительной власти: главное управление, управления и отделы внутренних дел, исходя из принципа двойного подчинения, подвластны не только вышестоящим управлениям, министерству внутренних дел, но и исполкомам г. Минска, областей, районов, администрациям районов в городах, соответственно.

Такое административное устройство негативно сказывается на качестве выполнения функций подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями ОВД по противодействию коррупции в органах управления.

Руководитель отдела или управления внутренних дел находится в статусе подчиненного председателя исполнительного комитета или главы администрации, а сам ОВД является структурным подразделением местного исполнительно-распорядительного органа, что ставит под вопрос значение оперативного обслуживания территориального исполкома, т. к. осуществление проверки нижестоящим органом над деятельностью вышестоящего противоречит самому определению проверки.

В связи с этим территориальные подразделения БЭП направляют свою деятельность на выявление и раскрытие экономических и коррупционных преступлений, совершаемых работниками и должностными лицами иных

объектов, относящихся к сфере оперативного сопровождения: коммерческих государственных организаций и организаций, имеющих долю государственной собственности в уставном фонде. Подобные обстоятельства не способствуют устранению условий для совершения коррупционных преступлений сотрудниками местных исполнительных и распорядительных органов.

Таким образом, имеет место ситуация, в которой необходимость профилактики совершения бытовых правонарушений структурами местной власти (семейно-бытовых конфликтов, распития алкогольных напитков, уклонения родителей от содержания детей и др.) ставится выше проблемы коррупции в государственных органах.

Двойная иерархичная структура ОВД расширяет круг должностных лиц, способных воздействовать на работу оперативных подразделений, вмешиваться в правоприменительную деятельность сотрудников милиции. По отношению к начальнику органа внутренних дел управленческими функциями обладает глава местного исполнительно-распорядительного органа, не являющийся сотрудником правоохранительной сферы, не обладающий повышенным уровнем правосознания и специальными знаниями в данной области.

В качестве фигурантов уголовных дел, возбужденных по статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь, относящихся к перечню коррупционных, в большинстве случаев выступают должностные лица, наделенные властными полномочиями и обладающие весомым влиянием и авторитетом. В прекращении проверки, проводимой в отношении того или иного руководителя государственного органа, субъекта хозяйствования, может быть заинтересован глава местного исполнительно-распорядительного органа, вследствие чего сотрудник милиции, проводящий проверку, рискует столкнуться с высоким уровнем противодействия и давления со стороны вышестоящего руководства.

Деятельность по уличению должностных лиц местных исполнительных и распорядительных органов, в особенности их руководства, в совершении коррупционных преступлений фактически выпадает из компетенции территориальных органов внутренних дел. Осуществлять реальную оперативную разработку лиц, находящихся вне поля досягаемости отделов внутренних дел, способны лишь сотрудники вышестоящих подразделений: выявление преступлений, совершаемых представителями районных исполнительных комитетов и администраций, возлагается на областные УВД и ГУВД г. Минска, а преступления, совершаемые руководителями и сотрудниками областных и Минского городского исполкомов, могут быть выявлены лишь соответствующим подразделением центрального аппарата МВД.

Нельзя исключать тот факт, что такого количества сил и средств недостаточно для полноценной работы по противодействию коррупции среди сотрудников государственных органов: помимо выявления преступлений в экономической сфере, на ГУБОПиК возложены и другие функции, в т. ч. борьба с экстремизмом, терроризмом, контроль элементов преступной среды, а в круг обязанностей сотрудников управлений БЭП входят также вопросы оперативного обслуживания коммерческих структур, государственных предприятий и т. д.

Совокупность перечисленных, а также иных организационно-хозяйственных, политических и психологических причин, таких как отсутствие надлежащей

системы контроля над экономической и управленческой политикой, излишнее количество административных процедур и недостаточная регламентации порядка их осуществления, завышенная численность госслужащих, деформация их правосознания на фоне устоявшихся традиций мздоимства по службе и чувства собственного превосходства и безнаказанности, создают условия для занятия коррупцией лицами, состоящими на государственной службе.

Наиболее разумным выходом из сложившейся ситуации представляется выделение органов внутренних дел из структур местных исполнительных комитетов и администраций. Такая мера позволит высвободить территориальные подразделения по борьбе с экономическими преступлениями из-под возможного неблагоприятного влияния местных органов управления, направить их деятельность на выявление правонарушений коррупционной направленности, совершаемых представителями таких органов.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДКУП АРБИТРА (ТРЕТЕЙСКОГО СУДЬИ)

Зарубин А.В.

Федеральным законом от 27.10.2020 № 352-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 200.7, установившей ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи).

Установление уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) стало следствием ратификации Российской Федерацией Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. (Федеральный закон от 25.07.2006 № 125-ФЗ).

Российская Федерация взяла на себя международные обязательства по приведению национального уголовного законодательства в соответствие с содержащимися в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию положениями, направленными на борьбу с активным и пассивным подкупом различных должностных лиц как в публичном, так и в частном секторах.

Дополнительным протоколом к Конвенции и рекомендацией ГРЕКО по итогам третьего раунда оценки в нашей стране национального законодательства и практики борьбы с коррупцией по теме «Криминализация преступных деяний» Российской Федерации предписано криминализировать подкуп национальных и иностранных третейских судей.

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения в сфере деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации. Дополнительным объектом преступления исходя из положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» выступают общественные отношения в сфере правосудия.

Статья 200.7 УК РФ содержит два состава преступления, различающихся по признаку субъекта преступления.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1-4, состоит в: незаконной передаче арбитра (третейскому судье) денег, ценных бумаг, иного имущества; незаконном оказании ему услуг имущественного характера; незаконном предоставлении иных имущественных прав.

Уголовная ответственность по ст. 200.7 УК РФ наступает также в том случае когда по указанию арбитра (третейского судьи) имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в полномочия арбитра (третейского судьи) либо если он в силу своего положения может способствовать указанным действиям (бездействию).

В качестве квалифицированных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1-4, названо совершение преступления в значительном размере (ч. 2).

В качестве особо квалифицированных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1-4, названы деяния, совершенные: группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 3); заведомо незаконные действия (бездействие) (п. «б» ч. 3); в крупном размере (п. «в» ч. 3) или особо крупном размере (ч. 4).

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 5-8, состоит в: незаконном получении арбитром (третейским судьей) денег, ценных бумаг, иного имущества; незаконном пользовании им услугами имущественного характера или иными имущественными правами

Уголовная ответственность по ст. 200.7 УК РФ наступает также в том случае когда по указанию арбитра (третейского судьи) имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в полномочия арбитра (третейского судьи) либо если он в силу своего положения может способствовать указанным действиям (бездействию).

В качестве квалифицированных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 5-8 данной статьи, названо совершение преступления в значительном размере (ч. 6).

В качестве особо квалифицированных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 5-8, названы деяния, которые: совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 7); сопряжены с вымогательством предмета подкупа (п. «б» ч. 7); совершены за незаконные действия (бездействие) (п. «в» ч. 7); совершены в крупном размере (п. «г» ч. 7) или особо крупном размере (ч. 8).

В соответствии с п. 1 примечаний к ст. 200.7 УК РФ значительным размером подкупа арбитра (третейского судьи) признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей, крупным размером подкупа арбитра (третейского судьи) – превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером подкупа арбитра (третейского судьи) – превышающие один миллион рублей.

Состав преступления формальный. Преступление считается оконченным с момента передачи или получения хотя бы части подкупа.

Субъект преступления по ч. 1-4 данной статьи общий – физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъект преступления по ч. 5-8 данной статьи является специальным.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» арбитр (третейский судья) – физическое лицо, избранное сторонами или избранное (назначенное) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом. Деятельность арбитров в рамках арбитража (третейского разбирательства) не является предпринимательской.

Субъективная сторона состава преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Думается, что совершение этого преступления возможно только с заранее возникшим умыслом.

В соответствии с п. 2 примечаний к ст. 200.7 УК РФ лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1-4 статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа, либо это лицо добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Преступления, предусмотренные ст. 200.7 УК РФ, отграничиваются от смежных составов преступлений, совершаемых путем подкупа (например, ст. 204, 290, 291 УК РФ) по признаку объекта преступления и правового статуса лица, которому передается предмет подкупа. Арбитр (третейский судья) не является ни должностным лицом, ни лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

ОБРАЩЕНИЕ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Исламова Э.Р.

Коррупция представляет собой угрозу национальной безопасности как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь. Государствами принимаются значительные меры по противодействию коррупции: сформирована законодательная база, приняты организационные меры по предупреждению коррупции, активно работают правоохранительные органы. При этом весомая роль в противодействии коррупции отведена органам прокуратуры. Статья посвящена изучению опыта наших государств в целях сопоставления правовых основ деятельности органов прокуратуры по обращению в доход государства имущества, приобретенного должностными лицами на неподтвержденные доходы.

В Российской Федерации предусмотрена обязанность декларировать сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, совершенной им, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми в течение календарного года, предшествующего году представления сведений (отчетный период). Такие сведения представляются, если общая сумма указанных сделок превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду, и об источниках получения средств, за счет которых совершены эти сделки (ст. 3 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – ФЗ № 230-ФЗ)). В Республике Беларусь обязанность декларировать расходы не закреплена, однако декларируются находящиеся в собственности лиц, обязанных представлять декларации о доходах и имуществе, недвижимое имущество и транспортные средства; произведения искусства, драгоценные металлы и драгоценные камни, изделия из них, стоимость каждого из которых превышает одну тысячу базовых величин или общая стоимость которых превышает две тысячи базовых величин; строительные материалы, общая стоимость которых превышает две тысячи базовых величин; доли в уставных фондах (акции) хозяйственных товариществ и обществ, паи в имуществе производственных и потребительских кооперативов, объекты, не завершённые строительством, их части, предприятия как имущественные комплексы на сумму, превышающую пятнадцать тысяч базовых величин; иное имущество, стоимость единицы которого превышает две тысячи базовых величин; доли в праве собственности на указанное выше имущество. При этом в декларации должна быть указана стоимость декларируемого имущества по цене его приобретения (ст. 27 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон Республики Беларусь № 305-З)).

Перечни лиц, обязанных представлять сведения о расходах, а также перечни лиц, о расходах которых подаются сведения, в Российской Федерации и Республике Беларусь различны. В Российской Федерации лица, замещающие государственную должность (иные лица), должны отчитаться не только о своих расходах, но и расходах супруга и несовершеннолетних детей. В Республике Беларусь в перечень включены также совершеннолетние близкие родственники, совместно с ними проживающие и ведущие общее хозяйство (ст. 36 Закона Республики Беларусь № 305-З).

В Российской Федерации основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами является достаточная информация о том, что должностным лицом, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми в течение отчетного периода совершены сделки (совершена сделка) по приобретению вышеуказанного имущества на общую сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду (ст. 4 ФЗ №230-ФЗ). Согласно Закону Республики Беларусь № 305-З основанием для проверки

является установление факта явного превышения стоимости имущества и иных расходов над их доходами, полученными из законных источников.

В российском законе в отличие от Республики Беларусь подробно регламентирована процедура контроля за расходами. Однако белорусское законодательство предоставляет возможность должностным лицам в ходе проверки добровольно передать в доход государства имущество на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, или выплатить его стоимость и сумму иных расходов, явно превышающих подтвержденные доходы.

В Российской Федерации и Республике Беларусь информация о выявлении обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов данного лица, а также расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, направляется в органы прокуратуры, однако предмет проверки белорусских прокуроров шире – решается вопрос и о наличии оснований для организации и проведения проверки в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь.

В Российской Федерации основанием для обращения прокурора в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации имущества является непредставление сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы (за три последних года, предшествующих отчетному периоду, в котором понесены контролируемые расходы). В этой связи интерес представляет опыт правового регулирования Республики Беларусь и определение в качестве основания для обращения в доход государства факта явного превышения стоимости принадлежащего должностным лицам имущества и иных расходов этих лиц за период, когда должностные лица занимали должности, но не более чем за 10 лет, над доходами, полученными из законных источников. При этом могут быть безвозмездно изъяты (взысканы) в доход государства имущество и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, или стоимость такого имущества (не менее 25 % от доходов, полученных из законных источников). Кроме того, для лиц, у которых изымается имущество, законодательством Республики Беларусь предусмотрена гарантия: если имуществом, подлежащим безвозмездному изъятию, является единственное жилое помещение и при этом у лица отсутствует иное имущество, которое может быть безвозмездно изъято, органы прокуратуры обращаются в суд с иском о взыскании суммы, на которую стоимость имущества явно превышает доходы, полученные из законных источников.

В Российской Федерации значительна роль органов прокуратуры, инициирующих рассмотрение судами исков об обращении в доход Российской Федерации незаконно полученного имущества и активно отстаивающих свою позицию в судах, Генеральным прокурором Российской Федерации издан приказ от 14.04.2015 № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», и об организации прокурорского надзора за исполнением данного Федерального закона».

В Республике Беларусь исключительным правом на предъявление иска о безвозмездном изъятии имущества или о взыскании его стоимости либо о взыскании иных расходов на сумму, явно превышающую подтвержденные

доходы, также наделены органы прокуратуры. Однако практика использования указанных полномочий прокурора широко не освещена.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь, регламентирующее обращение в доход государства имущества, приобретенного на незаконные доходы, нуждается в совершенствовании;

- в Российской Федерации следует учесть опыт правового регулирования Республики Беларусь, где основанием для обращения имущества в доход государства является явное превышение стоимости принадлежащего должностным лицам имущества и иных расходов этих лиц за период, когда должностные лица занимали должности;

- возможно принять во внимание законодательство Республики Беларусь и включить в перечень лиц, в отношении которых возможен контроль за расходами, совершеннолетних близких родственников, проживающих совместно с должностными лицами и ведущих с ними общее хозяйство.

- в законодательстве Республики Беларусь желательно более подробно регламентировать процедуру контроля за расходами должностных лиц;

- предупреждению коррупционных правонарушений в государствах будет способствовать активное освещение работы по противодействию коррупции в СМИ.

Представляется, что реализация указанных предложений может повысить эффективность обращения в доход государства имущества, приобретенного на незаконные доходы, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Кондратьев С.В.

Обеспечение общественной безопасности, предотвращение и пресечение правонарушений, устранение причин и условий, способствующих их совершению, – одно из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти.

Достигнутый в нашей стране уровень общественного правопорядка, структура и динамика преступности, стабильная криминогенная обстановка позволяют создать условия для безопасного и комфортного проживания граждан.

В то же время проблема эффективного противодействия преступности остается для Республики Беларусь, как и для любого правового государства, одной из наиболее актуальных.

Преступность по-прежнему представляет собой реальную угрозу охраняемым законом правам и свободам граждан, интересам общества и государства, тормозит проведение социально-экономических реформ. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности остается на протяжении нескольких лет значительным. Все более

технологичными и интеллектуальными становятся киберпреступность, наркоторговля, коррупционные преступления. Повседневной реальностью становится экстремистская и иная деструктивная деятельность. Преступность угрожает основным устоям государственности и конституционной законности.

Достаточно остро проявились на современном этапе проблемы роста незаконного оборота наркотиков, особенно среди несовершеннолетних; рецидивной преступности; эффективности проводимой работы по профилактике правонарушений.

Существовавшая несколько лет тенденция сокращения числа осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, не нашла продолжения в 2021 г. Особую озабоченность вызывает детская преступность в этой сфере. Количество несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за незаконный сбыт наркотиков, увеличилось практически вдвое. В этой связи представляется важным усиление мер по просвещению молодежи в целях повышения уровня их информирования об опасностях потребления наркотических средств и психотропных веществ. И здесь необходимо применять интерактивные подходы, поскольку простое информирование и проведение профилактических бесед оказывается недостаточно результативным.

Значительно выросло число отравлений психоактивными веществами и смертей от передозировок. К уголовной ответственности привлекаются, как правило, закладчики наркотиков и лица, их потребляющие.

Очевидно, что меры по противодействию незаконному обороту наркотических средств являются недостаточными, в то время как распространение наркотиков представляет серьезную опасность для всего общества.

Объективной проблемой является и все более широкое использование современных информационных технологий и сети «Интернет» в целях распространения наркотиков, использование электронных средств платежа при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Фактически появилась «бесконтактная» форма противоправной деятельности, требующая выработки новых «высокотехнологичных» механизмов выявления и пресечения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Исключительная важность и общегосударственный характер проблемы борьбы с наркоманией требуют незамедлительного принятия мер, направленных на повышение эффективности противодействия незаконному обороту наркотиков, координацию взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов в выработке политики по борьбе с наркоманией.

Рецидивная преступность, несмотря на принимаемые меры, остается высокой (37,2 %). В истекшем году 7,3 % от числа осужденных совершили новые преступления в течение первого года после освобождения из мест лишения свободы.

Отрицательные социальные установки значительной части лиц, неоднократно совершающих преступления, по-прежнему остаются одной из причин, объективно сдерживающих сокращение удельного веса лишения свободы в структуре уголовных наказаний.

В этой связи повышение эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений по противодействию рецидивной преступности остается актуальной задачей на ближайшую перспективу.

В последние годы около двух третей тяжких и особо тяжких преступлений совершаются в состоянии опьянения.

Ежегодно практически к трети осужденных судами в соответствии со ст. 107 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) применяется принудительное лечение от хронического алкоголизма, наркомании и токсикомании.

Крайне негативной тенденцией на фоне последовательного снижения судимости в течение нескольких последних лет является рост удельного веса лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ. Если в 2000 г. ст. 107 УК была применена к 9 % лиц от общего числа осужденных, в 2010 г. – к 22 %, то в 2021 г. такое лечение применено к 34 % осужденных (к 12 291 лицу).

Криминогенный аспект зависимости от психоактивных веществ состоит в том, что человек, находящийся в состоянии опьянения, теряет контроль над собой, перестает адекватно воспринимать ситуацию и прогнозировать последствия своих действий.

Зависимость от психоактивных веществ является одной из основных причин социальной деградации, роста преступности, насилия, сиротства, суицида. Молодежь, потребляющая наркотики и алкоголь, вредит не только себе, своей карьере и профессиональному будущему, но и в целом национальной экономике.

Опыт реализации принудительного лечения свидетельствует о существовании ряда проблем: осужденные не являются на прием к врачу, сотрудники органов внутренних дел не всегда предпринимают попытки их доставки в учреждения здравоохранения, затруднена оценка эффективности лечения зависимости от психоактивных веществ.

Отдельные лица, злоупотребляющие спиртными напитками и наркотиками, нигде не работающие, ведущие длительное время аморальный образ жизни, либо полностью выпадают из поля зрения правоохранительных органов и иных субъектов профилактики, либо задействуются профилактическими мероприятиями формально.

Постоянное появление новых форм общественно опасной деятельности, высокий уровень рецидивной преступности, иные криминальные вызовы требуют более высокой степени организации работы правоохранительных органов, расширения упреждающих мер, которые снижали бы возможности совершения преступлений.

Раскрытие каждого преступления и осуществление принципа неотвратимости наказания служат целям предупреждения преступлений. Однако в современных условиях этого недостаточно. Задача полного искоренения преступлений не может быть решена, если не принимать мер к устранению причин преступности.

Особенности развития криминогенной ситуации в стране требуют адекватных и эффективных действий государства и общества в сферах предупреждения противоправного поведения, пресечения преступной деятельности, обеспечения неотвратимости ответственности правонарушителей и их последующей социальной реабилитации.

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Коротич Е.А.

Противодействие коррупции является комплексным направлением деятельности государственных органов, иных организаций, которое не ограничивается выявлением, расследованием, установлением ответственности за совершение коррупционных преступлений (иных правонарушений) либо только правовым регулированием соответствующих отношений, но и предполагает реализацию мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих коррупции, формирование правового сознания и политики общественной нетерпимости к любым коррупционным проявлениям.

Еще более сложной (с точки зрения и содержания, и субъектного состава) является деятельность, направленная на выявление, оценку и минимизацию (устранение) коррупционных рисков, особенно в сфере экономической деятельности: помимо механизмов борьбы с коррупцией, которые определены законодательством и реализуются вполне определенным кругом лиц, в данном случае подлежат использованию инструменты (средства), содержание которых во многом зависит от специфики различных отраслей экономики, особенностей организационной структуры, ресурсов и направлений деятельности субъектов хозяйствования, а также специфики субъектного состава (участников) экономических отношений. Немаловажное значение имеет и тот факт, что все меры, направленные на минимизацию (устранение) коррупционных рисков, *de facto* являются мерами с двойной превенцией: будучи предупредительными (профилактическими) по своей сути (исходя из семантического значения самого понятия «риск»), они направлены на недопущение вероятного развития событий), данные меры выполняют превентивную функцию в части нейтрализации (нивелирования) коррупционных форм поведения, т. е. реального воплощения предупреждаемой вероятности.

Полагаем, что с точки зрения нынешнего состояния и перспектив развития практики противодействия коррупционным рискам в сфере экономической деятельности, помимо правовых средств, заслуживают внимания следующие виды организационно-управленческих (институциональных) мер минимизации данных рисков:

– развитие института антикоррупционного корпоративного управления. В специальных исследованиях, как правило, отмечается, что в случае, когда принципы и институты корпоративного управления недостаточно развиты, то предпосылки появления коррупционных рисков и приспособленческого поведения значительно увеличиваются, что особенно характерно для субъектов хозяйствования со значительной долей государственного участия.

Правовой основой института корпоративного управления, как правило, признаются «кодексы корпоративного управления», целью которых, как традиционно отмечается, «является описание правил поведения, которым должно следовать руководство корпоративных организаций, чтобы избежать обвинений во внутрикорпоративной коррупции». Подтверждением сказанному, например, является п. 260 Кодекса корпоративного управления, утвержденного

письмом Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463, в соответствии с которым в рамках системы управления рисками и внутреннего контроля как элементов корпоративного управления рекомендуется предусматривать комплекс направленных на недопущение коррупции мер, способных снизить репутационные риски и риски применения к обществу мер ответственности за подкуп должностных лиц. Кроме того, в Кодексе содержится указание на целесообразность утверждения антикоррупционной политики субъекта хозяйствования (причем независимо от вида собственности, организационно-правовой формы и т. д.), определяющей меры, направленные на формирование элементов корпоративной культуры, организационной структуры, правил и процедур, обеспечивающих недопущение коррупции.

Законодательное определение корпоративного управления предусмотрено и в Республике Беларусь: согласно ст. 109-1 Банковского кодекса Республики Беларусь корпоративным управлением признается система взаимодействия акционеров, органов управления, контрольных органов, должностных лиц банка и иных заинтересованных лиц, направленная на общее руководство деятельностью банка. Приведенная норма, помимо того, что ориентирована на регулирование отношений (внутренних и внешних) особой группы субъектов – банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, к сожалению, имеет чрезмерно общий характер, не позволяющий определить сущностные характеристики корпоративного управления даже на уровне отдельной сферы.

Существующая пробельность действующего законодательства Республики Беларусь в части законодательного закрепления антикоррупционных элементов корпоративного управления (в нормативных правовых актах, регулирующих отношения субъектов хозяйствования, понятие «корпоративное управление» используется, например, в ст. 85 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах», постановлении Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 9 июля 2015 г. № 29 «Об утверждении примерных форм корпоративного кодекса и положений о комитетах при Совете директоров (наблюдательном совете) открытого акционерного общества» и др.)), а также недостатки методического обеспечения в данной области не позволяют заключить о том, что в Беларуси процесс формирования основы (правовой, методической и т. д.) для использования указанного ресурса минимизации коррупционных рисков в сфере экономической деятельности завершен.

Элементом корпоративного управления может быть признан и антикоррупционный комплаенс-контроль (иногда используется понятие «комплаенс-менеджмент»), который представляет собой корпоративную программу (политику), обеспечивающую на основе признанных корпоративных стандартов управление собственными ресурсами (трудовыми, финансовыми, техническими, управленческими и др.) для предупреждения и устранения коррупционных рисков как внутри организации, так и во внешних отношениях: с государственными органами, деловыми партнерами и т. д. Как отмечается в литературе, институт комплаенса «успешно работает в банках Беларуси» и «часто внедряется белорусскими организациями, входящими в структуру международных компаний», однако говорить о повсеместном использовании его механизмов в предпринимательской (хозяйственной) среде пока не приходится.

Между тем те цели, достижению которых служит указанный институт, актуализируют необходимость пересмотра отношения отечественных субъектов хозяйствования к антикоррупционному комплаенсу. Для реализации его механизмов в первую очередь требуется разработать пакет локальных актов (антикоррупционную политику (стратегию) организации, кодекс деловой этики, коррупционные карты и системы балльных критериев оценки возможных коррупционных рисков и др.), определить подразделения (сотрудников), ответственных за реализацию антикоррупционного комплаенс-контроля, и обеспечить необходимый алгоритм взаимодействия с иными подразделениями организации, а также исполнительными и контрольно-надзорными органами государства;

– совершенствование института общественного контроля. Механизм общественного контроля чаще всего воспринимается в контексте противодействия коррупционным рискам в сфере государственного управления. Во многом такое понимание данного контроля предопределяется теми формами его осуществления, которые предусмотрены в ст. 46 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», а именно: участие в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией; участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции, а также иные формы, предусмотренные законодательными актами.

Учитывая зарубежный опыт применения данного механизма предупреждения коррупционных рисков, представляется, что потенциал института общественного контроля в Республики Беларусь использован не в полной мере (особенно в качестве средства устранения коррупционных рисков из сферы экономической деятельности). В этой связи вполне понятны существующие инициативы, связанные с обоснованием необходимости разработки Закона Республики Беларусь «Об общественном контроле». Как представляется, на данном этапе достаточным может быть признан подход, связанный с расширением форм общественного контроля, например, в ст. 46 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», в том числе посредством закрепления общественной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;

– совершенствование института декларирования доходов и имущества. Не останавливаясь на вопросах полноты и обоснованности перечня доходов и имущества, подлежащих обязательному декларированию, отметим, что с точки зрения предупреждения коррупционных рисков в сфере экономической деятельности обоснованным является изучение возможности внедрения, наряду с институтом декларирования, механизма предоставления юридически значимых документов, удостоверяющих легальность средств, направляемых на определенные цели, что имеет место в практике ряда государств.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Коришнуова О.Н.

На современном этапе развития в условиях обострения международных и межрегиональных конфликтов, к сожалению, все острее стоит вопрос противодействия различным проявлениям экстремизма. Международное сотрудничество в данной сфере осложняется в первую очередь из-за несовершенства правового регулирования в данной сфере. Несмотря на то, что ряд международно-правовых документов включает нормы, посвященные недопустимости дискриминации по тем или иным признакам, единого подхода к определению самого понятия «экстремизм» пока не выработано. В этой связи приобретает особое значение исследование возможностей сближения национальных правовых подходов к выработке механизмов противодействия экстремизму в государствах, в полной мере осознающих ту опасность, которую несут миру и согласию любые проявления экстремизма. К числу таких государств относятся Российская Федерация и Республика Беларусь.

Исторически сложившиеся и развивающиеся в настоящее время подходы к определению путей противодействия экстремизму вообще и использованию полномочий прокурора в данной сфере в частности близки или даже совпадают. Вместе с тем общность подходов прежде всего на конституционном уровне, а также в понимании роли и значения органов прокуратуры в противодействии экстремизму позволяют обосновать возможность дальнейшего сближения позиций в исследуемой сфере, равно как взаимного использования опыта национального правового регулирования.

В конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь признаются идеологическое и политическое многообразие (ч. 1 и 3 ст. 13 Конституции РФ и ч. 1 ст. 4 Конституции Беларуси), а также запрещаются создание и деятельность таких общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13 Конституции РФ и ч. 3 ст. 5 Конституции Республики Беларусь).

В контексте обсуждаемых вопросов важным представляется отметить, что в Республике Беларусь органы прокуратуры прямо определены в качестве субъектов противодействия экстремистской деятельности (ст. 6 Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму»). В свою очередь, для правильного понимания круга полномочий в противодействии экстремизму органов прокуратуры Российской Федерации необходимо в едином контексте рассматривать предоставленные прокурорам полномочия надзорного и ненадзорного характера. Во-первых, органы прокуратуры Российской Федерации, осуществляющие надзор за исполнением законов на территории государства, наделены полномочиями по объявлению предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности (ст. 6 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ РФ № 114-ФЗ), вынесения

предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности) (ст. 7 ФЗ РФ № 114-ФЗ), а также о недопустимости распространения экстремистских материалов через средство массовой информации и осуществления им экстремистской деятельности (ст. 8 ФЗ РФ № 114-ФЗ).

Во-вторых, несмотря на то, что органы прокуратуры Российской Федерации не осуществляют в настоящее время полномочия по расследованию преступлений (в отличие от органов прокуратуры Республики Беларусь), они также сохранили полномочия по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Принимая во внимание необходимость противодействия прежде всего преступным экстремистским проявлениям, представляется важным обратиться к общим для органов прокуратуры обоих государств полномочиям по осуществлению координационной деятельности (ст. 1 и 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ» (далее – ФЗ о прокуратуре РФ) и ч. 2 ст. 4, ст. 12 Закона Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре)). Именно рассматриваемые полномочия позволяют органам прокуратуры активизировать противодействие экстремизму не только в своей деятельности, но и в деятельности всех правоохранительных органов страны. Однако с точки зрения правовой регламентации данного круга вопросов имеются определенные различия. Так, в соответствии с ФЗ о прокуратуре РФ, Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры осуществляют координацию деятельности только правоохранительных органов. То есть координационные полномочия осуществляют только руководители органов прокуратуры. И это представляется правильным, поскольку их реализация, особенно в рамках противодействия экстремизму, требует такого уровня знаний, который позволяет с учетом результатов оценки статистических данных правильно и своевременно определять возможные и целесообразные формы и методы объединения усилий всех субъектов противодействия экстремистской деятельности. Поэтому обоснованным представляется и аналогичный подход, отраженный в Законе о прокуратуре.

Однако поскольку содержание понятия «правоохранительные органы» российским законодательством не определено, возникают определенные трудности. Решение дано в Положении о координации прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденном Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567, в п. 1 которого приведен перечень органов, являющихся субъектами координации. В свою очередь, в Законе о прокуратуре закреплено, что прокуратура координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью (п. 2 ст. 4, ст. 12 Закона о прокуратуре). При таком подходе не возникает вопроса о том, является ли тот или иной орган правоохранительным. Для участия в качестве субъекта координации достаточно, что он осуществляет правоохранительную деятельность (хотя бы один из ее видов). Полезным представляется и то, что в качестве субъектов координации определены иные организации, принимающие участие в борьбе с преступностью (п. 2 ст. 4, ст. 12 Закона о прокуратуре). Это, а также то, что предметом координации выступают не только преступления, но и правонарушения, имеет особое значение, когда речь идет о противодействии

экстремизму, конкретные проявления которого могут иметь характер не только уголовно наказуемого, но и, например, административно наказуемого деяния.

Кроме того, представляется весьма целесообразным подход, в соответствии с которым именно на законодательном уровне не только закреплено положение, согласно которому координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью является самостоятельным направлением деятельности органов прокуратуры (ст. 8 ФЗ о прокуратуре РФ), но и определены наиболее значимые основы организации указанной деятельности, ее основные направления и формы (ст. 12. Закона о прокуратуре). Когда речь идет об объединении усилий правоохранительных органов в противодействии экстремизму, особое значение приобретает создание именно правовой основы указанной деятельности. Вместе с тем с точки зрения юридической техники вызывает определенные вопросы целесообразность закрепления полномочий иных органов в законе, регулирующем организацию и деятельность органов прокуратуры. С этих позиций более оправданным представляется регулирование рассматриваемой группы вопросов указом Президента государства. Тем более что общее руководство деятельностью по противодействию экстремизму осуществляют Президент Республики Беларусь и Совет Министров Республики Беларусь (ст. 6 Закона о противодействии экстремизму).

При осуществлении надзорной деятельности органы прокуратуры и Российской Федерации и Республики Беларусь в случае выявления нарушений законодательства о противодействии экстремистской деятельности вправе использовать различные акты прокурорского реагирования. Общими являются такие акты, как протест, представление, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении. При наличии информации о готовящемся нарушении прокуроры вправе объявлять предостережение (ст. 25.1 ФЗ о прокуратуре РФ) или официальное предупреждение (ст. 42 Закона о прокуратуре). Кроме того, прокуроры в Республике Беларусь вправе выносить постановления о возбуждении уголовного дела, а также предписание. Могут быть использованы и полномочия по обращению в суд для признания материалов экстремистскими и о запрете деятельности экстремистских организаций в порядке, определяемом ГПК Республики Беларусь и КАС РФ.

Принимая во внимание системный характер угрозы, которую несут в себе любые проявления экстремизма, противодействие экстремизму должно носить системный характер, т. е. соответствующие полномочия надзорного и ненадзорного характера должны использоваться в едином комплексе для получения максимально эффективных результатов. При этом полезным представляется взаимное использование опыта правового регулирования.

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Лузгин И.И.

Криминалистика – развивающаяся наука, целенаправленность и эффективность которой обеспечивается эффективностью системы её знаний, неизменных в методологической основе и универсальных в обновлении её методов и средств обеспечения расследования и профилактики преступлений.

Ее предмет – изучение закономерностей механизма преступления, возникновения информации о нем и его участниках, закономерностях поиска, обнаружения, сбора, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на их познании специальных средствах и методах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Вышеуказанное предопределяет не только направления и характер действий, но и операционный процесс применения криминалистических знаний, предусматривая уровни и стадии последовательных и параллельных действий и алгоритмизацию решений ситуационно обусловленных задач.

Разделение на отдельные операции хода криминалистического обеспечения в частном упрощает и ускоряет действие системы в целом, повышая как её функциональность, так и эффективность решений.

Примерами такого рода оптимизации обеспечения являются: криминалистическая тактика видов следственных действий и применения криминалистических средств; методики расследования отдельных групп и видов преступлений; система верификации и валидации методик судебных экспертиз.

Типизация задач и характера решений формирует интегративную эффективность системы. Использование достижений научно-технического прогресса обеспечивает её развитие как системный процесс, оставляя неизменными цели применения криминалистических знаний, но качественно изменяя способы их достижения на основе изменения характера решаемых задач.

В основе эффективности этого процесса не только законы материалистической диалектики, но и криминалистическая интерпретация общей теории систем, обусловленная трудами Г. Спенсера, А. А. Богданова и Л. фон Берталанфи.

Применение в криминалистической деятельности общеорганизационных законов и методологических обобщений высокого уровня позволяет понимать не только их эффекты, но и влияние на характер актуализации и использования криминалистических знаний. Применение в практике теории систем представляет собой способы наиболее целесообразной организации совокупности элементов системы, воплощающейся и функционирующей как эффективный процесс. Это обуславливает организацию и использование криминалистических знаний в форме системного вида деятельности, что на практике обуславливает их развитие в рамках научно-технической деятельности, эффективности управленческого аппарата и территориальных криминалистических систем.

На основе идей А. А. Богданова и Л. фон Берталанфи, отразившихся в теории систем, были предсказаны принципы моделирования и обратной связи. Ими был спрогнозирован переход, организационно и методически, от замены поколений ручных средств труда к их замене машинами и механизмами, что наблюдается

в механизации решений криминалистических задач в частности и формированием актуальной системы технико-криминалистического обеспечения в целом.

Поэтому расширение использования возможностей цифровой среды и информационно-коммуникативных технологий, дающих возможности криминалистического обеспечения, эффективно работающего в отношении как отдельных вопросов, так и комплексных решений обусловлено не только общим развитием научно-технического прогресса, но и теоретической основой стоящей за ним.

Применение автоматизированных поисковых систем, обеспечение агрегации данных, позволяет на информационном уровне решать весь спектр криминалистических задач, технологически обеспечивая не только тактическую и методическую взаимосвязь, но и ситуационную целостность процесса решений.

Работоспособность системы получения криминалистически значимой информации (далее – КЗИ) на информационном уровне и аналогичный уровень работы с ней должен обеспечиваться актуальным уровнем современной теоретической базы, позволяющей строить процессы получения, обработки и предоставления КЗИ на уровне цифровой среды, предопределяющей качество и эффективность решений как операционных так и ситуационных задач. Целью процесса является ускорение и комплексность получаемой доказательственной информации, а в его основе – изменение характера извлечения из следоносителей не только КЗИ, но и непосредственно её содержания имеющего не только доказательное значение, но и информационную сущность. Поэтому, рассмотренная В. Я. Колдиным и Д. П. Поташником система информационного подхода к решению криминалистических задач имеет более содержательный с точки зрения степени её общности характер. Она указывает на информационную сущность следообразования и, исходя из этого, на характер решения актуальных криминалистических задач. Это требует понимания степени комплексности отражаемой КЗИ.

Актуализации этого процесса должна способствовать оценка и организация работы с КЗИ при восприятии её не как отдельных видов, а каждого из её отображений как следовых систем. При этом степень «материальности» или «нематериальности» исследуемой КЗИ не умаляет степень её доказательности. А её цифровизация решает проблемы оптимизации и ускорения процесса её обработки и предоставления субъектам как для достижения целей расследования, так и для решения его промежуточных задач.

Не отменяя понятие КЗИ, но внося инновационные содержание и смысл в термин «следовая система», меняется представление о существующих принципах её исследования. Вместе с тем, указывая путь, по которому должно идти как развитие, так и применение актуальных криминалистических знаний.

Использование цифрового уровня работы с КЗИ расширяет и углубляет возможности получения и обработки её содержания и упрощает этот процесс, корригируя с информационной сущностью её предмета. Это позволяет на более глубоком уровне развивать: актуальные криминалистические направления; характер их практического применения; формировать на их основе инновационную структуру обеспечивающих их систем.

Так как актуальные технологии являются практическим применением науки, а она является теоретическим обоснованием возможности технологии, то процесс цифровизации криминалистической деятельности указывает

не на путь модернизации процесса криминалистической деятельности, а на создание её нового пути.

В отличие от поколений средств ручного криминалистического труда (не позволявших обрабатывать большие объёмы данных в короткий срок) их замена средствами машинной обработки и исследования КЗИ (с точки зрения её восприятия как следовых систем) обеспечивает обработку больших данных, позволяя не только отвечать на отдельные вопросы, но и решать задачи по существу (при параллельном межвидовом сопоставлении и анализе и исследовании информационно-содержательной стороны КЗИ), упрощая и ускоряя процесс доказывания.

Это существенно изменяет подход к методике технико-криминалистического обеспечения, системе обучения и подготовки, изменению ряда определений, коррекции характера и сущности работы судебно-экспертной системы, построению принципов и алгоритмов работы автоматизированных поисковых и идентификационных криминалистических систем. Вместе с тем повышение его качества как в целом, так и в частности, прежде всего, необходимо на основе цифровизации и интеграции его рабочей среды. В которой её инструментарий применялся бы не для вспомогательных функций, а для расширения видового и качественного уровня обнаружения, изъятия, фиксации и анализа содержания КЗИ, придания на этой основе ей комплексного доказательного значения.

Актуализация процесса инновационного обеспечения криминалистической деятельности именно как системного вида деятельности в его теоретическом плане должно представляться не разделенными на направления деятельности методами, технологиями и техническими средствами системы обеспечения актуализации криминалистической деятельности, она должна формироваться как целостная система. При этом не увеличивающая число локальных методов и средств, усложняющих их применение субъектами расследования и иными участниками данного процесса, она должна формироваться целостной инновационной системой работающей как высокотехнологичное целое на основе цифровой среды при широком использовании цифрового инструментария, технологий и ИКТ.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕВЕНТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ И СВЯЗАННЫМ С НЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Малевич О.А.

В Республике Беларусь нормативно закреплена и реализуется система необходимых охранительных и превентивных мер, направленные на борьбу с торговлей людьми и связанными с ней преступлениями, особенно в части криминализации деяний и определения меры ответственности за их совершение. Так, противодействие торговле людьми включает в себя: деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению торговли людьми и связанных с ней преступлений; деятельность по защите и реабилитации жертв торговли

людьми, а также граждан, которые могли пострадать от торговли людьми или связанных с ней преступлений.

В контексте сказанного полагаем, что на первый план в настоящее время должна выходить реализация профилактической (превентивной) работы. Так, в Республике Беларусь информация о рисках, связанных с торговлей людьми, широко распространяется в средствах массовой информации, а также в аэропортах, на вокзалах, в других общественных местах посредством размещения социальной рекламы о безопасном выезде и пребывании за границей, о предотвращении сексуального насилия над детьми. На сайте Министерства внутренних дел в разделе, посвященном торговле людьми, представлен обзор мер, принятых для борьбы с данной противоправной формой поведения. Заслуживает отдельного внимания и деятельность, реализуемая по следующим направлениям: просветительско-воспитательная работа с молодежью, создание новых рабочих мест, повышение роли образования, блокирование интернет-сайтов с вредоносным контентом и пр.

Совершенно очевидно, что эффективность профилактики во многом зависит от наличия высокой степени информированности как потенциальных жертв торговли людьми, особенно из категории особо уязвимых лиц, о негативных последствиях торговли людьми и связанных с ней деяний (прежде всего эксплуатации), так и от целевой подготовки работников правоохранительной системы в части борьбы с торговлей людьми.

В Республике Беларусь в системе Академии МВД создан и успешно функционирует Международный учебный центр в сфере миграции и противодействия торговле людьми; обучение специалистов по тематике торговли людьми в рамках отдельных курсов проводится Институтом пограничной службы Республики Беларусь, а также Институтом переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ.

Если вопросы повышения квалификации работников правоохранительной системы в части борьбы с торговлей людьми в Республике Беларусь решены на должном уровне, то вопросы обучения лиц, на которые возложена функция по реабилитации жертв торговли людьми, оказания им социальной помощи и т. д., остаются открытыми.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь защита и реабилитация жертв торговли людьми осуществляются безвозмездно и включает: предоставление временного приюта; медицинскую помощь; психологическую помощь; установление семей несовершеннолетних жертв торговли людьми либо устройство их на воспитание в другие семьи, детские интернатные учреждения; содействие в трудоустройстве.

Виды социальных услуг, которые могут оказываться государственными организациями (их структурными подразделениями), закреплены в Законе Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З «О социальном обслуживании».

Стоит обратить внимание, что в последнее время усматривается устойчивая тенденция роста доли детей среди жертв торговли людьми в первую очередь за счет детей-беженцев и детей-мигрантов, наряду с такими проявлениями указанной преступной активности, как постепенное увеличение случаев торговли людьми с целью их принуждения к занятию преступной

деятельностью, а также расширение масштабов торговли людьми с целью эксплуатации принудительного труда.

Заслуживает отдельного внимания работа по идентификации жертв торговли людьми, особенно несовершеннолетних потерпевших. В целях улучшения процедуры идентификации детей, ставших жертвами торговли людьми, учитывая особые обстоятельства, интересы и потребности детей, следует привлекать специалистов по делам несовершеннолетних, проводить обучение как среди тех, кто был признан жертвами торговли людьми, так и среди персонала учреждений, в котором находятся дети.

Полагаем, что в уточнении нуждаются программы по снижению уязвимости детей к торговле людьми, в частности, детей, помещенных в детские дома или покидающих их. Необходимо обеспечить долгосрочную помощь для интеграции детей, ставших жертвами торговли людьми.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на проведение целенаправленной разъяснительной работы среди жертв торговли людьми относительно возможности попадания в ситуацию повторной виктимизации и путем минимизации такого рода угрозы, в том числе посредством формирования представления об индикаторах («критических точках»), указывающих на наличие угрозы стать объектом незаконных действий.

В контексте сказанного представляется целесообразным усиление образовательного функционала в сфере профилактики торговли людьми, ориентированного следующие категории лиц, участвующих в защите и реабилитации жертв торговли людьми: работников департамента по гражданству и миграции, государственной инспекции по труду и социальной защиты, медицинского персонала, учителей, сотрудников учреждений по защите детей и законных представителей несовершеннолетних (опекунов), представителей неправительственных организаций, участвующих в защите жертв торговли людьми.

На это в своих отчетах обращала внимание и специализированная международная организация ГРЕТА (Группа экспертов Совета Европы по вопросу противодействия торговле людьми), членом которой является Республика Беларусь.

Полагаем, что усилению образовательной составляющей процесса предупреждения торговли людьми может служить разработка специальных образовательных программ в этой области, имеющих адресную направленность.

Заинтересованным учреждениям стоит рекомендовать сотрудникам в сфере профилактики торговли людьми, владеющим английским языком, проходить онлайн-обучение на платформе УНП ООН (<https://www.unodc.jrg/elearning/en/course-catalogue.html/>; модуль 13 «Торговля людьми», который включает в себя следующие вопросы: понимание проблемы торговли людьми, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в борьбе с торговлей людьми; процесс торговли людьми, который включает выявление, расследование и судебное разбирательство; выявление жертв и обращение с ними, который включает изучение по идентификации жертв торговли людьми и работу по их реабилитации).

Полагаем, что реализации профилактической работы (в том числе информационно-просветительского характера) могут способствовать и комплексные исследования рассматриваемой проблематики, которые

в настоящее время проводятся государственным учреждением «Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» в соответствии с приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 1 июля 2021 г. № 72 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии торговле людьми».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВООРЯДКА

Мозоль Р.Н.

Обеспечение защиты национальных интересов как высших социальных ценностей представляет фундаментальную функцию Белорусского государства, непереносимое условие и гарантию устойчивого развития и успешной жизнедеятельности страны, совершенствования общественных отношений, незыблемости конституционных прав и свобод граждан.

Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, в качестве стратегических национальных интересов определены: обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя, устойчивое экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики, достижение высокого уровня и качества жизни граждан.

С развитием информационных технологий происходит трансформация способов и средств совершения преступлений и, как следствие, трансформация работы правоохранительных органов, направленной на противодействие им как на уровне уголовной преступности (приобретение и сбыт наркотических средств, кибермошенничество), так и на уровне национальной безопасности в целом (подготовка и проведение несанкционированных массовых мероприятий).

Указанные преступления влекут за собой необходимость применения органами уголовного преследования новых форм и методов для их выявления и профилактики, требующих определенных знаний и навыков в сфере высоких технологий, позволяющих по «цифровым» следам идентифицировать лиц, причастных к противоправной деятельности.

В ходе проведения избирательной кампании по выборам Президента Республики Беларусь в 2020 г. правоохранительная система столкнулась с множественными вызовами как внутри страны, так и за ее пределами, в том числе с проводимой в отношении Республики «гибридной войной».

Гибридная война – это совокупность методов дипломатического, силового, экономического, информационно-психологического и технологического давления, мероприятий спецслужб, технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, осуществляемых по единому плану органами управления другого государства, военно-политического блока. Целями гибридной войны являются

полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри и внешнеполитического курса, замена государственного руководства на лояльные режимы, установление над страной внешнего идеологического и финансово-экономического контроля.

В 2020 г. и последующие периоды на территории нашей страны использовался ряд вышеперечисленных мер давления, применявшихся ранее в других странах для организации государственных переворотов.

После провала на первоначальных стадиях попытки силового воздействия в ход пошли проверенные способы информационного воздействия: фейки, буллинг, угрозы.

На совершение указанных противоправных деяний граждан побудили деструктивные телеграмм-каналы и интернет-ресурсы, содержавшие не соответствующие действительности сведения, после прочтения которых ряд лиц подверглись влиянию специально разработанных политических технологий. Больше всего информационному воздействию подверглись несовершеннолетние и студенты. Под видом незначительных, на первый взгляд, действий скрывался комплекс мер, направленный на дестабилизацию обстановки в обществе и в целом в государстве. Многие граждане, уверовав в анонимность сети Интернет, совершали преступные деяния в информационном пространстве. Более того, основная координация деятельности по подготовке и проведению несанкционированных массовых мероприятий осуществлялась посредством деструктивных телеграмм-каналов и других интернет-ресурсов.

В данный период произошли изменения в структуре правонарушений, стали совершаться противоправные деяния, которые наносили ущерб Республике Беларусь, правам и законным интересам граждан, при этом указанные действия не подпадали под признаки уголовно наказуемых деяний. По ряду преступлений (правонарушений) вид и размер наказаний (взысканий) явно не соответствовал их характеру и степени общественной опасности.

Указанные обстоятельства потребовали незамедлительной трансформации систем обеспечения национального правопорядка, следствием чему явилось внесение изменений в уголовное и административное законодательство, принятие Законов Республики Беларусь от 05.01.2022 № 146-З «О геноциде белорусского народа» и от 14.05.2021 № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма», а также ряда иных нормативно-правовых актов.

Постепенно граждане, вовлеченные в противоправную деятельность, поняли, что ими манипулируют, стали соблюдать информационную гигиену, не считая любую публикацию правдивой, критично относиться к комментариям. Выяснив истинные цели организаторов несанкционированных массовых мероприятий, прекратили участвовать в них.

Сами же организаторы выехали за границу с целью избежания ответственности за содеянное. Как следствие, страны Западной Европы отказывают Республике Беларусь в оказании правовой помощи и изблечении указанных лиц в рамках расследования возбужденных уголовных дел.

Стремление указанных стран использовать силовые методы, давление, экономические санкции для продвижения своих геополитических интересов, двойные стандарты в трактовке демократических норм и принципов являются источником напряженности и позволяют лицам, находящимся на их территории,

продолжать свою преступную деятельность против интересов Республики Беларусь.

В силу обозначенных обстоятельств представляется, что одним из важнейших направлений социальной политики Республики Беларусь в настоящее время является обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества.

Основной целью деятельности по обеспечению общественной безопасности является достижение и поддержание необходимого уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина, законных интересов государственных и общественных организаций от угроз криминального характера.

Осуществляемая правоохранительная деятельность в Республике Беларусь отвечает всем критериям эффективности. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь и органами прокуратуры на местах осуществляется ее координация с учетом негативных тенденций в состоянии преступности, динамики отдельных видов и категорий преступлений.

Результаты правоохранительной деятельности свидетельствуют о последовательном снижении преступности, сокращении числа рецидивных преступлений, а также преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, преступлений против жизни и здоровья граждан. Благодаря принятым мерам существенно снижено количество преступлений, совершенных с помощью компьютерных технологий, практически изжиты преступления, связанные с протестной активностью населения.

В заключение сформулирую следующие предложения по дальнейшему совершенствованию правоохранительной деятельности, борьбе с преступностью в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка:

1) необходимо принять меры по развитию эффективных форм и методов выявления и профилактики преступлений, совершенных с использованием глобальной сети Интернет;

2) правоохранительным органам следует прогнозировать тенденции и направления развития преступной деятельности, в том числе и в информационном пространстве, пресекая ее на ранних стадиях, до того, как тот или иной ее вид приобретет лавинообразную форму;

3) существенной коррективке подлежит духовно-патриотическое воспитание, проводимое в учреждениях образования и трудовых коллективах;

4) следует разработать механизм по взысканию причиненного преступлениями ущерба с лиц, находящихся за пределами Республики Беларусь.

ПРОБЛЕМЫ САНКЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ И НАКАЗАНИЯ ЗА ЕГО СОВЕРШЕНИЕ

Морозова А.А.

В 2016 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен отдельной ст. 204.1, предусматривающей ответственность за посредничество в коммерческом подкупе. Установление в отдельной статье УК РФ ответственности за осуществление посреднических действий, заключающихся в способствовании достижению или реализации соглашения между заинтересованными лицами о передаче и (или) получении предмета коммерческого подкупа, явилось шагом к обеспечению системности уголовно-правовых мер противодействия коррупции в части устранения пробела, ставшего очевидным после того, как в 2011 г. гл. 30 УК РФ была дополнена ст. 291.1, содержащей составы посредничества во взяточничестве, а также обещания или предложения такого посредничества. Вместе с тем, наряду с положительными результатами включения данных уголовно-правовых норм в УК, на сегодняшний день наблюдаются проблемные вопросы, касающиеся санкционного обеспечения норм об ответственности за посредничество в коммерческом подкупе, а также наказания за его совершение.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>) наибольшее число лиц, признанных виновными в посредничестве в коммерческом подкупе за последние годы, осуждено по ч. 2 ст. 204.1 УК РФ (посредничество, связанное с содействием подкупу, совершаемому за заведомо незаконные действия (бездействие) или (и) в крупном размере), что наглядно представлено в приводимой ниже таблице.

Статья 204.1 УК РФ	Число осужденных (по годам)				
	2017	2018	2019	2020	2021
часть 1	5	2	0	1	1
часть 2	14	6	8	3	2
часть 3	2	4	3	2	3
часть 4	1	0	2	0	0
Всего:	22	12	13	6	6

Отметим, что за совершение деяния, содержащего основной состав посредничества в коммерческом подкупе (ч. 1 ст. 204.1 УК РФ), предусмотрены следующие альтернативные виды наказания: штраф, ограничение свободы, исправительные работы и лишение свободы на определенный срок. При этом, наряду с лишением свободы, суд при вынесении приговоров по ч.1 ст. 204.1 УК РФ может назначить штраф как дополнительный вид наказания. В последующих частях рассматриваемой статьи, наряду со штрафом как основным видом наказания и лишением свободы, в том числе при его дополнении штрафом, суд также может назначить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания.

Полагаем важным обратить внимание на то, что при регламентации штрафа в санкциях ст. 204.1 УК РФ допущена юридико-техническая неточность – не учтено, что согласно ч. 2 ст. 46 УК РФ размер этого наказания может определяться кратно не только сумме коммерческого подкупа, как это указано в санкциях рассматриваемой уголовно-правовой нормы, но и стоимости предмета подкупа. В связи с этим на практике могут возникать сложности в тех случаях, когда посредничество осуществлялось в отношении каких-либо вещей, составлявших предмет коммерческого подкупа. Как представляется, еще одной проблемой санкционного обеспечения противодействия посредничеству коммерческому подкупу является следующая законодательная неточность: поскольку субъектом данного преступления не названо лицо, использующее свое служебное положение, вызывает вопросы включение в санкции ч. 2–4 ст. 204.1 УК РФ такого дополнительного вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ позволяет отметить, что ограничение свободы и исправительные работы, несмотря на присутствие данных видов наказания в санкции ч. 1 ст. 204.1 УК РФ, а ограничения свободы – в санкции ч. 4 данной статьи, фактически судами не назначаются, равно как и лишение свободы на определенный срок с его реальным отбыванием. Представляется, что такому положению дел в «экономном» назначении судами уголовного наказания могут способствовать соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и положения обзоров, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ.

Полагаем, что ситуация, при которой суды при назначении наказания в большинстве своем назначают штраф, нельзя признать приемлемой, способствующей дифференциации ответственности за данные посреднические действия, отвечающей задачам уголовного закона и интересам эффективного противодействия коррупции. Как верно отмечает А. И. Александров [1, с. 50], коррупционеры уже изначально предполагают, что в случае осуждения по ст. 204.1 УК РФ им будет назначено наказание в виде штрафа, в связи с чем формируют для себя «резерв денежных средств» на случай необходимости соответствующей уплаты. Поэтому не совсем логичной видится антикоррупционная политика государства, направленная на борьбу с коррупционным поведением, предусматривающая возможность «откупа» в виде уплаты штрафа за его совершение.

В связи с изложенным представляется, что наказания, фактически назначаемые за посредничество в коммерческом подкупе, не достигают целей, стоящих перед уголовным наказанием (ч. 2 ст. 43 УК РФ): восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

Полагаем, что в целях дифференциации уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе, наряду со штрафом и лишением свободы на определенный срок, в качестве основных видов наказания следовало бы включить: обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и принудительные работы во все части ст. 204.1 УК РФ, которые могли

бы быть назначены судом без необходимости использования института условного осуждения и штрафа, назначаемых за рассматриваемые преступления.

Вызывает вопросы и санкция ч. 4 ст. 204.1 УК РФ. Так, обещание и предложение посредничества влечет за собой максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет, тогда как за способствование совершению коммерческого подкупа в значительном размере в санкции ч. 1 ст. 204.1 УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет. И это без учета того обстоятельства, что предложение и обещание посредничества – это всего лишь внешнее выражение готовности совершить преступление в будущем. Сходная ситуация наблюдается и при сравнении санкций ч. 1 и ч. 5 ст. 291.1 УК РФ применительно к посредничеству во взяточничестве и обещанию или предложению такого посредничества.

При сохранении обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе в качестве самостоятельного состава преступления, наказуемого строже, нежели само посредничество, предусмотренное ч. 1 ст. 204.1 УК РФ, возникает парадоксальная ситуация, когда виновному лицу «выгоднее» как можно быстрее перейти от обещания или предложения к делу, что позволит ему избежать более строгого наказания. Более того, может возникнуть ситуация, когда посредничество в коммерческом подкупе, предусмотренное ч. 1 или ч. 2 ст. 204.1 УК РФ, прерванное на стадии приготовления, не повлечет уголовную ответственность, а указанные обещание или предложение такого посредничества – повлекут более строгое наказание, чем оконченное посредничество в коммерческом подкупе по ч. 1 ст. 204.1 УК РФ.

Таким образом, регламентация и реализация уголовной ответственности за рассматриваемое посредничество нуждаются в дальнейшем совершенствовании, в том числе посредством реализации изложенных нами предложений, направленных на повышение эффективности противодействия коррупции в части посреднических действий при коммерческом подкупе.

Список цитированных источников

1. Александров, А. И. Борьба с коррупцией: актуальные вопросы уголовного права, уголовного процесса и ОРД / А. И. Александров // Рос. юстиция. – 2018. – № 4. – С. 50.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ВЫДВОРЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ИНОСТРАНЦА И ЛИЦА БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Нурпейис А.

С приобретением независимости Республики Казахстан происходит поэтапное реформирование уголовного законодательства в части правовой регламентации института наказаний, применяемых в отношении лиц совершивших уголовные правонарушения. На формирование системы уголовных наказаний оказывают влияние множество факторов. Всесторонне оценивая их, О. Н. Дядькин и А. В. Звонов особо отмечают влияние норм

международного права на формирование отечественного и зарубежного уголовного законодательства [1, с. 82–89].

Изучение международных документов во вопросам систематизации уголовно-правовых мер воздействия показывает тенденцию последних десятилетий, направленную на расширение их перечня путем введения новых мер, не связанных с изоляцией от общества [2, с. 220–224]. Одним из новых видов наказаний, предусмотренных в отечественном уголовном законодательстве, является выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца и лица без гражданства. Данный вид уголовного наказания появился в казахстанском уголовном законодательстве с принятием Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) 2014 г., а Законами РК от 9 апреля 2016 г. и 21 января 2019 г. были конкретизированы его карательное содержание и основания применения.

Выдворение как мера уголовного наказания имеет определенное историческое прошлое. В современном ее понимании выдворение за пределы государства, безусловно, не существовало, тем не менее были меры наказания, имеющие схожие признаки. В период существования СССР 10 января 1930 г. было принято постановление ВЦИК СНК РСФСР «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам». В 1924 г. при назначении основного наказания за совершение преступлений в виде заключения лица в тюрьме либо лагере ОГПУ получило полномочия высылать и ссылать данных граждан.

Согласно ст. 1 указанного постановления допускались следующие виды высылки и ссылки по суду: а) высылка из места, где данное лицо проживает, с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; б) ссылка в определенную местность; в) ссылка в определенную местность в соединении с принудительными работами.

Согласно справочнику терминологии в области миграции «высылка» – это действия, предпринимаемые государственным органом с намерением и с целью обеспечения принудительного удаления лиц / лица (иностранных граждан или лиц без гражданства) с территории этой страны.

В дальнейшем указанные виды уголовных наказаний нашли отражение и в нормах Уголовного кодекса Казахской ССР, принятого в 1959 г. Основные наказания в виде ссылки и высылки могли применяться к лицам, совершившим преступления. Уголовный законодательство Республики Казахстан 1997 г. уже не предусматривало такой вид уголовного наказания, как ссылка и высылка. Соответственно, и схожих по признакам с уголовным наказанием в виде выдворения за пределы иностранца или лица без гражданства также не содержалось.

Вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства являются достаточно проблемными. Определенный интерес в данном аспекте представляют опыт государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС): России, Республики Армения, Беларуси, Кыргызстана. ЕАЭС был создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. Создание подобного объединения всегда сопровождается определенными издержками, например, негативными последствиями в лице преступников среди

иностранцев. В странах ЕАЭС в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства применяются наказания как связанные с лишением свободы, так и не связанные с таковым, но с некоторыми ограничениями. К примеру, в Республике Беларусь к иностранцам и не проживающим постоянно в республике лицам без гражданства применяется только арест, лишение свободы и штраф. В Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства вне зависимости от законности и длительности их пребывания на территории РФ ограничение свободы не назначают всем, а в Кыргызстане иностранным гражданам и лицам без гражданства, временно проживающим на ее территории не назначают условное осуждение и ограничение свободы.

Специфическим уголовным наказанием для иностранного гражданина или лица без гражданства является его выдворение.

В первоначальной редакции ст. 51 УК РК выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства характеризовалось «исполнением путем контролируемого выезда осужденного иностранца или лица без гражданства за пределы Республики Казахстан с установлением запрета на въезд этого лица на территорию Республики Казахстан сроком на пять лет».

Анализ указанной нормы показывает, что данный вид наказания может применяться только в отношении иностранцев и лиц без гражданства. В соответствии со ст. 2 Закона Республики Казахстан «О правовом положении иностранцев» иностранцами признаются лица, не являющиеся гражданами Республики Казахстан и имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству иного государства. Лицами без гражданства признаются лица, не являющиеся гражданами Республики Казахстан и не имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству иного государства.

Рассматриваемое наказание в Казахстане применяется как в качестве основного в отношении лица, признанного виновным в совершении уголовного проступка, так и дополнительного наказания, наряду с основным (ст. 40 УК РК).

Согласно нормам отечественного уголовного закона указанный вид наказания предусматривается в санкциях следующих уголовных правонарушений:

- умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Казахстан (ст. 392 УК РК);

- организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма (ст. 405 УК РК).

Согласно статистическим данным Комитета по правовой статистике Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в период 2019–2021 гг. выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства в качестве дополнительного вида наказания назначалось по ст. 392 УК РК: в 2019 – 111; 2020 – 98; 2021 – 139 [3].

В настоящее время выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства в уголовном законодательстве Республики Казахстан регламентируется «исполнением в принудительном порядке с установлением запрета на въезд этого лица на территорию Республики Казахстан сроком на пять лет». Изменение порядка исполнения выдворения

за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства не путем контролируемого выезда, а в принудительном порядке, по нашему мнению, определяет степень строгости и тяжести данного вида уголовного наказания.

Принудительный порядок заключается в том, что выдворяемый иностранец или лицо без гражданства на основании постановления органов внутренних дел о превентивном ограничении свободы передвижения, санкционированного судом, помещается в специальное учреждение органов внутренних дел на срок, необходимый для организации его выдворения за пределы Республики Казахстан, но не более чем на тридцать суток.

Выдворение осуществляется путем препровождения выдворяемого иностранца или лица без гражданства до Государственной границы Республики Казахстан в порядке, определяемом постановлением Правительства Республики Казахстан от 6 апреля 2017 г. № 175 «Об утверждении Правил выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства в принудительном порядке, а также содержания в специальном учреждении органов внутренних дел выдворяемого лица, в отношении которого вынесено решение суда о превентивном ограничении свободы передвижения». Данными Правилами регламентируется порядок реализации процедуры выдворения иностранцев и лиц без гражданства. Согласно нормам указанных Правил наказание о выдворении за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства исполняется органами национальной безопасности и органами внутренних дел Республики Казахстан.

В части назначения рассматриваемого наказания положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан регламентируются следующим образом: «выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства за совершение преступления может быть назначено в качестве дополнительного вида наказания, а за совершение уголовного проступка – в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания.

При назначении судом данного вида наказания в качестве дополнительного оно исполняется после отбытия основного вида наказания или освобождения от дальнейшего его отбывания по основаниям, предусмотренным подп. 3, 5, 6 и 7 ч. 1 ст. 161 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан, а в случаях применения условного осуждения – с момента вступления приговора в законную силу». При назначении выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства в качестве дополнительного наказания в практической деятельности возникают определенные сложности, связанные с возможностью назначения такого наказания в случаях, когда оно прямо не указано в санкции статьи, по которой лицо осуждено. Согласно ч. 1 ст. 52 УК РК «лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения, назначается справедливое наказание в пределах, установленных соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса, и с учетом положений Общей части Уголовного кодекса». Из указанного следует, что рассматриваемое наказание может быть назначено только в случаях, прямо указанных в санкции соответствующей статьи УК РК, по которой лицо признано виновным.

При этом в практической деятельности возникают ситуации, когда суд в качестве дополнительного наказания назначает выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства, не учитывая, что санкция применяемой статьи указанный вид наказания не предусматривает. Так, приговором районного суда № 2 Медеуского района города Алматы гражданина Российской Федерации Л. осужден по п. 1 ч. 3 ст. 190 УК к 3 годам лишения свободы с отбыванием наказания в учреждении уголовной-исполнительной системы средней безопасности с применением на основании ст. 51 УК в отношении него дополнительного наказания в виде выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства сроком на 5 лет.

Постановлением № 2уп-9-22 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан при рассмотрении указанного уголовного дела в отношении гражданина Российской Федерации Л. Установлено, что при назначении дополнительного наказания в виде выдворения за пределы Республики Казахстан судом были допущены нарушения закона. Так, санкция п. 1 ч. 3 ст. 190 УК не предусматривает дополнительное наказание в виде выдворения за пределы Республики Казахстан. По мнению коллегии, из содержания ст. 51 УК также не усматривается возможность назначения данного вида дополнительного наказания по усмотрению суда. В этой связи судебная коллегия постановила отменить назначенное гражданину Л. дополнительное наказание в виде выдворения его за пределы Республики Казахстан сроком на 5 лет.

Другим примером может служить приговор специализированного межрайонного суда по уголовным делам г.Алматы в отношении гражданина Республики Турции К., осужденного по ч. 1 ст. 99 УК к 11 годам лишения свободы с отбыванием наказания в учреждении уголовно-исполнительной системы максимальной безопасности. В данном случае судом также на основании ч. 2 ст. 51 УК назначено дополнительное наказание в виде выдворения за пределы Республики Казахстан с установлением запрета на въезд на территорию Республики Казахстан сроком на 5 лет.

При изучении материалов уголовного дела судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан также установлено применение в качестве дополнительного наказания выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства, хотя ст. 51 УК, как указывалось выше, не предусмотрена возможность назначения такого наказания в случаях, когда оно не указано в санкции статьи, по которой лицо осуждено. По итогам рассмотрения судебная коллегия постановила наказание в виде выдворения за пределы Республики Казахстан после отбывтия основного вида наказания с запретом на въезд на территорию Республики Казахстан сроком на пять лет отменить.

Учитывая изложенное, в целях единообразного и правильного применения наказания в виде выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства предлагается ч. 2 ст. 51 УК РК дополнить следующим абзацем: «Выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства в качестве дополнительного наказания за соответствующее уголовное правонарушение может быть назначено только в случаях, предусмотренных санкцией соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса».

Список цитированных источников

1. Звонов, А. В. Факторы формирования системы уголовных наказаний в современных условиях: краткий аналитический обзор / А. В. Звонов, О. Н. Дядькин // Криминологический журн. Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 82–89.
2. Расторопов, С. В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в законодательстве зарубежных стран / С. В. Расторопов, А. Г. Полуэктов // Пробелы в рос. законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 220–224.
3. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/projects/details/1348?lang=kk_. – Дата доступа: 24.04.2022.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕОФИКСАЦИИ С ВОЗМОЖНОСТЬЮ РАСПОЗНАНИЯ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Пацкевич А.П., Середа А.Е.

При переходе к новому технологическому укладу, связанному с «цифровой революцией», в частности, в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, использованием их для видеонаблюдения и распознавания лиц, возникает ряд этико-правовых проблем, практически не имеющих национальной и региональной специфики. Речь идет о применении данных технологий в раскрытии и расследовании преступлений, профилактике противоправной деятельности, а также установлении лиц, находящихся в розыске или пропавших без вести. Актуальность рассматриваемой проблемы представляется ярко выраженной в контексте современных возможностей фото и видеофиксации.

К примеру, в рамках Республиканской системы мониторинга общественной безопасности (далее – РСМОБ) к концу 2018 г. в Минске насчитывалось около 4000 камер видеонаблюдения. С целью поддержания законности и правопорядка используется продукт компании «Synesis» под названием «Kipod», который позволяет наладить биометрическую систему идентификации и распознавания лиц, а также идентификацию и распознавание номеров транспортных средств. (точность распознавания лиц составляет около 94,21 %, а номеров – 97,46 %). В зависимости от расположения камеры видеонаблюдения, «Kipod» распознает от 15 до 25 лиц, находящихся в кадре. До 2024 г. в Беларуси планируется установка более 360 тыс. камер видеонаблюдения

Границы применения подобной технологии уже в самом общем виде закреплены в нормативных правовых актах Республики Беларусь. Однако эти права и возможности их ограничения сформулированы настолько широко, что требуют однозначной конкретизации в других правовых актах и (или) сформированной судебной практике, выраженной в постановлениях Пленума

Верховного суда Республики Беларусь, поскольку иначе сохраняется ситуация неопределенности.

К примеру, перечень нормативных правовых актов, регулирующих применение видеофиксации с возможностью распознавания лиц, в Беларуси состоит из следующих элементов:

1. Указ Президента Республики Беларусь от 28.11.2013 № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка», который является предпосылкой создания РСМОБ. Приложение к данному нормативному правовому акту включает перечень объектов, подлежащих подключению в порядке приоритета. 30 декабря 2013 г. издано постановление Совета министров Республики Беларусь № 1164, утверждающее критерии, в соответствии с которыми объект обязан быть подключенным к РСМОБ.

2. В мае 2017 г. подписан Указ Президента Республики Беларусь № 187 «О Республиканской системе мониторинга общественной безопасности», определяющий в качестве основных задач системы мониторинга наблюдение за состоянием общественной безопасности в целях: 1) обеспечения общественного порядка; 2) профилактики, выявления (раскрытия) и пресечения преступлений, других правонарушений; 3) розыска лиц, их совершивших, и лиц, без вести пропавших (безвестно исчезнувших); 4) предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; 5) оперативное информирование о зафиксированных событиях.

3. Согласно постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 2 июля 2019 г. программное обеспечение для РСМОБ должно предусматривать интеграцию со сторонними информационными базами и системами, в которых хранятся фото и видеотеки. По состоянию на 2022 г. РСМОБ состоит из: системы видеонаблюдения, специальных детекторов, каналов связи единой республиканской сети передачи данных, программной платформы, аппаратного комплекса и других элементов.

4. В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-3 «О защите персональных данных» согласие субъекта на обработку его персональных данных, за исключением специальных, не требуется: 1) для ведения административного и (или) уголовного процесса; 2) осуществления оперативно-розыскной деятельности; 3) для осуществления правосудия, исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов; 4) в целях осуществления контроля (надзора) в соответствии с законодательными актами; 5) для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или иных лиц.

На сегодняшний день нет единого мнения в отношении того, вторгается ли видеофиксация происходящего в общественных местах, сопряженная с возможностью распознавания лиц, в право человека на частную жизнь, в каких ситуациях она допустима, как можно выстраивать в новых технологических условиях баланс между различными частными интересами (интересом лица на неприкосновенность его частной (личной) жизни и интересом организации на контроль происходящего на ее территории) и интересами общества или государства (профилактика и раскрытие преступлений, обеспечение национальной безопасности).

Таким образом, ярко выражена необходимость разработки четкого и структурированного правового регулирования, отличающегося достаточной точностью и недвусмысленностью формулировок. Для достижения указанной цели представляется целесообразным сформулировать следующие принципы применения технологии видеофиксации с возможностью распознавания лиц, которые должны быть закреплены в нормативных правовых актах Республики Беларусь:

- распознавание лиц должно всегда использоваться в соответствии с законом, включая законы, защищающие гражданские права и свободы;
- когда технологию применяют правоохранительные органы, необходим человеческий надзор как гарантия того, что использование полученных данных в принятии решений не нарушает гражданских прав и свобод;
- когда технология распознавания лиц применяется правоохранительными органами для идентификации или другим способом, способным нарушить гражданские свободы, рекомендована максимальная точность используемого программного алгоритма (не менее 99 %);
- правоохранительные органы должны быть в определенной законом степени открыты в применении технологии распознавания лиц;
- следует уведомлять о совместном применении видеонаблюдения и технологии распознавания лиц в местах общественного и коммерческого использования.

Помимо этого, необходимо ввести минимальные требования, которые должны быть отражены в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь с тем, чтобы избежать злоупотребления полномочиями со стороны органов государства при фиксации данных и распознавании лиц:

- указание на характер правонарушения, которое может обусловить применение меры сбора (перехвата) и обработки персональных данных;
- определение категории лиц, чье взаимодействие может быть перехвачено;
- установление ограничения по продолжительности периода сбора (перехвата), фиксации и обработки данных;
- определение процедуры для исследования, использования и хранения полученных данных;
- меры предосторожности при передаче данных третьим лицам;
- определение обстоятельств, при которых собранные (перехваченные) и зафиксированные данные должны быть уничтожены с указанием допустимого срока хранения.

Не менее значимым представляется то, что в уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь со временем должны найти отражение следующие возможности использования интеллектуальных технологий видеонаблюдения и обработки их результатов:

1. Необходимо установить наличие достаточных данных, дающих основания для подозрения лица в совершении преступления, и ограничить применение данной меры определенным сроком. Увеличение количества используемых систем видеонаблюдения, объединение их в единую сеть способно дать возможность отслеживать перемещения конкретного лица (подозреваемого, обвиняемого и т. д.) в режиме реального времени или ретроспективно. Такой контроль со стороны государства является существенным ограничением прав

лица, в отношении которого он осуществляется, поэтому одним из вариантов его применения может рассматриваться предварительный судебный контроль.

2. Результаты применения систем распознавания лиц в современных реалиях не могут использоваться в качестве доказательств по делу. Полученный результат можно сравнить с заключением судебно-портретной экспертизы. В заключении эксперта содержатся не только выводы, предполагающие решение вопроса о тождестве, но и исследовательская часть, в которой описан сам процесс получения результата (о наличии или отсутствии тождества). Результаты же применения искусственного интеллекта сегодня не предполагают подобной верификации полученных результатов. Это является неопровержимым доводом в подтверждение тезиса о невозможности использования таких результатов в качестве доказательств. В связи с этим целесообразно закрепить данный аспект законодательно.

3. Использование как основного средства фиксации протокола следственного действия более не соответствует необходимости задействования в процессе доказывания цифровой информации, представленной в электронном виде (материалы видеофиксации, полученные в результате функционирования автоматизированных систем контроля в общественных местах и др.). Представляется бесполезным копирование такой информации в протокол следственного действия, что подчеркивает необходимость использования иных средств фиксации информации в ходе выяснения всех обстоятельств в рамках уголовного разбирательства.

О ВЛИЯНИИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОВРЕМЕННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Рахманова Е. Н.

Глобализация является объективным процессом и закономерным этапом развития XX-го столетия. Она спровоцировала серьезные изменения практически во всех областях жизни: в политической, экономической, социальной, гуманитарной и т. д. Глобализационные процессы оказывают серьезное влияние, в том числе, и на преступность и правоохранительные органы.

Глобализация равным образом несет в себе как криминогенный, так и антикриминогенный потенциалы. Значение позитивных аспектов глобализации трудно переоценить, но негативные и особенно криминогенные свойства глобализации проявляются быстрее и отчетливее, и в определенной степени они даже очевиднее, чем позитивные. Вместе с тем ошибочно считать, что глобализация напрямую влияет на преступность и определяет пути контроля над нею. Глобализация, с одной стороны, создает условия для сокращения преступности, а с другой, ее негативные стороны порождают все новые и новые криминальные угрозы. Она способствует развитию межгосударственного сотрудничества в сфере противодействия преступности, и в то же время именно глобализация является фактором, спровоцировавшим рост транснациональной преступности, незаконной миграции, незаконной торговли оружием,

наркотиками и т. п. Глобализация способствует сокращению государственных возможностей по контролю над преступностью, и она же порождает необходимость в расширении межгосударственного сотрудничества в этой области.

Краткий анализ современных глобализационных процессов позволяет высказать некоторые предположения относительно дальнейшего развития некоторых форм преступности.

Мир становится все более разнообразным и менее предсказуемым. Эффекты любой государственной и международной политики, решения или события затрагивают все больше людей (благодаря СМИ и Интернету). Скорость технологического продвижения, глобализация и экспоненциальный рост глобальных рынков создали и создают все новые возможности для преступной деятельности, которая постоянно развивается и адаптируется к новым условиям, причем гораздо быстрее и эффективнее, нежели правоохранительные органы. Наконец, различия в национальных запретах открыли и по-прежнему предоставляют дополнительные возможности для национальной и транснациональной преступности.

Динамика современных мировых процессов продиктовала появление новых негосударственных акторов. Вероятно, это самое сложное явление, которое получило широкое распространение на рубеже столетий – создание и рост частных охранных или военных бизнес-структур. Они постепенно захватывают заметные позиции в мировой экономике в условиях демополизации государств в сфере безопасности и становятся серьезными акторами в международных отношениях: их услугами пользуются не только представители бизнеса, но и государства и международные организации. «Такие компании действуют в разных частях планеты и оказывают широкий спектр услуг, от риск-менеджмента и охраны коммерческих объектов до обеспечения безопасности дипломатических миссий, разведывательной деятельности и операций по поддержанию мира (peacekeeping) и силовому установлению мира (peace enforcement)». По некоторым данным объем сделок на мировом рынке частных услуг в сфере безопасности насчитывает около 218,4 млрд. долларов.

Государственная монополия на законное использование насилия была ключевой нормой в связи с обеспечением безопасности на протяжении многих столетий. Но глобализация постепенно изменила контекст, структуру и институты государства, она вывела на арену безопасности новых игроков: частные охранные и военные компании. Произошла своего рода приватизация безопасности, причем безопасность обеспечивается способами, которые могут быть оценены в равной степени как положительно, так и отрицательно в зависимости от особенностей деятельности той или иной структуры по ее обеспечению. Частные охранные и военные услуги постепенно превратились в серьезный сектор экономики, который неоднороден по своему составу, но приносит огромные прибыли своим участникам. В частности, общая стоимость соответствующей «индустрии» только на территории Афганистана и Ирака оценивается сегодня в сумму от 20 до 100 млрд. долларов США в год. При этом около 70 % услуг ЧВНК на мировом рынке приходится на долю высокопрофессиональных компаний из США и Великобритании.

Охваченные преступностью страны Северного треугольника Гватемалы, Сальвадора и Гондураса имеют самую большую концентрацию частных

охранных фирм в регионе. А, например, в Колумбии охранные компании использовались военизированными группами, в том числе, для маскировки своей преступной деятельности, в Сальвадоре компании связаны с незаконной торговлей оружием и обвиняются в перепродаже оружия на черном рынке.

Еще одним аспектом глобализации и современной жизни является участие заинтересованных неправительственных организаций в контроле соблюдения законов в интересующей их области международной и внутригосударственной жизни. С одной стороны, и частные охранные, и частные военные компании, и неправительственные организации, работающие в определенной сфере, в состоянии использовать больше ресурсов и быть более эффективными, чем государственные организации, ограниченные в своей деятельности соответствующими нормативными требованиями.

Но, с другой стороны, их деятельность порождает ряд вопросов у правоохранительных органов, государств и международного сообщества. В частности, действуют ли они в рамках закона, каковы методы сбора информации и т. п. Есть, наконец, опасение, что национальные и транснациональные преступные группы также могут быть заинтересованы в деятельности подобных организаций и использовать их в своих интересах.

К наиболее опасным последствиям глобализации необходимо отнести получившие широкое распространение военные конфликты как международного, так и немеждународного характера, в результате которых международные преступления (военные, против человечности, геноцид и т. д.) фактически превратились в неотъемлемую характеристику современного общества.

Статистики международных преступлений пока нет, но степень их общественной опасности очевидна, так же как очевидны криминологические последствия. Военные конфликты изначально «заражены» криминологическим компонентом. Они создают угрозу нормальным мирным отношениям, порождают серьезные экономические, социальные, политические, психологические, демографические проблемы как для близлежащих государств, так и для государств, принимающих беженцев.

Глобализация сегодня означает, что правоохранительные органы или даже отдельная следственная единица сталкиваются с проблемами, к которым они чаще всего оказываются не готовы. Правоохранительные органы не в состоянии контролировать деятельность всех подпольных и тщательно охраняемых операций международных преступных консорциумов и/или коррумпированных правительств. Но и правоохранительные органы также подвергаются быстрым преобразованиям, поскольку им приходится сталкиваться с конкуренцией со стороны охранных и разведывательных частных структур и в связи с необходимостью противостоять все новым формам преступности.

Правоохранительные органы существуют в новых условиях еще и потому, что преступность рассматривается ныне как угроза национальной и мировой безопасности. При этом мы, конечно, понимаем, что противодействие преступности не только их задача. Современная правоохранительная система – это часть сети, на которую неизбежно влияют экономические, социальные проблемы, проблемы окружающей среды и т. п.

Существующие и появляющиеся все новые технологии неизбежно приводят к изменениям в методах совершения преступлений, но эти же технологии также ведут к изменениям в методах противодействия, выявления и расследования.

Предложенный нами анализ развития преступности, рассуждения о появлении новых криминальных угроз носит не всеобъемлющий, а скорее гипотетический характер. В этой связи можно вспомнить слова лорда Джонатана Сакса, который писал: «Наши знания прошлого и настоящего расширяются, но будущего мы не знаем. ... Сама скорость перемен почти во всех областях нашей жизни сегодня – экономической, политической, культурной и технологической – разрушает даже относительное постоянство условий человеческого существования, которое было присуще человеческой жизни в прошлом и позволяло нашим предшественникам смотреть в будущее с уверенностью».

В данном случае сделана лишь попытка рассмотреть некоторые сценарии развития глобализации и их влияние на преступность и правоохранные органы.

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ПОДРОСТКОВОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (МНЕНИЕ ПРОКУРОРА)

Рочева Е.А.

Согласно ст.1 Закона Республики Беларусь от 19.11.1993 № 2570-ХІІ «О правах ребенка» важнейшей политической, социальной и экономической задачей Республики Беларусь является всесторонняя гарантированная защита государством и обществом детства, семьи и материнства нынешнего и будущих поколений. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи представляет собой самостоятельное, специфическое направление деятельности органов прокуратуры, относится к надзору за исполнением законов в межотраслевых сферах и призван обеспечить реальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних и молодежи, пресечение и предупреждение преступности несовершеннолетних.

В 2020–2021 гг. в государственном учреждении «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» проводилось комплексное криминологическое исследование на тему «Эффективность работы с несовершеннолетними правонарушителями в Республике Беларусь», задачей которого являлись анализ и оценка эффективности работы с несовершеннолетними правонарушителями. В ходе исследования было проанализировано мнение значительной группы экспертов о состоянии и уровне эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в республике. В опросе приняли участие и сотрудники органов прокуратуры из разных регионов республики (7,3 % экспертов).

Большинство опрошенных прокуроров (76,1 %) имели стаж работы с несовершеннолетними до 10 лет, 17,9 % – до 20 лет; по гендерному признаку среди экспертов данной группы показатели почти равнозначны (мужчин 49,8 %, женщин – 50,2 %).

Обеспокоенность по поводу ситуации, связанной с девиантным поведением детей и подростков, выразили 63,7 % сотрудников прокуратуры. 32,8 % опрошенных прокуроров полагают, что ситуация находится под контролем, в силу чего не вызывает беспокойства.

Среди причин и условий, оказывающих наибольшее влияние на распространенность девиантного поведения среди детей и подростков 74,1 % прокуроров поставили на первое место культурно-нравственные (неблагоприятная нравственная атмосфера во многих семьях, имеющих детей, негативное влияние СМИ и социальных сетей, образ жизни родителей, их безответственное отношение к детям, негативные модные течения и влияние западного образа жизни, культ денег и доминирование ценностных ориентаций на материальное благополучие, потребительство и эгоизм).

Отвечая на вопрос об источниках совершения девиантных поступков несовершеннолетними, прокуроры в первую очередь указывают на низкую эффективность воспитательного воздействия в отношении подростков (семейное воспитание, ситуация в семье, дисфункциональность современной семьи, недостаточная эффективность профилактической работы среди несовершеннолетних) – 41,3 %. Негативное влияние среды взаимодействия несовершеннолетних (окружение подростка вне дома (сверстники, друзья), информационных технологий, преобладающий способ общения посредством социальных сетей) как наиболее значимый источник девиантного поведения видят 39,8 % опрошенных прокуроров.

Отдельные проявления девиантного поведения детей и подростков являются фактором социальной реальности. В зависимости от проявления, усиления определенных негативных форм или тенденций асоциального поведения детей и подростков возможно планирование соответствующих моделей профилактического воздействия. По мнению 43,3% прокуроров, сегодня повышенного внимания требуют смешанные девиации несовершеннолетних (потребление алкоголя, зависимость от информационных технологий, совершение противоправных поступков). Зависимое поведение (потребление токсикоманических средств, наркотиков, алкоголя) детей и подростков требует повышенного внимания общества по мнению 20,4% опрошенных. 18,9% экспертов полагают необходимым в первую очередь обратить внимание на противоправное поведение, обусловленное негативным влиянием информационных технологий.

Основываясь на собственном опыте и видении проблемы, 43 % сотрудников прокуратуры полагают, что действующая на местном уровне система профилактики позволяет исправить значительную часть несовершеннолетних, 38,5 % более осторожны – допускают, что система позволяет исправить некоторую часть. Уверенность, что на местном уровне возможно исправление практически всех несовершеннолетних правонарушителей высказали только 8,5 % опрошенных прокуроров.

Оценивая результативность индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в своем регионе, 14,5 %

прокуроров высказались об эффективности указанной деятельности. Почти 70 % определили ее как «скорее эффективную». Таким образом, 84,7 % опрошенных прокуроров оценивают профилактическую работу с несовершеннолетними правонарушителями в своем регионе как эффективную.

По мнению 49,2 % опрошенных на эффективность профилактической работы с несовершеннолетними наиболее негативно влияют проблемы, связанные с практической реализацией действующих норм права (недостатки организации, управления, координации и контроля профилактической работы, недостаточное использование потенциала молодежных и других общественных организаций, формальное отношение исполнителей к функциям в сфере профилактики). В то же время 20,1% прокуроров полагают, что проблемы правового обеспечения (отсутствие единой научно обоснованной стратегии предупредительной деятельности в отношении несовершеннолетних, несовершенство и неразвитость нормативно-правовой базы для профилактической работы) снижают эффективность проводимой профилактической работы. На отсутствие единой государственной структуры, которая бы осуществляла комплексную социальную и индивидуальную профилактику девиантного поведения несовершеннолетних, несовершенство и неразвитость профилактики правонарушений в сфере информационных технологий, доминирование наказательного подхода в организации предупредительной деятельности указало 16,6 %.

Снижению уровня преступности, административных правонарушений, пьянства, наркомании и токсикомании среди детей и подростков, по мнению 43,2 % прокуроров (62,1 % экспертов в целом по стране), способствовало бы совершенствование форм и способов работы с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом (совершенствование форм и способов контроля поведения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, социальная реабилитация и адаптация правонарушителей). Немногом меньше (35,2 % прокуроров, 21,8 % всех экспертов) полагают, что снижению уровня девиантности способствовали бы меры, связанные с ужесточением ответственности (несовершеннолетних и родителей), и оптимизацией механизмов ее реализации (в том числе, увеличением количества, дополнительной специализацией и совершенствованием работы специальных учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений). 21,6 % полагают приоритетным совершенствование предупредительной деятельности на местном уровне (создание специализированных структур, занимающихся профилактикой на местном уровне, создание социальных условий для формирования мотивации правомерного поведения по месту жительства несовершеннолетних девиантов и лиц из групп девиантного риска).

Таким образом, большинство принявших участие в исследовании сотрудников прокуратуры полагают, что девиантное поведение несовершеннолетних (причиной которого являются в первую очередь культурно-нравственные факторы) вызывает беспокойство. Тревогу вызывают как смешанные девиации несовершеннолетних в целом, так и в частности зависимое поведение подростков, противоправное поведение, спровоцированное негативным влиянием информационных технологий.

Более 80 % прокуроров полагают, что действующая местном уровне система профилактики позволяет исправить значительную часть несовершеннолетних

правонарушителей и проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними в (их) регионе достаточно эффективно.

Вместе с тем в текущей деятельности субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних имеются определенные проблемы, в первую очередь, как указывают сотрудники прокуратуры, это недостатки организации, управления, координации и контроля профилактической работы, недостаточное использование потенциала молодежных и других общественных организаций, зачастую формальное отношение исполнителей к функциям в сфере профилактики.

ВИДЫ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД. ИНТЕРНЕТ ПИРАМИДЫ. КРИПТОВАЛЮТА КАК ФИНАНСОВАЯ ПИРАМИДА

Сердюк А.Ю.

Финансовую пирамиду можно определить как запрещенный под угрозой уголовного либо административного наказания способ привлечения имущества неограниченного числа лиц, при котором доход лиц, сделавших вклады ранее, образуется за счет позднее привлеченного имущества без возможности выполнить обязательства перед всеми вкладчиками.

Основой деления финансовых пирамид на виды является структура их построения. Можно выделить такие основные группы:

1. Финансовая пирамида по схеме Понцы (одноуровневая финансовая пирамида). Данный вид финансовой пирамиды является классическим, самым простым и массовым. Суть данной схемы состоит в том, что сначала организаторы вкладывают свои деньги, за счет которых получают доход первые две ступени вкладчиков. Репутация о доходности проекта расходуется, что обеспечивает приток новых вкладчиков, которые обеспечивают доход тем, кто вложил имущество раньше. Данный тип финансовых пирамид, как правило, маскирует свою незаконную деятельность, позиционируя себя как инвестиционный фонд, проект взаимопомощи, страховые компании и т. д. Крах данного вида финансовых пирамид наступает тогда, когда снижается количество новых вкладчиков. В этот момент организатор завершает деятельность и скрывается вместе с имуществом участников. Срок жизни такого пузыря прямо пропорционален его популярности, количеству новых участников, но обычно он составляет от 4 до 24 месяцев, в прибыли остаются не более 20 % вкладчиков.

Примерами можно выделить: MMM; проект по финансированию создания лекарств для борьбы со СПИДом от Танненбаума, который привлекал средства под предлогом импортировать препараты, продлевающие жизнь людей с ВИЧ; айфоновые пирамиды, которые привлекали средства как полную предоплату для покупки смартфонов по цене, вдвое ниже рыночной, и бесчисленное множество других проектов.

2. Многоуровневая финансовая пирамида. Основывается на вступительном взносе, который должен внести каждый новый участник. Взнос впоследствии распределяется между участниками высших уровней, и все участники

заинтересованы в привлечении новых членов, что становится все сложнее на каждом новом этапе. Доход от такой деятельности получает верхушка пирамиды и первая – вторая ступени, а до 90 % вкладчиков теряют свои вложения. Срок жизни такого вида пирамид невелик, до полугода, и продержаться такая финансовая пирамида может до 10 уровня.

Такие пирамиды также называются структурами, самыми известными среди которых можно назвать Бинор и Кэшбери.

3. Маскирующая пирамида, которая внешне напоминает многоуровневый маркетинг. Вступая в пирамиду, участники за комиссионное вознаграждение обязаны продать определенный товар или услугу, которые ценности не представляют, являясь лишь маскировкой.

4. Матричная пирамида. Данный вид финансовых пирамид представляет собой усложненные многоуровневые структуры. Участник оплачивает первоначальный взнос, после чего ожидает заполнения ряда участников под собой. При заполнении нижнего уровня, матрица разделяется на две, а участник поднимется на один уровень вверх. Каждый раз, когда происходит дальнейшее деление матриц, участник поднимается все выше. После достижения участником первого уровня, ему выплачивается вознаграждение, например дорогостоящий товар (слиток золота или смартфон).

Суть пирамиды сводится к тому, что нижестоящие участники скидываются на подарок участнику первого уровня.

В современном мире пирамиды получили глобальное развитие за счет использования новых технологий. На таком виде (типе) способа привлечения денежных средств как Интернет, необходимо остановиться отдельно.

Интернет-пирамиды весьма разнообразны, по виду куда они делятся на следующие разновидности: букс, инвестиции, криптовалюта с парамайнингом, матричные проекты, межбиржевой арбитраж, классическая финансовая пирамида, хайп.

Хайп (HYIP – High Yield Investment Program) переводится как высокодоходная инвестиционная программа. Данный вид финансовых пирамид характеризуется многоуровневой реферальной системой, где за приглашение нового участника пригласивший получает процент от его вклада, а также используется основная схема Понцы. Хайпы в свою очередь делятся на 3 подвида: низкопроцентные, среднепроцентные и высокодоходные. Выявить такой вид финансовых пирамид сложно, так как прикрываются хайпы вложениями в паевые инвестиционные фонды, ценными бумагами, имеют место регистрации (часто в Великобритании), имеют продуманную систему закупки рекламы, грамотно подбирают тарифные планы, создают предысторию проекта. Имеют место случаи, когда хайпы, расширяя свою деятельность, открывают филиалы в стране. Примерами хайп-проектов в РФ являются «Success Factory», «Kryptex», «Tender Expert».

Букс – это сайты, зарабатывающие на кликах, т. е. оплата производится за просмотр рекламируемых сайтов.

Парамайнинг – это добыча цифрового золота при помощи монет, находящихся на балансе кошелька (например, «TOR Corporation»).

Отдельно стоит обратить внимание на криптовалюты. Данный финансовый инструмент является сомнительным, не только потому что сам по себе несет высокие риски, но и масштабно используется для создания финансовых пузырей на базе криптобирж, платформ P2P-переводов и пунктов обмена цифровых монет.

Возникновение криптовалют обусловлено как развитием цифровой экономики и виртуальной торговли, недостатками существующей финансовой системы, так и растущим спросом безопасных способов отмыwania имущества, добытого преступным путем, и облегчением совершения других преступлений.

Криптовалюта – это цифровая (виртуальная) валюта, не имеющая физического выражения.

По мнению таких ученых как П. И. Журило, А. В. Куракин, Д. В. Карпухин, А. Р. Шилина само название «криптовалюта» в корне неверно, необходимо использовать название «криптознаки».

Наиболее распространенной криптовалютой является Биткоин (биткойн, bitcoin, btc).

Биткоин является цифровыми деньгами, по сути некой цифровой записью в компьютерной программе, которая не обеспечена конкретным активом, не имеет под собой реальной валютной, материальной основы. Ценность актива существует только тогда, когда его мало.

Колебания стоимости биткоина происходят за счет истерии вокруг него, большое влияние на стоимость оказывают новости в СМИ. Привлекательность биткоина заключается в возможности легкого заработка.

Можно выделить ряд сходных признаков криптовалют и финансовых пирамид:

- 1) организаторы не регистрируют свою предпринимательскую деятельность;
- 2) отсутствует лицензия на осуществление валютной деятельности;
- 3) отсутствуют офисы и официальные представительства;
- 4) отсутствует документальное подтверждение факта передачи денежных средств;
- 5) криптовалюта ничем не обеспечена;
- 6) рост стоимости имеет исключительно спекулятивный характер;
- 7) агрессивная и навязчивая реклама;
- 8) привлекательность заключается в быстром заработке за счет постоянного роста криптознаков;
- 9) постоянный рост стоимости и резкие обвалы.

Основываясь на сравнительной характеристике, можно сделать вывод, что криптовалюта, имея ряд индивидуальных особенностей, обладает большим количеством признаков финансовой пирамиды.

С целью регламентации данной деятельности в правовом поле РФ Правительством предложена Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. Вместе с тем, Банк России неоднократно высказывался против легализации криптовалют из-за наличия у них признаков финансовых пирамид и предлагал под угрозой штрафа запретить выпуск, обращение и обмен криптовалют, а также организацию этих операций.

В экономической ситуации, сложившейся во втором квартале 2022 г., вопрос государственного регулирования рынка криптовалют приобрел особую актуальность, развернулись дискуссии о возможности признания криптовалют имуществом, легализации майнинга, открытия бирж, осуществления с помощью криптовалют международных платежей.

Полагаем, что развитие криптовалют как финансового инструмента либо как финансового пузыря во многом будет определяться государственным регулированием данной сферы.

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОЙ ИЛИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОЙ ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ
НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЕЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА**

Терешков Н. В.

Уголовная ответственность за осуществление деятельности на территории Российской Федерации (далее – РФ) иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности (ст. 284.1 УК РФ) (далее – нежелательная организация), была введена 3 июня 2015 г. федеральным законом от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Приведенный федеральный закон внес, в том числе, и определенные дополнения в федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», получивший свою известность под названием «Закон Димы Яковлева», в которых содержатся основания и процессуальный порядок признания организации нежелательной (ст. 3.1 и 3.2).

Представленная новелла уголовного законодательства сконструирована с использованием административной преюдиции, при которой ответственность наступает за неоднократное совершение аналогичного административного правонарушения. В случае со ст. 284.1 УК РФ речь идет о двукратном совершении в течение года административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.33 КоАП РФ, ответственность за совершение которого также была установлена названным федеральным законом.

Появление в российском законодательстве института нежелательных организаций и соответствующих мер уголовно-правового и административно-деликтного противодействия ему непосредственно обусловлено необходимостью существования и функционирования эффективной системы защиты основ конституционного строя РФ, ее безопасности и обороноспособности от негативного влияния со стороны таких организаций.

Актуальность существования названных норм в российском законодательстве становится еще более значимой в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины и Республик Донбасса, поскольку в этих условиях наблюдается увеличение активности на территории России деятельности нежелательных организаций.

В настоящее время в Перечне Министерства юстиции РФ содержатся 53 нежелательные организации, среди которых большинство зарегистрированы на территории Соединенных Штатов Америки и Великобритании, с которыми у РФ складываются в современный период достаточно сложные отношения.

Таким образом, криминализация осуществления деятельности нежелательной организации является абсолютно обоснованным, своевременным и эффективным шагом российского законодателя.

Законодательство не содержит понятия иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности. Однако признаки такой организации указаны в ст. 3.1 федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».

Объектом преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере нормального функционирования основ конституционного строя и безопасности государства.

Необходимо заметить, что признаки объективной стороны предикатного административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.33 КоАП РФ и ст. 284.1 УК РФ не являются тождественными, хотя в некоторой части совпадают.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ, составляют действия:

- а) по участию в деятельности нежелательной организации;
- б) по предоставлению или сбору средств либо оказанию финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности нежелательной организации;
- в) по организации деятельности нежелательной организации.

Термин «участие» означает совместную с кем-либо деятельность, вовлеченность в какую-либо деятельность. В рассматриваемом случае в деятельность нежелательной организации.

Под «организацией» понимаются любые действия организационного характера, в частности, созыв участников нежелательной организации, принятие решений управленческого характера и иные действия.

Субъектом рассматриваемого состава преступления является лицо, достигшее 16-летнего возраста. Это положение не только прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 20 УК РФ, но и логически проистекает из положений КоАП РФ, устанавливающей общее правило об административной ответственности для лиц, достигших возраста 16 лет, а также административной преюдиции, предусмотренной для ч. 1 ст. 284.1 УК РФ.

Рассматриваемая статья УК РФ содержит примечание, в соответствии с которым лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности нежелательной организации, либо способствовавшее пресечению деятельности такой организации, для обеспечения которой оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги, и если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Заслуживает внимания тот факт, что примечание, исходя из его буквального толкования, не может быть применено к лицу, которое осуществляет организацию деятельности нежелательной организации.

Анализ уголовного и административного законодательства Республики Беларусь показывает, что оно не содержит норм, устанавливающих уголовную и административную ответственность за аналогичные деяния. Между тем, события августа – сентября 2020 г. продемонстрировали участие иностранных неправительственных организаций в акциях протеста в Республике Беларусь. Так, активную роль в организации массовых беспорядков сыграл телеграмм-

канал «NEXТА», модераторы которого находились на территории Польши, откуда и осуществляли свою подрывную деятельность.

Светлана Тихановская, ставшая лицом протестного движения, покинув Беларусь, нашла прибежище в странах Евросоюза, в том числе, в Литовской Республике.

Примечательно, что в список нежелательных в Российской Федерации организаций под № 13 включен «Международный центр электоральных исследований», зарегистрированный в Литовской Республике.

Закономерно возникает вопрос об ответственности за анализируемые деяния в случае их совершения на территории Республики Беларусь, если такими деяниями причиняется вред интересам Российской Федерации.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 12 УК РФ иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

Учитывая, что Российская Федерация и Республика Беларусь являются субъектами Союзного государства, применение положений ч. 3 ст. 12 УК РФ будет вполне закономерным и логичным в случае совершения на территории Республики Беларусь преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Хохряков М.А.

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-01603-22-01 от 18.01.2022 FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

Пределы судебного разбирательства – одно из общих условий судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции. Значение этого института сложно переоценить – определяя границы и условия изменения обвинения, пределы судебного разбирательства защищают не только права подсудимых, но и гарантируют реализацию назначения уголовного судопроизводства в части защиты от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения лиц, не привлеченных в установленном законом порядке к уголовной ответственности. Важную роль в реализации указанного института играют органы прокуратуры, несмотря на то, что в судебных стадиях уголовного судопроизводства эта обязанность лежит на суде.

Одной из процессуальных гарантий права граждан на справедливое судебное разбирательство является полномочие суда принять решение о возвращении

уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 236 и 237 УПК РФ. В теории институт возвращения дела прокурору рассматривается как механизм нейтрализации негативных последствий нарушений и ошибок, допущенных в ходе предварительного расследования. Такое возвращение допускается только для устранения процессуальных препятствий рассмотрения дела судом. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» такими препятствиями являются:

- 1) нарушения, представляющие собой препятствие для рассмотрения дела, которые суд самостоятельно устранить не может;
- 2) нарушения, повлекшие лишение или стеснение прав участников уголовного судопроизводства, гарантируемых законом;
- 3) нарушения, исключающие возможность постановления обоснованного и законного приговора.

Одним из таких нарушений, влекущих возвращение уголовного дела прокурору, является составление обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления с нарушением требований УПК РФ. Применительно к пределам судебного разбирательства следует различать два вида указанных недостатков:

1. Выявленные недостатки обвинительного заключения (акта, постановления) всегда влекут возвращение судом уголовного дела прокурору. Например, когда допущена ошибка в квалификации деяния или обвинение описано неконкретно, без указания точных признаков вменяемого состава. В данном случае обвиняемый должен иметь возможность вновь ознакомиться со всеми материалами дела, с новым обвинением, чтобы суметь защититься от него.

2. Выявленные недостатки возможно исправить без возвращения уголовного дела прокурору, непосредственно в судебном заседании. Например, если в обвинительном заключении (акте, постановлении) ошибочно указаны отдельные элементы события преступления или имеется противоречие в их описании. В такой ситуации целесообразным видится изменение обвинения без возвращения уголовного дела прокурору в судебном заседании с его отложением. Похожая процедура предусмотрена ст. 301 УПК Республики Беларусь, однако отсутствует в УПК РФ, что может приводить к необоснованному затягиванию судебного разбирательства и нарушению принципа разумного срока судопроизводства. В целях защиты прав обвиняемого при этом предлагается закрепить следующие процессуальные гарантии их соблюдения:

- изменение обвинения возможно только по инициативе стороны обвинения;
- с обязательным составлением письменного акта, вручаемого подсудимому;
- с предоставлением подсудимому разумного времени на подготовку к защите от нового обвинения;
- с предоставлением подсудимому права требования о начале судебного разбирательства с подготовительной части.

Кроме исправления недостатков обвинительного заключения (акта, постановления) крайне важна роль прокурора в обеспечении пределов судебного

разбирательства при возникновении необходимости изменения обвинения в суде на более тяжкое. В соответствии с ч. 2 ст. 252 УПК РФ суд не вправе изменить обвинение, если этим он ухудшает положение подсудимого и нарушает его право на защиту. Возникает вопрос, как достичь назначения уголовного судопроизводства и вынести законный, обоснованный и справедливый приговор, если после направления дела в суд наступили новые, более тяжелые общественно опасные последствия совершенного подсудимым деяния? Или на предварительном расследовании была допущена ошибка в квалификации и изложенные в обвинительном заключении (акте, постановлении) фактические обстоятельства говорят о совершении подсудимым другого, более тяжкого преступления? В данном случае на помощь суду также приходит прокурор.

В соответствии с ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях, если после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. Так, например, постановлением Елабужского городского суда Республики Татарстан от 11 февраля 2014 г. прокурору возвращено уголовное дело в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 111 УК РФ. Ф. органами предварительного следствия обвинялся в угрозе убийством в отношении М. и Г., а также в причинении тяжкого вреда здоровью П. 10 февраля 2013 г. потерпевший П. скончался от внутричерепной травмы с продолжительным коматозным состоянием, то есть после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. В связи с указанным обстоятельством уголовное дело было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Необходимо отметить, что возвращение уголовного дела по указанному основанию возможно только по инициативе стороны, которой, чаще всего, возвращается прокурор.

По собственной инициативе или по инициативе сторон суд может также вернуть уголовное дело прокурору в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (акте, постановлении) свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Речь идет о ситуациях, когда значимые для юридической квалификации фактические обстоятельства дела были установлены на предварительном расследовании, но ошибочно не были учтены в квалификации деяния обвиняемого, приведенной в обвинительном заключении (акте, постановлении), либо были установлены уже в ходе судебного разбирательства. При этом такое возвращение Конституционным Судом Российской Федерации не считается уголовным преследованием, а рассматривается как указание на существо умаляющих права участников уголовного судопроизводства нарушений, которые не могут быть в соответствии со ст. 252 УПК РФ устранены в судебном заседании, чем препятствуют суду в разрешении уголовного дела и вынесении законного, обоснованного и справедливого приговора. Суд в таком случае не вправе давать

новую квалификацию деяния подсудимого, указывать статью Особенной части Уголовного кодекса РФ, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого. Он лишь указывает на обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Правильная квалификация нового, изменившегося деяния – задача прокурора, которому возвращается дело.

Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемое правило о пределах судебного разбирательства является общим условием судебного разбирательства, за реализацию которого отвечает суд, органы прокуратуры в судебном разбирательстве также выступают важными гарантами верховенства права, реализации права потерпевшего на восстановление его прав со стороны государства, обеспечивают повышение авторитета суда и доверие к нему как органу правосудия, обеспечивают самостоятельность и независимость суда, вынесение им законного, обоснованного и справедливого приговора и реализацию возложенной на него Конституцией Российской Федерации функции осуществления правосудия.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: СУЩНОСТЬ И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Худяков А.В.

Органами прокуратуры Республики Беларусь уделяется внимание вопросам надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму в целом, и политическому терроризму в частности. Эффективность принимаемых мер прокурорского реагирования зависит от глубины понимания прокурорскими работниками политико-правовой сущности данного явления, факторов, на него влияющих.

Анализ Закона Республики Беларусь от 03.01.2002 № 77-3 «О борьбе с терроризмом» позволяет выделить ряд его существенных черт: социально-политическое криминальное явление; насилие; дестабилизация общественного порядка; воспрепятствование политической деятельности.

В белорусском законодательстве отсутствует определение «политический терроризм». Специалисты рассматривают данный феномен как особую тактику политической борьбы; противоправный способ борьбы для достижения политических целей. Существуют и иные взгляды. Объединяющим началом для большинства из них выступают понятия «насилие» и «политическое насилие».

С понятием «насилие» связаны и признаки политического терроризма, отражающие его сущность: применение насилия для достижения политических целей; насилие в отношении своих политических оппонентов; дестабилизация деятельности политических структур оппонентов; конспирация как необходимое условие существования террористической организации; циничное пренебрежение нормами гуманизма и права.

Заложив в основу классификации характер субъектов террористической деятельности и политическую мотивацию совершаемых ими акций, выделяют

такие виды феномена, как националистический, сепаратистский, этнический, религиозный, оппозиционный, революционный, другие.

Методы, которые используют террористы, можно объединить в несколько групп: физическое устранение и психологическое давление на политических оппонентов; воздействие на материальную базу для дестабилизации политической обстановки и принуждения принятия выгодных для них решений. Необходимо выделить еще один важный аспект – организационный, предполагающий создание иерархической или сетевой структуры, вербовку adeptов, придание их деятельности террористической направленности.

В достижении своих политических целей террористы, как правило, применяют убийства (массовые и индивидуальные); захват заложников (для предъявления политических и экономических требований); захват и удержание территорий суверенных государств. Они могут применять традиционные и нетрадиционные виды оружия, использовать разнообразные способы шантажа.

Нередки случаи, когда террористические организации извлекают выгоду из участия в транснациональной организованной преступной деятельности. Для достижения своих целей они используют возможности финансового и IT сектора, неправительственных организаций. Ряд террористических организаций наряду с боевым стремятся создать и политическое «крыло», тем самым выйти из «подполья» и обрести официальный статус. С этой целью создаются партии и общественные организации для участия в политической жизни государства.

В научной литературе понятие «политический терроризм» нередко смешивают с «политическим экстремизмом». Данные понятия не являются идентичными, хотя между явлениями существует тесная связь: политический терроризм выступает как форма проявления политического экстремизма, а политический экстремизм составляет основное содержание политического терроризма. Разграничение этих понятий позволяет соотнести между собой следующие виды политического насилия: геноцид, фашизм и политический терроризм. Характер связи с государством и степень собственной институционализации дает основание рассматривать их как взаимосвязанные, но самостоятельные формы политического экстремизма.

Политический терроризм в отличие от фашизма, является силой, не имеющей временной, национальной, территориальной или социальной локализации. Фашизм как идеология в процессе воплощения в жизнь своих принципов опирается на терроризм и террор. К категории определяющих признаков фашизма относятся абсолютный культ государства; признание террористической войны как необходимого условия существования нации и государства; крайний национализм (шовинизм) и расовая нетерпимость.

Политический терроризм и геноцид отличаются по цели и масштабу. Если при политическом терроре уничтожение противников является средством достижения цели, то при геноциде – целью. Геноцид отличается масштабностью преступления по охвату территории и числу лиц, причастных к нему. Геноцид представляет собой форму насилия, совершенное с намерением уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу.

В Республики Беларусь установлена уголовная ответственность за геноцид и терроризм. Целесообразно особо выделить фашизм как крайнюю и опасную форму экстремизма и дать на законодательном уровне его определение, чтобы

партии, общественные объединения и отдельные лица, пропагандирующие подобные идеи, могли привлекаться к более серьезной ответственности.

Раскрытые сущностные стороны политического терроризма направлены на правильную организацию и эффективное проведение органами прокуратуры комплексных надзорных проверок за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

Для координации деятельности субъектов противодействия терроризму, а также подготовки предложений по совершенствованию системы обеспечения законности в данной сфере, кроме правового мониторинга террористических угроз, органами прокуратуры должны осуществляться и прогностические мероприятия. Возникновение политического терроризма обусловлено рядом факторов: экономическими, политическими, этническими, религиозными, историческими. В каждом отдельном случае любой из факторов может стать главенствующим, остальные – дополняющими. Это затрудняет применение традиционных методов прогнозирования и требует иного подхода.

В качестве такового может быть использован циклический метод. В его рамках политический терроризм рассматривается как элемент социально-политического процесса, так и отдельный институт.

Модель жизненного цикла террористической организации включает четыре этапа. В рамках первого возникновение социального недовольства в обществе приводит к образованию группы единомышленников, которые рассматривают происходящие события через конфронтационную когнитивную схему: «мы – они». На втором этапе формируется организационная структура, определяются цели и задачи, вырабатывается идеология. В рамках третьего этапа члены организации разрабатывают методы быстрой мобилизации сторонников, занимаются поиском финансирования, проводят практические мероприятия. Четвертый этап предполагает завершение жизненного цикла организации (разочарование или ликвидация ее членов).

Деятельность организации, практикующей политический экстремизм, коррелирует с политическим циклом, включающим несколько фаз: подъем в предвыборный период – ажиотаж (во время выборов) – постепенный спад на протяжении определенного промежутка времени после выборов – депрессия (почти полное отсутствие после выборов политической активности).

Наибольшая активность экстремистских организаций приходится на первую и, особенно, на вторую фазу цикла. При должной поддержке внешних и внутренних сил, незаинтересованных в динамичном развитии государства, они могут дестабилизировать ситуацию в стране, а также прийти к власти.

Анализ политического терроризма как уголовно наказуемого деяния позволяет в его исторической повторяемости увидеть элементы цикличности, коррелирующей с изменениями внутренней политики, проводимой в стране.

Консервативная политика сопровождается ужесточением наказания лиц, преступивших закон, и усилением контроля поведения населения, что является сдерживающим фактором проявления у него девиантного поведения.

Либеральная политика сопровождается ослаблением контроля со стороны государства, способствует росту нарушений установленного законом порядка. Чередование правительственных курсов и обуславливает циклические изменения динамики преступности. Важное место отводится учету позитивных и негативных моментов в циклической динамике. Выход на пик числа актов

политического терроризма является показателем необходимости внесения в уголовное законодательство прогрессивных изменений. В момент нахождения изменений в циклической динамике преступности на максимально низком уровне, как правило, охранительное законодательство находится в стадии «устаревания» его норм.

Таким образом, проведен политико-правовой анализ политического терроризма. Даны его сущностные характеристики, определены факторы, влияющие на его развитие, общее и различное с геноцидом и фашизмом. В рамках циклической концепции политический терроризм рассмотрен как самостоятельное политико-правовое явление, и рамках различных общественно-политических процессов.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Челядинский С.А.

Широкое распространение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) способствовало запуску процессов глубинной трансформации всех сфер общественной жизни, но не только в созидательном направлении. В настоящее время в качестве основных внутренних и внешних угроз политической системе Республики Беларусь можно выделить деструктивное информационное воздействие на личность, общество и государственные институты, наносящее ущерб национальным интересам, которое может проявляться в любой форме.

Одним из негативных последствий развития ИКТ стало использование возможностей информационного пространства для осуществления деструктивной деятельности. Совокупность форм активности террористических и экстремистских организаций в информационном пространстве была обозначена как «информационный терроризм», определение которого закреплено еще в Соглашении между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г., согласно которому он определяется как *использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в террористических целях*. В данной дефиниции выделяются 2 составные части: а) использование информационных ресурсов в террористических целях; б) воздействие на информационные ресурсы в этих же целях. Учитывая, что Республика Беларусь является участницей основных региональных международных межгосударственных организаций (СНГ – 1991 г., Союзное государство – 1996 г., ОДКБ – 2002 г., ШОС в качестве наблюдателя с 2009 г.) особую актуальность приобретают направления противодействия использования ИКТ в экстремистских целях. Как отмечал Н. П. Патрушев: «Актуальными направлениями деятельности ШОС продолжают оставаться противодействие терроризму и экстремизму, трансграничной организованной

преступности, преступлениям с использованием ИКТ, совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми».

Раскрывая сущность понятия ИКТ, хотелось бы обратить внимание на различные подходы к этому определению.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30.09.2010 № 515 (ред. от 18.09.2019) «О некоторых мерах по развитию сети передачи данных в Республике Беларусь» под ИКТ понимается *совокупность информационных технологий и технологий электросвязи, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, распространение, отображение и использование информации в интересах ее пользователей*. Вместе с тем Договор о Евразийском экономическом союзе предлагает следующее определение ИКТ – *совокупность методов и средств реализации информационных технологий и телекоммуникационных процессов*. В постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 40-15 «О модельном законе «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования» отражено определение ИКТ. В Соглашении о сотрудничестве государств-участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности» ИКТ – *информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации*.

Большинство западных специалистов определяют ИКТ как инфраструктуру и компоненты, обеспечивающие современные вычисления. Описывая ИКТ как систему, они включают в ИКТ как устаревшие (проводной телефон, обычное телевидение), так и современные технологии (искусственный интеллект, нейросети): облачные технологии, цифровые данные, цифровые транзакции, программное обеспечение, аппаратное обеспечение, доступ в Интернет.

Нельзя не согласиться с мнением Д. Тюрина о том, что 90 % мирового рынка ИТ услуг занимают именно американские корпорации такие, как Microsoft, Apple, Google, Intel.

Из приведенных определений ИКТ можно выделить их суть – работа с информацией.

По мнению И. Ю. Сундиева основными видами ИКТ, используемыми в экстремистской деятельности являются:

- СМИ (электронные издания, радио и телевидение);
- Интернет-ресурсы (сайты, хостинги аудио, видео, фото и текстовой информации, социальные сети и т. д.);
- средства мобильной связи (мобильные телефоны, планшеты, радиостанции и т. д.);
- навигационные аппаратно-программные приборы (квадрокоптеры, оснащенные GPS-приёмниками т. д.)

Приведенный перечень не является исчерпывающим и будет расширяться по мере научно-технического прогресса в сфере ИКТ.

Использование разобщенности законодательства государств в области международного «компьютерного права» представляет собой удобный способ уклонения лиц от ответственности. Другими словами, если в одной стране размещенный на Интернет-ресурсе материал будет признан экстремистским и подлежит блокированию, это еще не значит, что власти другого государства окажут содействие в приостановлении его деятельности.

В связи с принятием в 2022 г. Закона Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) был дополнен ст. 130² «Отрицание геноцида белорусского народа». Необходимо отметить, что диспозиция данной статьи является первой попыткой белорусского законодателя помимо совершения преступления посредством использования сети Интернет в качестве средства совершения преступления включить *иную сеть электросвязи общего пользования или выделенную сеть электросвязи*.

Под сетью электросвязи общего пользования понимается комплекс взаимодействующих сетей электросвязи, предназначенный для оказания услуг электросвязи всем пользователям услуг электросвязи, в том числе по распространению программ телевизионного вещания и радиовещания (ч. 2 ст. 34 Закона Республики Беларусь «Об электросвязи»). Сеть электросвязи общего пользования предназначена для возмездного оказания услуг электросвязи любому пользователю услуг электросвязи на территории Республики Беларусь (ч. 1 ст. 34 Закона Республики Беларусь «Об электросвязи»). Выделенная сеть электросвязи – технологическая система, включающая в себя средства электросвязи и линии электросвязи, предназначенная для возмездного оказания услуг ограниченному кругу пользователей или группам таких пользователей. Оказание услуг связи операторами выделенной сети электросвязи осуществляется на основании лицензии в пределах предусмотренной ими территории с использованием присвоенной ей нумерации.

В Уголовном кодексе Российской Федерации используется термин «информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»)». В соответствии с постановлением Межпарламентской ассамблеи СНГ № 34-7 «О модельном законе «Об электронных государственных услугах» информационно-телекоммуникационная (информационно-коммуникационная) сеть – это система передачи данных, предназначенная для передачи информации, доступ к которой осуществляется с использованием компьютерных и иных информационных устройств.

На основании вышеизложенного следует констатировать наличие следующих проблем в организации эффективной системы противодействия использованию ИКТ в деструктивных (экстремистских) целях.

1. Отсутствие универсального международного правового акта (договора, пакта, конвенции, правила), регламентирующего не только нормы ответственного поведения государств в информационном пространстве, но и взаимодействие государств в сфере противодействия экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационном пространстве. Попытки международного правового регулирования указанной сферы были в рамках ШОС, СНГ, ОДКБ.

2. Исходя из многогранности спектра возможностей ИКТ, существует острая необходимость своевременного совершенствования национального законодательства в обозначенном сегменте и, прежде всего, уголовного.

3. Отсутствие единого органа, на который полностью возложена функция мониторинга информационно-коммуникационного пространства (подобные подразделения есть в большинстве силовых ведомств, но механизмы их взаимодействия и координации не отлажены). В этой связи предлагается проанализировать опыт Российской Федерации на примере деятельности

Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации (Роскомнадзора). Необходимо отметить, что отчасти указанную функцию в Республике Беларусь выполняют Оперативно-аналитический центр и Минсвязи Республики Беларусь.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Чернолевский А.Ю.

Складывающаяся вокруг Республики Беларусь внешнеполитическая обстановка вследствие реализации конструктивного потенциала стратегического партнерства с Российской Федерацией, современные международно-правовые реалии, при которых беспрецедентное санкционное давление осуществляется без каких-либо попыток разбирательства по фактам, ставшим поводом для введения таких санкций, и принимаемые ответные меры по совершенствованию государственного управления в области национальной безопасности Беларуси, значительно усложнили и сделали крайне динамичными процессы в нормотворческой деятельности.

Очевидная потребность любого независимого государства по обеспечению национальных интересов (как совокупности потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие) обуславливает в качестве одной из основных задач компетентных государственных органов разработку и своевременное приведение нормативной правовой базы в соответствие с реальной обстановкой в мире и стране.

Экономическая безопасность — один из наиболее важных элементов национальной безопасности, способный обеспечить экономическую независимость страны в условиях внешних и внутренних угроз, готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержание социально-политической стабильности общества.

В действующей более десяти лет редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее — Концепция), под экономической безопасностью понимается состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, при этом устойчивое экономическое развитие справедливо определено в качестве стратегического национального интереса.

На сегодняшний день в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь», иными законодательными актами и научными исследованиями в области обеспечения национальной безопасности органы

финансовых расследований (далее – ОФР) являются государственными правоохранительными органами, обеспечивающими экономическую безопасность Республики Беларусь, и составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Приоритетной задачей ОФР определено противодействие правонарушениям в экономической сфере.

Основываясь на общих подходах к условиям создания эффективной системы национальной безопасности и критериям, на основании которых осуществляется распределение компетенции органов (субъектов) системы обеспечения национальной безопасности, изложенных в работах М.В. Мясникова, С.А. Трахимёнка, С.Н. Князева, С.Е. Метелёва, В.Г. Шумилова, можно отметить, что деятельность по обеспечению экономической безопасности осуществлялась на основе специализации, то есть в условиях наличия специализированного государственного органа, отвечающего за противодействие правонарушениям в экономической сфере. Соответственно необходимость организации противодействия возникающим угрозам экономической безопасности требует от ОФР инициативной деятельности в сфере нормотворчества, направленной на урегулирование индивидуально определенных полномочий работников ОФР, позволяющих им обеспечить национальную безопасность в подведомственной сфере.

Это обуславливает ту роль, которую ОФР играли в реализации общегосударственных нормотворческих инициатив по подготовке и совершенствованию в 2020–2022 гг. уголовного, уголовно-процессуального и административно-деликтного законодательства, а также документов стратегического планирования, направленных на обеспечение национальной безопасности.

Как отмечает белорусский исследователь А. В. Денисевич, наиболее активно занимающийся в настоящее время тематикой правовой защиты национальных экономических интересов, в основе управления системой защиты национальных экономических интересов находятся, прежде всего, создание нормативно-правовой базы, разработка соответствующих концепций, стратегий и программ, необходимых для эффективного функционирования системы [1].

С точки зрения как белорусских, так и российских исследователей в сфере обеспечения национальной безопасности те усилия, которые были сосредоточены Комитетом государственного контроля (далее – КГК) в целом и ОФР в частности на совершенствовании законодательства, можно причислить к мерам обеспечения национальной безопасности общего характера, относящимся к группе правовых мер, призванных создавать условия для эффективного действия структур, обеспечивающих национальную безопасность [2, с. 156; 3, с. 333–338].

В истекшем 2021 г. в части, непосредственно затрагивающей компетенцию ОФР, кардинально изменено административно-деликтное законодательство, существенно скорректировано уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

По состоянию на 19.06.2021 компетенция ОФР как органа дознания расширена такими составами, как «Коммерческий подкуп», «Уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов», «Налоговое мошенничество», «Уклонение от уплаты страховых взносов» (три последних из перечисленных составов введены впервые). Также

к компетенции ОФР как органа дознания отнесены при условии выявления в экономической сфере при выполнении возложенных на ОФР задач такие составы, как «Мошенничество», «Присвоение либо растрата», «Причинение имущественного ущерба без признаков хищения», «Служебный подлог», «Служебная халатность», «Незаконное вознаграждение». Существенно модифицирован состав уклонения от уплаты налогов, сборов.

Кроме того, в качестве позитивного примера оперативного реагирования на возникающие вызовы и угрозы средствами нормотворчества хотелось бы привести пример по совершенствованию законодательства, регламентирующего поступление в Беларусь иностранной безвозмездной помощи. Данная тема находилась в зоне особого внимания КГК в связи с наличием потенциального риска финансирования деструктивной деятельности путем как прямых выплат за участие в несанкционированных мероприятиях, так и выплат под видом компенсации уплаченных штрафов.

В результате реализации нормотворческих инициатив КГК, поддержанных органами прокуратуры и судами, регулятором был создан эффективный механизм противодействия поступлению и расходованию иностранной безвозмездной помощи на указанные цели.

В то же время мы знаем, что принятые нормативные меры не являются исчерпывающими. И прежде всего корректировки требует сама Концепция. Тем более, что дополнительный импульс деятельности по ее переработке придало вступление в силу изменений и дополнений в Конституцию Беларуси, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., и в частности закрепление в ст. 89³ полномочий Всебелорусского народного собрания по утверждению этого стратегического документа.

Так, в разделе III «Состояние и угрозы национальной безопасности» Концепции в качестве основных потенциальных либо реально существующих угроз указаны рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления.

При этом рост преступных и иных противоправных посягательств против порядка осуществления экономической деятельности не отнесен к числу потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности. Не упоминаются противоправные проявления и негативные тенденции в экономической сфере также при описании внутренних источников угроз национальной безопасности.

Кроме этого, по нашему мнению, расширение масштабов трансграничной преступности, деятельность транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок являются внешней угрозой национальной безопасности не только в связи с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и социальные права белорусских граждан (п. 40 Концепции), но и на порядок осуществления экономической деятельности.

Как уже отмечалось, в соответствии с законодательством, определяющим их правовой статус, ОФР являются государственными правоохранительными органами, обеспечивающими экономическую безопасность Беларуси посредством противодействия правонарушениям в экономической сфере.

При этом в Концепции к угрозам национальной безопасности в экономической сфере отнесены угрозы, нейтрализация которых возложена

в основном на другие государственные органы (Совет Министров, Национальный банк и др.).

На основании изложенного полагаем целесообразным при разработке новой Концепции в качестве потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности определить в том числе рост преступных и иных противоправных посягательств против порядка осуществления экономической деятельности и в дальнейшем конкретизировать указанный тезис при раскрытии внутренних и внешних источников угроз.

Приведенные примеры действенного реагирования средствами нормотворчества на возникающие вызовы и угрозы экономической безопасности являются наиболее яркими, но далеко не исчерпывающими. Департаментом финансовых расследований КГК данная работа ведется на системной основе и позволяет эффективно решать поставленные перед ОФР законодательными актами и Главой государства задачи.

Список цитированных источников

1. Денисевич, А. В. Теоретические основы управления системой защиты национальных экономических интересов и установления компетенции ее субъектов / А. В. Денисевич // Проблемы управления. – 2018. – № 4. – С. 127–132.

2. Мясникович, М. В. Национальная безопасность: современное состояние и перспективы / М. В. Мясникович, П. Г. Никитенко, В. В. Пузиков. – Минск : Право и экономика, 2003. – 562 с.

3. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Ю. И. Авдеев [и др.] ; под ред. А. В. Опалева. – М. : Юнити-Дана, 2004. – 511 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Шаркова Е.А.

В криминологической теории понятие «механизм преступного поведения» используется при изучении детерминации и генезиса индивидуального поведения лица, совершающего преступление, и должен рассматриваться с учетом особенностей его психики. Механизм преступного поведения – это взаимосвязь и взаимодействие объективной действительности и внутренних психических процессов субъекта преступления.

Поведение конкретного человека основано на совокупности индивидуальных качеств его личности, которые при определенной жизненной ситуации определяют поступки. Механизм законопослушного поведения может содержать те же психологические элементы, что и механизм преступного поведения, но с иным социальным содержанием. Тем не менее пока в действиях субъекта не будет признаков состава преступления, его деяние нельзя считать преступным.

Преступное поведение, завершающееся преступлением, имеет асоциальное наполнение, оно часто становится результатом неблагоприятных внешних обстоятельств и негативных свойств личности. В противоправном поведении

доминирующую роль начинают играть отрицательные эмоции, отличающиеся злобой, ненавистью, жестокостью и агрессивностью. Окружение и условия формирования личности влияют на социальное поведение индивида, развитие которого в значительной степени зависит от уровня полученного образования, а также от существующих в обществе обычаев, моральных принципов, национальной культуры.

Взаимодействие различных психологических процессов в личности способствует появлению конкретных намерений. Сложившаяся ситуация, порождая мотивы, вызывает ту или иную реакцию, лишь преломляясь через психику. И чем опаснее характер ситуации, тем сложнее механизм поведения. Здесь решающее значение, безусловно, принадлежит системе взглядов и стремлений человека, его внутренним убеждениям. Механизм преднамеренного преступления состоит из трех этапов: мотивации преступления; планирования преступления; исполнения преступления.

Бывают в некоторых случаях ситуации, когда внешние условия способствуют совершению преступления. Сложившаяся ситуация может оказаться решающим поводом при совершении преступления по неосторожности, поэтому надо тщательно проанализировать возникшую ситуацию, которая в виде событий сама вызывает у человека намерение совершить противоправное деяние. Если законопослушный и порядочный гражданин действовал преступно, значит ситуация не дала ему возможность выбора другого варианта поведения. Однако, по нашему мнению, конкретная жизненная ситуация может быть отнесена лишь к внешним факторам, которые случайно поспособствовали преступлению.

Следует сказать, что общей причиной для всех преступлений является внутренняя криминогенная мотивация личности, опирающаяся на приобретенную антиобщественную установку. Совершение преступления эта криминализованная личность рассматривает как процесс осуществления задуманного желания, использование подходящей ситуации. Но даже самая кризисная ситуация не обязательно приводит к совершению преступления. Решающая роль в совершении преступления принадлежит самому человеку, действия которого являются определенной формой выражения его внутреннего мира. Человек для достижения какой-то цели выбирает свой способ действий, который бывает легальным или нелегальным (нарушающим закон). Поведенческие решения, приводящие к реализации преступного поведения для достижения цели, как и при совершении общественно законных поступков, всегда отражают объективную действительность, в которой существует член общества.

Большое значение при исследовании условий формирования преступной личности приобретает изучение так называемого «жизненного пути». Механизм преступного поведения основан на том, что наиболее важные события жизни оказывают огромное влияние на развитие и формирование личности. Сам процесс совершения преступления (как действие механизма преступного поведения) предусматривает реализацию принятого человеком решения, которое приобретает юридическую значимость как соответствующий поведенческий акт, основанный на сложившемся характере и образе жизни.

При криминологическом анализе причин совершения преступления важно учитывать роль социально-психологического механизма поведения личности, представляющего собой совокупность приобретенных и наследственных

свойств, обуславливающих последовательность действий и продуманность их вариантов, из которых выбирается наиболее предпочтительный. Этот механизм чрезвычайно сложен, он затрагивает всю палитру качеств и особенностей личности, проявляющихся в его реакциях на окружающую среду.

Разнообразие человеческой деятельности предопределяет множество типов взаимодействия человека с внешним миром. Чтобы выявить суть преступного поведения, являющегося следствием взаимосвязи субъективных и объективных процессов, необходимо выделить составляющие элементы механизма преступного поведения, главным здесь считаются воля и мотивация.

Воля человека – важнейший элемент механизма индивидуального поведения. Воля определяется как сознательное регулирование лицом своих поступков, требующих преодоления внутренних и внешних трудностей. Воля как элемент механизма преступного поведения дает возможность субъекту осуществить мотивационный выбор, который проявляется в формировании конкретной цели и поиске средств ее осуществления.

По сравнению с волей, другой элемент механизма преступного поведения – мотивация – зависит от вида совершенного преступления. В умышленных преступлениях мотив изначально доминирует: преступник действует осознанно, понимая общественную опасность своих деяний и их последствий, а удовлетворение мотива, противостоящего воле индивида, реализуется только применительно к создавшейся жизненной ситуации.

Таким образом, на базе социологических, психологических и криминологических исследований развиваются различные концепции причин преступности, механизмов преступного поведения; научные взгляды на преступность в нашем мире постоянно обособываются и систематизируются. Полного устранения преступности добиться очень сложно, так как общественная жизнь слишком переменчива, появляется много новых видов преступлений, и порой сами преступники не считают свои асоциальные поступки правонарушением, а большинство совершает деликт, не думая о возможных последствиях, полагая, что их не изболчат. На каждом этапе развития общественных отношений создаются свои средства минимизации преступных действий и принимаются меры предупреждения преступности. Основная деятельность криминологов состоит в анализе происходящих в социуме процессов и предложении эффективных способов профилактики криминализации общества, приводящих к оптимизации уголовного законодательства. Для криминологической науки существует актуальная необходимость постоянно изучать причины новых видов преступлений и механизмов их совершения.

В заключении можно сформулировать следующие выводы:

1. Любое преступление определяется его первоначальной мотивацией, т.е. преступному деянию предшествует этот элемент механизма преступного поведения, формирующий субъективное определенное намерение.

2. На взаимодействие элементов механизма преступного поведения, приводящего к совершению конкретного преступления, оказывают влияние различные внутренние и внешние факторы, поэтому любое преступление является результатом индивидуального человеческого поведения.

3. Совершение преступления надо рассматривать как результат взаимодействия личности и сложившейся ситуации, потому что преступное поведение прямо зависит от личности преступника, которая развивается

в определенной социальной среде на основе специфических психофизических данных индивида, наследственных задатков.

4. Глубокое и всестороннее изучение механизма индивидуального преступного поведения поможет выработать действенные меры по предупреждению преступности. Для криминологов важной задачей является не только исследование возникших причин и условий преступного поведения, но и прогнозирование будущих возможных видов преступной деятельности.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УЧЕТА МНЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ОЦЕНКЕ СУЩЕСТВЕННОСТИ ВРЕДА ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ И ПРОТИВ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Шпак С.В.

Одним из наиболее актуальных вопросов уголовного правоприменения остается определение существенности вреда, причиняемого правам и законным интересам граждан, в качестве криминообразующего признака злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), их превышения (ч. 2 ст. 426 УК), бездействия власти (ст. 425 УК), воинских злоупотребления властью, превышения власти либо бездействия власти (ст. 455 УК). Проблема заключается в крайне субъективном характере данного признака, отсутствии единых подходов к вопросу об определении существенности вреда как в законодательстве и правовой доктрине, так и у органов правоприменения.

В отсутствие значимой законодательной регламентации общие критерии к отграничению существенного вреда от несущественного (в уголовно-правовом понимании) закреплены в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – постановление Пленума № 12), в соответствии с которым при решении вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, существенным, нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п.

Существенный вред, как отражено в вышеуказанном постановлении, может выражаться, в частности, в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка.

Конкретизируя закрепленные постановлением Пленума № 12 положения, В.В. Хомич считает, что существенный вред, помимо прочего, может выражаться в:

– значимом для гражданина нарушении конституционных прав и свобод на получение достоверной информации, свободное и беспрепятственное

передвижение, выбор места жительства, работы, охрану здоровья, свободу выражения взглядов и т. д.;

– причинении морального вреда, возмещение которого оценивается в двести пятьдесят и более базовых величин.

Понятие «нарушение конституционных прав и свобод граждан» является максимально общей категорией. Конституция Республики Беларусь – Основной Закон страны, закрепляет базисные основы правового статуса личности практически во всех областях жизнедеятельности. В связи с этим фактически любое нарушение прав, свобод или законных интересов граждан справедливо может интерпретироваться в качестве нарушения конституционности таковых.

Например, как в том числе отмечается С. К. Хмаруком и Ю. А. Никитиным, право на труд и получение справедливой доли вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением гарантировано гражданам Конституцией Республики Беларусь и законодательством о труде. Следовательно, формально незаконное удержание нанимателем из зарплаты работника денежных средств (в любом размере) является нарушением его конституционных прав и свобод, что относится к существенному вреду по разъяснениям постановления Пленума № 12.

Вышеназванные авторы, а также К. С. Захилько считают, что количественная характеристика существенного вреда должна связываться с понятием малозначительности деяния. В частности, применительно к имуществу граждан ущерб, в 10 и более раз превышающий размер базовой величины, можно характеризовать как существенный вред. Предложения о закреплении на законодательном уровне количественной характеристики существенного вреда, выраженного в денежной форме, поступали и ранее, однако до настоящего времени поддержки не нашли.

Полагаем, что позиция по определению в фиксированном выражении порогового значения размера имущественного вреда, который должен считаться существенным, является спорной.

Так, восприятие одной и той же суммы денежных средств, как правило, имеет прямую корреляцию с уровнем доходов потерпевшего. Чем выше уровень доходов такого лица, тем менее существенным субъективно воспринимается вред его правам и законным интересам, причиненный в результате правонарушений должностного лица, повлекших лишение потерпевшего части дохода.

Подобный посыл использовался ранее судебным корпусом при попытке дать определение оценочному понятию «значительный ущерб» по уголовным делам о хищениях имущества физических лиц. В частности, в соответствии с п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 июня 1994 г. № 3 «О применении судами законодательства по делам о хищении имущества» при решении вопроса о квалификации действий виновного по признаку причинения похищением значительного ущерба гражданину судьям предписывалось иметь в виду, что по смыслу закона значительный ущерб предполагает такие последствия, которые существенно влияют на материальное положение потерпевшего в целом.

По этой причине видится затруднительным и нецелесообразным закрепление в законодательстве конкретного порогового значения размера имущественного, а также морального вреда в уголовно-правовом понимании существенного вреда правам и законным интересам граждан.

Аналогично потерпевшими по-разному воспринимается общественная опасность противоправного посягательства на их права и законные интересы в результате, например, необоснованного привлечения к административной ответственности за правонарушения, которые ими не совершались.

По этой причине считаем, что при решении вопроса о существенности вреда, причиненного правам и законным интересам граждан, подлежит включению в число критериев оценки мнение потерпевшей стороны о том, является ли для потерпевшего такой вред существенным. При этом в данном контексте существенность вреда для потерпевшего должна быть синонимичной значимости.

Вместе с тем абсолютно убеждены, что мнение потерпевшей стороны в данном вопросе не должно являться определяющим критерием для констатации факта наличия либо отсутствия признаков преступлений, предусмотренных ст. 424–426, 455 УК, в действиях виновных должностных лиц.

Во-первых, при формировании и изложении потерпевшей стороной органу уголовного преследования своего мнения относительно существенности вреда, причиненного правам и законным интересам, затруднительным является исключение противоправного воздействия на потерпевшего. Такое незаконное воздействие может выражаться в подкупе, угрозах, ином принуждении со стороны как самого виновного лица, так и со стороны третьих лиц.

Во-вторых, не исключено умышленное искажение потерпевшим реального отношения к противоправному деянию и в отсутствие вышеуказанного негативного воздействия извне. Причиной этому могут являться, например, мотивы, не имеющие низменного характера, – чувство жалости, сострадания и т. д.

В-третьих, потерпевший может добросовестно заблуждаться относительно существенности вреда, причиненного его правам и законным интересам.

Обоснованность приведенного выше довода относительно необходимости учета мнения потерпевшего о существенности вреда, причиненного его правам и законным интересам, подтверждается следственно-судебной практикой.

Так, в научной литературе приводится пример оправдательного приговора в отношении сотрудника милиции И., который обвинялся в злоупотреблении служебными полномочиями, выразившемся в незаконном получении у оператора сотовой связи сведений о телефонных соединениях абонентского номера, находившегося в пользовании бывшей жены фигуранта. Принимая решение о невиновности И., суд принял во внимание в том числе показания потерпевшей, которая считала, что действиями обвиняемого существенный вред ее правам и законным интересам не причинен.

В связи с изложенным считаем необходимым конкретизировать общие универсальные критерии ограничения существенного вреда от незначительного применительно к преступлениям против интересов службы и против воинской службы путем дополнения существующего механизма, закрепленного в п. 20 постановления Пленума № 12, нормой следующего содержания: «Решая вопрос о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан, существенным, судам необходимо учитывать мнение потерпевшего».

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ И ИНЫХ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Белокопытов В.В.

Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера является в современных условиях важнейшей частью обеспечения национальной безопасности государства.

Определение чрезвычайной ситуации дается в абзаце 2 ст.1 Закона Республики Беларусь «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Опасных природных явлений, стихийных бедствий, а также крупных техногенных аварий и катастроф, которые являются источниками событий чрезвычайного характера, в основном, удавалось избежать.

Вместе с тем события, произошедшие в прошлом году в социально-политической сфере, а также стремительное распространение пандемии COVID-19 явились новыми вызовами, потребовавшими, можно сказать, переосмысления общенадзорной деятельности органов прокуратуры.

Прокурорский надзор в рассматриваемой сфере правоотношений осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (ст. 26) и приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 января 2013 г. № 2 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства».

Немаловажное значение имеют требования Директивы Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. №1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины», а также других нормативных правовых актов, регулирующих вопросы безопасности жизнедеятельности человека.

Следует отметить, что предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций осуществляется посредством Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Значительная роль в указанной деятельности отводится Министерству по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (далее – МЧС) и его структурам на местах.

Помимо МЧС ликвидацию чрезвычайных ситуаций осуществляют:

- подразделения по чрезвычайным ситуациям (опорных пунктов ликвидации чрезвычайных ситуаций);
- территориальные и объектовые гражданские формирования гражданской обороны;
- организации здравоохранения и медицинские формирования, предназначенные для оказания медицинской помощи населению, пострадавшему при чрезвычайных ситуациях;
- организации ветеринарной службы и станции защиты растений Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь;

– аварийно-спасательные службы республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, создающих отраслевые подсистемы ГСЧС;

– территориальные и объектовые аварийно-спасательные службы;

– специализированные подразделения, создаваемые на базе объединений, организаций строительного комплекса.

Решениями руководителей организаций могут создаваться нештатные аварийно-спасательные службы, предназначенные для ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Составляющей надзорной и контрольной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера является учет особо опасных и опасных объектов, условно уязвимых в диверсионном отношении, который осуществляет Республиканский центр управления и реагирования на чрезвычайные ситуации при МЧС.

Деятельность указанных выше учреждений и организаций находится под пристальным надзором Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров.

Основная цель надзорной деятельности органов прокуратуры в указанной сфере – предупреждение чрезвычайных ситуаций и иных кризисных ситуаций, профилактика и устранение причин и условий возникновения данных ситуаций, обеспечение неотвратимости ответственности в случае нарушения установленных запретов и ограничений.

Рассматривая роль органов прокуратуры в предупреждении указанных явлений, следует обратить внимание на то, что прокурор наделен полномочиями как непосредственно провести проверку исполнения законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, так и проверить деятельность органов и организаций, входящих в Государственную систему предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Указанная деятельность осуществляется на регулярной (плановой и внеплановой) основе, что обеспечивает необходимые результаты.

Подробнее следует остановиться на деятельности органов прокуратуры, направленной на преодоление последствий пандемии и других вызовов современности.

Так, стремительное распространение COVID-19 потребовало с одной стороны принятия значительного количества нормативных правовых актов, регулирующих деятельность юридических и физических лиц в условиях пандемии, с другой стороны – усиление прокурорского надзора за их исполнением.

В связи со сложной эпидемиологической ситуацией в мире и Республике Беларусь органы власти приняли комплекс административных и санитарно-противоэпидемических мер. Они направлены на предотвращение распространения, локализацию и ликвидацию инфекционных и (или) массовых неинфекционных заболеваний, в том числе коронавирусной инфекции (COVID-19); предусматривают особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, а также перемещения транспортных средств, товаров, грузов и животных.

Наряду с установлением соответствующих запретов и ограничений Главой государства также приняты меры по поддержке экономики в условиях пандемии (например, Указ Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2020 г. № 143 «О поддержке экономики»).

Эффективность работы государственного аппарата в этом направлении можно показать на одном примере. С началом пандемии на уровне Правительства было принято решение об осуществлении в кратчайший срок разработки, согласования и принятия (издания) нормативных правовых актов, противодействующих распространению коронавирусной инфекции. В этой связи, например, криминалогическая экспертиза проектов указанных актов в государственном учреждении «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» проводилась в 2020-2021 гг. не позднее рабочего дня, следующего за днем получения проекта.

Надзор за реализацией законодательства в сфере обеспечения безопасности граждан на современном этапе является приоритетной задачей прокуратуры. При этом только по вопросам исполнения Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» ежегодно прокурорами проводится свыше 1 000 проверок, выносятся около 6 000 актов надзора.

В целях решения возложенных задач прокуроры обеспечивают надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов государственными организациями, общественными объединениями и другими организациями, должностными лицами и гражданами.

Сотрудники органов прокуратуры:

- организуют и проводят проверки исполнения законодательства;
- рассматривают обращения граждан и субъектов хозяйствования, а также информацию должностных лиц органов государственного управления;
- принимают меры к отмене противоречащих закону решений и правовых актов, прекращению противоправной деятельности, устранению выявленных нарушений законов, их причин и условий, им способствующих, восстановлению нарушенных прав и законных интересов, привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности.

При этом правозащитная функция прокуратуры не ограничивается мерами воздействия на индивидуальные случаи нарушения законов, как это, в основном, имеет место при судебном рассмотрении конфликтов. Важная миссия органов прокуратуры – способность реагировать на нарушения, затрагивающие права многих граждан.

В заключение следует отметить, что органы прокуратуры всегда готовы к совершенствованию своей деятельности на условиях неукоснительного следования требованиям закона, одновременно выступая за дальнейшее повышение эффективности системы государственных правовых институтов, защищающих законные интересы и права граждан, обеспечивающих всеобщее процветание на основе демократии и закона.

СООТНОШЕНИЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА

Бибилу В.Н.

Рассмотрение и разрешение уголовного дела заканчивается вынесением приговора, который должен быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым. Исполнению подлежат приговоры, соответствующие требованиям, предъявляемым к ним УПК Республики Беларусь (далее – УПК).

Приговор, как акт правосудия, содержит в себе различные судебные решения, исполнение которых предполагает деятельность суда, прокуратуры, учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, регулируясь нормами уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, гражданского, гражданского процессуального права и др. В законодательстве и юридической литературе применительно к деятельности, связанной с исполнением приговора, используются такие понятия, как «обращение приговора к исполнению», «приведение приговора в исполнение», «исполнение наказания», «стадия исполнения приговора», «уголовно-исполнительное судопроизводство», «уголовное судопроизводство по исполнению приговора». При наличии определенной функциональной близости они не идентичны. В какой-то мере их дифференциация заложена в законодательстве.

Исполнению всех предписаний приговора предшествует урегулированная в УПК стадия исполнения приговора, которой завершается уголовный процесс, независимо от того, осуществлялась ли проверка приговора в апелляционном или надзорном порядке. В структуру стадии исполнения приговора входят следующие элементы: 1) обращение к исполнению приговора; 2) рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора; 3) исполнение судом отдельных видов приговоров.

Судебный контроль и прокурорский надзор сопровождают исполнение приговора на всем его протяжении. И это давняя традиция, заложенная еще Уставом уголовного судопроизводства России 1864 г., действие которого распространялось и на белорусские земли. Так, в разделе 6 «Об исполнении уголовных приговоров» достаточно подробно регулировалась деятельность суда по исполнению приговора. Более того, в этом разделе содержатся нормы, которые существуют и в современном уголовно-процессуальном законодательстве: момент вступления приговора в законную силу (ст. 941), исполнение некоторых видов приговоров самим судом (ст. 947, 958, 789 и др.), обращение приговора к исполнению (ст. 957), отсрочка исполнения приговора (ст. 959). Значительное внимание также уделено правовому регулированию деятельности прокурора при исполнении приговора (ст. 948, 949, 956). Интерес представляет сама процедура включения прокурора в деятельность, обеспечивающую исполнение приговора. Так, согласно ст. 948 «все распоряжения по исполнению приговора, выходящие из круга непосредственных судебных действий, относятся к обязанностям прокурора, которому выдается копия протокола о каждом обвинительном приговоре». Таким образом, именно прокурор организует сам процесс исполнения приговора (за исключением начальных действий суда) и согласно ст. 956 доводит до суда сведения об исполнении приговора.

Современное белорусское законодательство более подробно регламентирует судебный контроль за исполнением приговора, наличие которого вытекает из смысла ч. 8 ст. 399 УПК Республики Беларусь, в которой сказано: «Суд, постановивший приговор, вынесший определение или постановление, обязан осуществлять контроль за их исполнением». Из этой нормы права следует, что контроль суда за исполнением приговора должен сопутствовать всему ходу исполнения приговора, начиная от вступления приговора в законную силу и до исполнения всех предписаний приговора. Однако в УПК не содержится детальной регламентации всех вопросов, относящихся к судебному контролю за исполнением приговора. В нем намечены лишь общие контуры судебного контроля. Задача состоит в том, чтобы определить, в каких формах и до каких пределов судебный контроль должен простирается при приведении приговора в исполнение, а также выяснить: всегда ли судебный контроль за исполнением приговора должен носить уголовно-процессуальный характер или возможны непроцессуальные формы судебного контроля?

Если исходить из уровня развития действующего законодательства, то следует заключить, что судебный контроль за исполнением приговора заканчивается деятельностью суда по обращению приговора к исполнению и рассмотрению вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора.

В 70-е гг. XX в. отдельные авторы (М. Гельфер, И. Карпец и др.) высказали предложения, направленные на расширение судебного контроля за исполнением приговора, заключающиеся в том, чтобы судей включать в состав наблюдательных комиссий, состоящих при местных исполнительных и распорядительных органах, предоставлять судьям возможность знакомиться с процессом отбывания наказания, встречаться и беседовать с осужденными, находящимися в исправительном учреждении.

Данные предложения не получили поддержки в законодательстве и практике уголовного судопроизводства по исполнению приговора. Чрезмерно широкий судебный контроль за исполнением приговора, во-первых, не согласовывался бы с природой суда как органа правосудия, предназначенного для разрешения юридических конфликтов, во-вторых, суд не должен подменять органы, ведающие исполнением наказания, деятельностью которых в значительной мере обеспечивается реализация прав осужденных. Поэтому оптимальным является осуществление судебного контроля по следующим направлениям: 1) обращение приговора к исполнению; 2) рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора.

Формы реагирования суда на обнаруженные недостатки исполнения приговора не определены в законодательстве. Вряд ли эффективными были бы такие, не противоречащие законодательству способы, как повторное направление распоряжения об исполнении приговора органу, ведающему исполнением наказания; направление частных постановлений в адрес соответствующих государственных органов и должностных лиц при рассмотрении в судебном заседании стадии исполнения приговора вопросов, связанных с исполнением приговора. Даже создание пенитенциарных судов не способствовало бы расширению судебного контроля за исполнением приговора.

В отличие от судебного контроля прокурорский надзор должен сопутствовать всему ходу исполнения приговора, формы и методы которого

зависят от характера приговора (обвинительный или оправдательный), а также от вида назначенного наказания.

В действующем законодательстве отсутствует детальное регулирование прокурорского надзора за исполнением приговора. Тем не менее его можно разделить на два направления: уголовно-процессуальное и в соответствии с Законом «О прокуратуре Республики Беларусь». При этом с прокурора не снимается обязанность так организовать надзор за соблюдением законности при исполнении приговора, чтобы ни одно из допущенных нарушений закона не осталось незамеченным и неустраненным.

При вынесении судом оправдательного приговора или обвинительного приговора без назначения наказания либо освобождающего обвиняемого от наказания в случае нахождения лица под стражей, прокурор должен следить за немедленным освобождением его из-под стражи в зале судебного заседания. Принятия судом какого-либо особого документа, освобождающего лицо из-под стражи, не требуется. Для освобождения лица из-под стражи достаточно устного распоряжения председательствующего в судебном заседании. Однако, если этого все же не произошло и суд не освободил лицо из-под стражи, прокурор, участвовавший в рассмотрении уголовного дела в качестве государственного обвинителя, должен принести апелляционный протест.

Некоторые сложности вызывает реализация прокурорского надзора при осуществлении судом обращения приговора к исполнению. В УПК БССР 1960 г. срок обращения приговора к исполнению не был указан, это нередко приводило к тому, что приговор начинал исполняться спустя длительное время после вступления его в законную силу. Ввиду отсутствия принципа разделения властей и реализации идеи осуществления прокурорского надзора за деятельностью суда, прокурор имел возможность непосредственно в суде проверить в материалах уголовного дела, обращен ли приговор к исполнению. УПК Республики Беларусь 1999 г. в ч. 3 ст. 399 предусмотрел, что вступивший в законную силу приговор обращается к исполнению не позднее трех суток со дня вступления его в законную силу. Следует отметить, что этот срок соблюдается. Более того, изучение судебной практики показывает, что он даже сокращается до одних или двух суток. Согласно ч. 1 ст. 401 УПК обращение приговора к исполнению состоит в том, что суд вместе с копией приговора направляет в орган, который в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством обязан обеспечить его исполнение, документ под названием «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора», который по своему содержанию больше напоминает сопроводительное письмо. Если же все-таки приговор длительное время не обращался к исполнению либо вообще не был обращен к исполнению, что чревато истечением срока давности исполнения обвинительного приговора, то возникают сложности в выборе акта прокурорского реагирования. В связи с этим автором данных строк вносилось предложение о том, чтобы обращение приговора к исполнению процессуально обеспечивалось вынесением судьей постановления, которое к тому же открывало бы возможность начала исполнения приговора не только в отношении наказания, но и других судебных решений, содержащихся в приговоре. Это способствовало бы более эффективному прокурорскому надзору за исполнением приговора в целом.

Уголовно-процессуальными полномочиями прокурор обладает при судебном рассмотрении вопросов, возникающих при исполнении приговора. Согласно

ст. 402² УПК большинство вопросов, связанных с исполнением приговоров, определений и постановлений суда по уголовным делам, разрешаются в судебном заседании с участием прокурора. При этом процессуальные полномочия прокурора не сводятся только к даче заключения по рассматриваемому вопросу. Реализуя предоставленные УПК полномочия, прокурор принимает меры к тому, чтобы возникшие вопросы были исследованы полно и всесторонне. Для этого в ходе судебного заседания прокурор вправе задавать вопросы осужденному, а также иным лицам, вызванным в суд, заявлять ходатайства, вносить предложения и т.п.

Согласно ч. 9 ст. 399 УПК «надзор за исполнением наказания, назначенного судом, осуществляется прокурором». Из этого следует, что постановление судьи, вынесенное в порядке исполнения приговора, апелляционному опротестованию не подлежит, но может быть опротестовано в порядке надзора (ст. 377 и 399 УПК). Кроме уголовно-процессуальных форм осуществления прокурорского надзора за исполнением приговора, прокурор осуществляет надзор за исполнением наказания и иных мер уголовной ответственности в соответствии со ст. 25 УПК, стст. 34, 35 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь». При этом предметом надзора за соблюдением законодательства является деятельность органов и учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности, а также прав осужденных и выполнения ими своих обязанностей.

Согласованные действия суда и прокурора, направленные на исполнение всех судебных решений, содержащихся в приговоре, способствуют укреплению правового государства и развитию гражданского общества.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОННОСТЬЮ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Бильдейко А.А.

Прокурорский надзор за исполнением законодательства и законностью правовых актов играет важную роль в современном белорусском государстве. В ходе его осуществления прокуроры защищают права граждан, в особенности тех, кто не может это сделать самостоятельно в судебном порядке, а также общественные и государственные интересы.

При этом исходя из штатных и иных возможностей охватить надзором все сферы общественных отношений у прокурорских работников возможности не имеется.

В связи с изложенным представляется важным, во-первых, выделить основные приоритеты в надзорной деятельности, не допуская «распыление» сил на проблемы, не стоящие в данный момент остро и решаемые иными органами без вмешательства прокурора.

Во-вторых, оптимизировать надзорную деятельность прокурора в современном стремительно развивающемся мире возможно только с использованием информационных технологий.

Например, осуществляя надзор за исполнением законодательства при привлечении граждан и юридических лиц к административной ответственности, прокуроры регулярно посещают с проверками органы, ведущие административный процесс, суды с целью выявления незаконных постановлений по делам об административных правонарушениях. Данный процесс отнимает значительное количество времени, так как связан с изучением сплошным методом большого объема дел. Однако цифровая система по выборке (Excel-таблица с использованием языка программирования Visual Basic for Applications) по заданным критериям из Единого государственного банка данных о правонарушениях (далее – ЕГБДП) позволяет выявлять логические ошибки, связанные с нарушением правил наложения административных взысканий (в части размера и вида взыскания), необоснованностью квалификации в случае повторного совершения правонарушений, наложением взысканий не уполномоченными органами, привлечением к ответственности лиц, не являющихся субъектом правонарушения, и т. д. Выявление вышеуказанных фактов в ходе производимой компьютерной программой выборки свидетельствует о возможной незаконности вынесенных постановлений по делам об административных правонарушениях, что является основанием для истребования прокурорами дел об административных правонарушениях и решения вопроса о принесении протестов либо о допущенной ошибке при внесении регистрирующим органом сведений в ЕГБДП, которая также подлежит корректировке, в том числе посредством внесения актов прокурорского надзора.

Таким образом, при внедрении в работу такой системы прокурору не нужно будет постоянно перепроверять тысячи дел об административных правонарушениях, достаточно точно изучать дела, о возможных нарушениях при рассмотрении которых специальная программа даст соответствующий сигнал.

Также использование информационных технологий видится перспективой развития прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг). Имеется необходимость повышения функционала возможностей анализа содержащейся на официальных сайтах и в Государственной информационно-аналитической системе управления государственными закупками информации о государственных закупках и закупках за счет собственных средств (обеспечение возможностей поиска по районам, сопоставления цен на аналогичные товары (работы, услуги) и т. д.). Очевидно, что контролирующие органы не могут изучать все процедуры закупок на предмет наличия допущенных нарушений, это возможно при создании автоматической интеллектуальной системы контроля. Представляется, что такая система может автоматически выявлять факты неправильного выбора процедуры закупки (исходя из суммы закупаемых товаров (работ, услуг) либо предмета закупки), установления необоснованных сроков для подготовки и подачи предложений, нарушения сроков размещения информации об этапах и результатах проводимых процедур закупок, необоснованного применения (неприменения) преференциальной поправки и т. д. Получив сигнал о возможном нарушении, прокурор будет проверять конкретную процедуру закупки, не «распыляя» силы на изучение всех процедур закупок сплошным методом.

В настоящее время прокурорами, иными контролирующими органами факты невыплаты заработной платы в ряде случаев выявляются тогда, когда

организация накопила существенную задолженность перед своими работниками и не имеет денежных средств и иных активов для ее погашения. В таких случаях крайне трудно чем-либо помочь работникам. Вместе с тем, представляется, информационные технологии и здесь могут помочь прокурорам. Так, «наложение» базы данных Фонда социальной защиты населения о приеме-увольнении работников на базу данных движения денежных средств по счетам организаций, в том числе связанных с выплатой заработной платы, позволит выявить организации, в которых прокурору следует запросить сведения и разобраться, действительно ли заработная плата не выплачена либо она выплачена каким-либо иным способом (не всегда законным).

В Республике Беларусь изучается вопрос разработки республиканской автоматизированной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц, объединяющей все государственные органы и организации. В данную систему предполагается помещать как сведения о ходе рассмотрения обращения, так и электронные копии документов, связанных с их рассмотрением. Наличие подобной системы облегчит осуществление прокурорами надзора за исполнением законодательства об обращениях граждан и юридических лиц. Прокуроры путем удаленного доступа без непосредственного выхода в государственный орган или организацию смогут изучать все необходимые документы, а обнаружив нарушения – незамедлительно на них реагировать.

Нередки случаи, когда должностные лица субъектов хозяйствования пытаются тщательно спрятать следы своих нарушений, надеясь, что на большой территории организации факты бесхозяйственности прокуроры не обнаружат. По указанной причине на открытой местности спрятанные места складирования отходов, незаконных раскопок или вырубки леса, уничтожения урожая и т.д. гораздо эффективней выявлять, осматривая местность с воздуха, запустив квадрокоптеры (дроны), а не пешком «прочесывая» местность, надеясь на удачу обнаружить подобные факты.

Выше перечислены только основные возможные направления развития надзора за исполнением законодательства в развивающемся цифровом обществе, которые, представляется, будут очень быстро появляться и совершенствоваться. Любой государственный орган, желающий быть конкурентоспособным и эффективным, в том числе и прокуратура, в нынешнем мире должен максимально использовать возможности информационных технологий, помогающие быстро обрабатывать огромный массив информации, отбирая из нее только необходимую прокурорскому работнику, который сможет освободиться от значительной части текущей «технической» работы и сосредоточиться на решении приоритетных задач.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

В стремительно меняющемся обществе очевидна необходимость широкого использования прокурорами информационных технологий, наиболее перспективными из которых при осуществлении надзора за исполнением законодательства могут быть:

- автоматизированное выявление ошибок при рассмотрении дел об административных правонарушениях на основании сведений, содержащихся в ЕГБДП;

– автоматизированное выявление нарушений порядка осуществления закупок товаров (работ, услуг) на основании сведений, содержащихся в открытом доступе на официальных сайтах и иных источниках;

– выявление фактов невыплаты или несвоевременной выплаты заработной платы путем наложения баз данных о работающих лицах и о движении денежных средств по счетам организаций;

– выявление нарушений законодательства путем изучения электронных копий документов, содержащихся в базах данных, к которым у прокурора имеется удаленный доступ со своего рабочего места;

– осуществление дистанционного выявления и фиксации нарушений путем использования квадрокоптеров (дронов).

Применение цифровых технологий в надзорной работе будет способствовать ориентации работы органов прокуратуры на проведение профилактических и предупредительных мероприятий, проверочные мероприятия с непосредственным выходом в организацию будут осуществляться только при получении четких информационных сигналов об уже допущенных нарушениях, что будет способствовать минимизации вмешательства в текущую деятельность субъектов хозяйствования.

О РОЛИ ПРОКУРОРА В РЕАЛИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНОГО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бурмагин С.В.

Под оперативным судебным контролем в уголовном судопроизводстве Российской Федерации подразумевается судебная проверка законности и обоснованности ограничения в ходе досудебного производства по уголовному делу конституционных прав и свобод граждан, осуществляемая в рамках судебно-контрольных производств по ходатайствам органов уголовного преследования или жалобам заинтересованных лиц (ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ).

В отличие от процессуального закона Республики Беларусь, согласно которому предварительная проверка и санкционирование применения мер пресечения и совершения иных действий, сопряженных с ограничением основополагающих прав и свобод личности, возложены исключительно на прокурора (ст. 34 УПК Беларуси), УПК РФ дополнительно возлагает обязанности по предварительному контролю над такими действиями на органы судебной власти. При этом прокурор является ключевым участником любого судебно-контрольного производства (ст. 105.1–108, 109, 125, 165, 463 УПК РФ и др.) и вправе участвовать в судебном заседании, заявлять отводы и ходатайства, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, высказывать суду свое мнение по рассматриваемому вопросу и обжаловать судебное решение. Вместе с тем после принятия Федерального закона № 87-ФЗ от 05.06.2007, существенным образом скорректировавшего надзорные полномочия прокурора в отношении органов предварительного следствия, роль прокурора в делах судебного контроля приобрела неопределенный характер.

По уголовным делам, расследуемым в форме дознания, прокурор сохранил в полном объеме прежние надзорные полномочия, позволяющие ему «направлять» расследование дела, оперативно вмешиваться в его производство, отменять или изменять незаконные или необоснованные решения, а также обязывающие его предварительно проверять и согласовывать любые ходатайства органа дознания о применении принудительных мер и действий, подлежащих судебному контролю. В заседаниях по делам судебного контроля за действиями и решениями органа дознания прокурор выступает как заинтересованный в их исходе субъект, как процессуальная сторона, чей процессуальный интерес заключается в отстаивании законности и обоснованности проверяемых судом действий и решений, которые он (прокурор) предварительно одобрил и за которые в связи с этим несет ответственность.

До 2007 г. аналогичная картина наблюдалась и при осуществлении судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного следствия, однако в настоящее время прокурор не имеет полномочий по процессуальному руководству органами предварительного следствия, а надзорные функции не позволяют ему в полной мере направлять их деятельность по расследованию дела. В новых условиях, когда в рамках конкретного уголовного дела процессуальные интересы прокурора, с одной стороны, и следственного органа, с другой, зачастую не совпадают и нередко приводят к конфликтной ситуации, прокурор не может выступать в суде как представитель общих интересов органов уголовного преследования.

Перемены во взаимоотношениях прокурора и органов следствия привели к закономерному расширению участия следователя в судебно-контрольных процедурах и введению в них дополнительного участника – руководителя следственного органа (ч. 4 ст. 108 и ч. 3 ст. 125 УПК РФ в редакции Федерального закона от 02.12.2008), что позволило органам следствия самостоятельно, вне зависимости от позиции прокурора, отстаивать перед судом собственную точку зрения по вопросам законности и обоснованности заявленных ходатайств об ограничении конституционных прав и свобод личности, а также обжалованных в суд процессуальных действий (бездействия) и решений. В результате этих изменений следователь и руководитель следственного органа заняли в судебно-контрольных производствах положение самостоятельной стороны, имеющей свой собственный процессуальный интерес, заключающийся в признании судом правомерности их деятельности, ставшей предметом судебной проверки, и в принципе способны его отстаивать в судебном заседании, хотя правомочие по обжалованию судебного решения по-прежнему принадлежит только прокурору.

При таком положении встает резонный вопрос: в каком качестве в этой состязательной конструкции предстает прокурор? Как представляется, его процессуальное положение в судебно-контрольных производствах с точки зрения их состязательного построения весьма двусмысленно и четко не определено, что подтверждается не только неоднозначными оценками, представленными в научной литературе, но и результатами проведенного нами опроса 922 практических работников из 62 субъектов Российской Федерации.

Так, отвечая на вопрос о роли прокурора в делах судебного контроля, в которых предметом судебного рассмотрения выступают ходатайства следователя или жалобы на его действия и решения, 48,4 % респондентов

считают прокурора стороной по делу, 16,2 % – полагают, что прокурор содействует суду, «помогает» ему разобраться в обстоятельствах дела и правильно разрешить рассматриваемый вопрос; 28,7 % – находят, что прокурор осуществляет надзор за следственными органами (законностью следствия), 2,5 % – уверены, что прокурор осуществляет надзор за судом (законностью судебных постановлений), и 4,2 % – высказали иные суждения. Между тем при существующем правовом регулировании безоговорочно невозможно принять ни один из приведенных вариантов.

В тех случаях, когда предметом судебного контроля является деятельность органа следствия, прокурора нельзя однозначно отнести ни к одной из сторон. В этих делах прокурор не представляет ни частный интерес, ни интересы следствия; у прокурора нет и собственного процессуального интереса, поскольку суд ни прямо, ни косвенно не оценивает процессуальную деятельность прокурора. Можно предположить, что прокурор выступает здесь как незаинтересованный орган, который, не будучи связан собственным процессуальным интересом, объективно оценивает спорную правовую ситуацию и высказывает суду свое независимое суждение, «дает заключение» по вопросу правомерности ограничения прав личности, чем оказывает суду содействие в осуществлении правосудия. Однако, во-первых, такое положение прокурора не вписывается в состязательную модель судебного разбирательства, для которой «подключение» к участию в деле незаинтересованного в его исходе субъекта и наделение его правом обжалования судебного решения – правовой нонсенс, во-вторых, оно противоречит статусу суда как независимого, самостоятельного, полновластного органа правосудия, который не нуждается в помощи «независимого правового эксперта» и в состоянии самостоятельно разрешить поставленный перед ним правовой вопрос, в-третьих, роль «консультанта по правовым вопросам» не согласуется с высоким назначением самих органов российской прокуратуры и их задачами, определенными Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Если же исходить из того, что прокурор в рассматриваемой ситуации выполняет надзорные функции, возникают другие, не менее острые вопросы. Очевидно, что прокурор не уполномочен надзирать за действиями суда и его решениями – внешний надзор за судебной деятельностью в России упразднен еще в 90-х годах прошлого столетия. За кем же тогда надзирает прокурор в судебном заседании по делам судебного контроля? Если за действиями и решениями органов предварительного следствия, как полагает значительная часть правоведов, то эту надзорную деятельность следует осуществлять своевременно, до начала судебно-контрольной проверки, и вне судебного заседания, в котором прокурору не доступны властные надзорные полномочия и специфические меры прокурорского реагирования.

Согласно п. 1.8 и 1.19 приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 прокурорам вменяется обязательное участие в судебных заседаниях по делам судебного контроля и дача суду заключения об обоснованности ходатайства следователя (в отношении мер пресечения – письменное) или по поводу действий следователя, обжалуемых в порядке ст. 125 УПК РФ, а в каждом случае установления предусмотренных законом оснований – принимать меры к своевременному обжалованию решений суда, принятых по ходатайствам следователя. Судя по характеру и моменту реализации указанных обязанностей,

можно заключить, что они используются не для предотвращения или исправления незаконных действий и решений органов следствия (эти действия и решения уже состоялись), а для влияния на результат контрольно-проверочной деятельности суда, т. е. на содержание итогового решения по судебному делу. Примечательно, что в п. 1.8 указанного приказа констатируется, что прокурор осуществляет «надзор за законностью применения в качестве меры пресечения заключения под стражу». А кто непосредственно применяет эту меру? Следователь? Нет, судья! По сути, подобные формулировки означают ничто иное, как ориентацию прокуратуры на скрытую форму надзора за судебной деятельностью, что противоречит конституционному статусу судебной власти.

Из всего сказанного напрашивается следующий вывод: прокурор в судебном контрольном деле должен выступать только как орган уголовного преследования, как сторона обвинения, только в этом качестве он может быть наделен правомочием обжаловать решение, вынесенное в рамках судебного контроля. При таком варианте, очевидно, требуется четкое согласование позиций прокурора и следственного органа по поводу рассматриваемого судом ходатайства следователя либо жалобы на действия последнего, и такое согласование должно состояться до начала судебного контрольного разбирательства и поддерживаться по его ходу с учетом возможного выявления новых, юридически значимых для судебного решения обстоятельств. В противном случае (при сохранении статус-кво) прокурор должен быть освобожден от участия в рассмотрении судебных контрольных дел по ходатайствам следователя и жалобам на действия (бездействие) и решения последнего, а правомочие по обжалованию судебного решения по вопросам судебного контроля — передано руководителю следственного органа или (на альтернативной основе) следователю.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА

Васько Н.О.

Права и свободы человека и гражданина находятся под защитой государства в лице его уполномоченных органов. В уголовном процессе задача по обеспечению их реализации и защите возложена на органы уголовного преследования, важное место среди которых занимает прокуратура. Особый правовой статус прокуратуры обусловлен наличием у нее функции надзора за процессуальной деятельностью иных органов уголовного преследования.

Прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного следствия является одним из приоритетных направлений в деятельности прокуратуры, призван обеспечивать точное и единообразное исполнение закона всеми участниками процесса, защиту их прав и свобод. Эффективность осуществления надзорной деятельности прокурора в значительной степени зависит от объема

и содержания его процессуальных полномочий, позволяющих своевременно и эффективно выявлять и устранять любые нарушения закона и привлекать виновных лиц к ответственности.

История белорусской прокуратуры берет свое начало с 26 июня 1922 года, когда III сессия Центрального Исполнительного Комитета БССР приняла Положение о прокурорском надзоре и возложила на прокуратуру, вошедшую в состав Народного Комиссариата Юстиции, помимо других функций, также и «непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов и органов дознания в области раскрытия преступлений».

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года, распространивший свое действие на всю территорию БССР, предписывал прокурору осуществлять надзор за производством предварительного следствия. При осуществлении надзора прокурор был вправе знакомиться с актами предварительного следствия и давать обязательные для исполнения указания следователю о направлении и дополнении следствия. Прокурором контролировался срок следствия, «давалось разрешение» на выемку почтово-телеграфной корреспонденции, рассматривались жалобы на «медленность производства, несоблюдение сроков предъявления обвинения, принятие мер пресечения, и незаконные действия следователя». При получении дела для направления в суд прокурор был вправе возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования, вносить изменения в обвинительное заключение следователя и составлять новое заключение.

В середине 20-х годов следователи, ранее состоявшие при судах, были переданы в подчинение органов прокуратуры.

Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства в советский период характеризуется тенденцией к усилению роли прокурора в сфере надзора за предварительным следствием путем конкретизации и расширения его полномочий.

Принятый в 1960 году Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК 1960 года) наделял прокурора широкими полномочиями, позволяющими ему не только осуществлять надзор за действиями и решениями следователей, процессуальное руководство их деятельностью, но и фактически принимать активное участие в проведении предварительного следствия. При осуществлении надзора прокурор требовал от органов предварительного следствия для проверки уголовные дела; отменял незаконные и необоснованные постановления следователей; давал обязательные для исполнения письменные указания о расследовании преступлений, об избрании, изменении или отмене меры пресечения, квалификации преступления, производстве отдельных следственных действий; участвовал в производстве предварительного следствия и в необходимых случаях лично производил отдельные следственные действия или расследование в полном объеме по любому делу. Прокурор продлевал срок расследования и содержания под стражей; возвращал уголовные дела со своими указаниями о производстве дополнительного расследования; отстранял следователя от дальнейшего ведения предварительного следствия, если им допущено нарушение закона при расследовании дела.

УПК 1960 года действовал около 40 лет, не претерпевая существенных изменений в части регламентации полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.

После распада СССР начался активный период реформирования советского уголовно-процессуального законодательства. Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23.04.1992 № 1611-XII утверждена Концепция судебно-правовой реформы, которая акцентировала внимание на необходимости реформы предварительного следствия, подвергла критике наделение прокурора полномочиями по руководству расследованием уголовных дел.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 года (далее – УПК) (введен в действие с 1 января 2001 года) не воспринял идеи концепции и сохранил за прокурором широкий объем властных полномочий.

Создание в 2011 году Следственного комитета на базе следственного аппарата прокуратуры, подразделений предварительного расследования органов внутренних дел и органов финансовых расследований Комитета государственного контроля повлекло за собой изменение полномочий органов уголовного преследования. Функция процессуального руководства расследованием перешла от прокурора к начальнику следственного подразделения, что лишило прокурора ряда важных процессуальных полномочий. Так, дача обязательных для исполнения письменных указаний стала возможна только в случаях возвращения уголовного дела следователю для производства дополнительно предварительного расследования, а также при отмене постановления о прекращении предварительного расследования; продление срока предварительного следствия – по уголовным делам, находящимся в производстве прокурора. Прокурор лишился права отстранять следователя от производства предварительного расследования, если им были допущены нарушения законности при расследовании уголовного дела. Проведение отдельных следственных и других процессуальных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, стало возможно только при санкционировании заключения под стражу и домашнего ареста. Начальник следственного подразделения стал уполномочен не только давать следователю обязательные для исполнения указания, но и отменять его процессуальные решения.

Следует отметить, что право давать органу предварительного расследования обязательные для исполнения указания о производстве следственных, иных процессуальных действий, позволяло прокурору не только влиять на ход и организацию предварительного расследования, но и являлось важным средством предупреждения нарушений закона. В результате проведенной реформы правоохранительных органов надзорная деятельность прокуратуры в отношении органов предварительного следствия свелась к проверке законности принятых процессуальных решений и совершенных процессуальных действий.

В последующем в УПК были внесены изменения, в соответствии которыми Генеральному прокурору и его заместителям, прокурорам областей, города Минска или лицам, исполняющим их обязанности, предоставлены полномочия давать обязательные для исполнения указания в случае отмены постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования.

Наличие у прокурора широких полномочий при осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного следствия позволяет эффективно реализовывать стоящие перед прокуратурой задачи по защите прав и законных

интересов участников уголовного процесса, в связи с чем вопрос о необходимости их дальнейшего расширения обсуждается и в настоящее время.

В заключение полагаем необходимым отметить, что до 2012 года прокурор обладал достаточными полномочиями для осуществления эффективного надзора на всей стадии предварительного следствия. Передача функции руководства предварительным расследованием начальнику следственного подразделения лишила прокурора ряда важных процессуальных полномочий, среди которых можно назвать: право давать обязательные для исполнения указания о производстве следственных, иных процессуальных действий; продлевать срок предварительного расследования; отменять не соответствующие закону указания начальника следственного подразделения.

Вместе с тем, существующая модель уголовного процесса, при которой прокурор обязан обеспечивать качество следствия для эффективного поддержания в дальнейшем обвинения в суде, обуславливает необходимость более активной роли прокурора в досудебном производстве посредством наделения его соответствующими полномочиями.

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Гордынец П.А.

Прокурорский надзор – это особая форма государственной деятельности.

В соответствии с ч.1 ст.125 Конституции Республики Беларусь надзор за точным и единообразным исполнением законов, указов и иных нормативных правовых актов министерствами и другими подчиненными Совету Министров органами, местными представительными и исполнительными органами, общественными объединениями, другими организациями, должностными лицами и гражданами возлагается на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров.

В соответствии с задачами органов прокуратуры прокурорский надзор осуществляется по определенным направлениям деятельности и включает следующие отрасли: надзор за исполнением законодательства и законностью правовых актов (общий надзор); надзор за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; надзор за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении; и др.

Одной из ключевых отраслей прокурорского надзора в Республике Беларусь является надзор за исполнением законодательства и законностью правовых актов (общий надзор). В рамках данного направления деятельности органами прокуратуры Минской области за 2021 год проведено 1 553 проверки, по итогам которых подготовлено 5 860 актов прокурорского надзора (1 208 представлений, 1030 предписаний, 551 протест, 1023 постановлений, 2 068 официальных предупреждений), к дисциплинарной (3259) и административной (942) ответственности привлечено 4 201 лицо. В ходе данной деятельности обеспечена защита интересов государства, по требованию прокуроров возмещен ущерб на сумму

294 379 рублей (216201 – с физических лиц, 78178 – с юридических лиц). Приведенные данные свидетельствуют о результативности указанной работы.

Надзорная функция прокуратуры позволяет устранять и предупреждать нарушения законодательства в работе государственных органов и организаций, оперативно защищать права и свободы граждан. При этом в целях наиболее эффективной работы органов прокуратуры необходимо совершенствование работы надзорного ведомства.

Как показывает практика работы органов прокуратуры, прокурорский надзор распространяется на самые различные сферы законодательства (законодательства о распоряжении и охране собственности, о труде и охране труда, о контрольной (надзорной) деятельности, об обращениях граждан и юридических лиц, о профилактике правонарушений, жилищное, налоговое, административное, и др. В поле зрения прокуроров находятся тысячи законодательных и подзаконных актов.

С учетом специфики работы органов прокуратуры прокурорский надзор существенным образом отличается от деятельности иных контролирующих (надзорных) органов, что обусловлено, в том числе, необходимостью проведения проверок и иных надзорных мероприятий в отношении контролирующих органов. Следовательно, проведение прокурорских проверок не должно осуществляться в общем порядке, регламентированном Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510). Данную деятельность прокуратуры следует регламентировать ведомственными актами законодательства и исключить применение положений Указа №510 в отношении проверок, проводимых органами прокуратуры. В этой связи представляется необходимым дополнить п. 23 Указа № 510 (настоящий Указ не применяется при осуществлении): проверок, проводимых органами прокуратуры Республики Беларусь. Соответственно, главу 13 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом № 510, необходимо исключить.

Предоставить прокуратуре право проводить проверки в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь от 08.05.2007 №220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон). В частности, полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства закреплены в п. 1 ст. 27 Закона: беспрепятственно по предъявлении служебного удостоверения входить в помещения и на другие объекты государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей. Вход прокурора на территорию и в помещения, доступ в которые ограничен в соответствии с законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь, и допуск его к сведениям, составляющим государственные секреты, осуществляются в соответствии с законодательством; требовать от руководителей и иных должностных лиц государственных органов, иных организаций, индивидуальных предпринимателей предоставления принятых этими лицами (органами) постановлений, приказов, решений, распоряжений, информации и других необходимых материалов, выделения специалистов для дачи в установленном порядке заключений, проведения проверок, ревизий и экспертиз. Должностные лица и индивидуальные предприниматели обязаны исполнить требование прокурора в порядке и сроки, установленные законодательными актами, и о результатах сообщить прокурору; вызывать

должностных лиц и иных граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и требовать объяснений об обстоятельствах, связанных с нарушением законодательства; использовать на безвозмездной основе средства связи, информационные системы, банки данных и архивные документы государственных органов, иных организаций и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, за исключением средств связи, информационных систем, банков данных и архивных документов организаций и граждан, пользующихся в соответствии с международными договорами Республики Беларусь дипломатическим иммунитетом; проверять законность административного задержания граждан и применения к ним административных взысканий; осуществлять иные полномочия в соответствии с законодательными актами.

Статья 27 Закона наделяет прокурора и арсеналом правовых средств для реагирования на выявленные в ходе проверки нарушения законодательства. В силу п. 4 ст. 27 Закона в зависимости от характера нарушений прокурор, например, может: вносить представления, выносить предписания и официальные предупреждения, обязательные для исполнения государственными органами и иными организациями, должностными лицами и иными гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями; обращаться в суд с заявлениями (исками) в защиту прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, организаций, общественных и государственных интересов; составлять протоколы об административных правонарушениях; выносить постановления о возбуждении дисциплинарного производства или привлечении к материальной ответственности, о возбуждении уголовного дела.

Согласно п. 2 ст. 27 Закона при осуществлении надзора за исполнением законодательства прокурор не вправе вмешиваться в предпринимательскую и иную хозяйственную (экономическую) и организационно-распорядительную деятельность государственных органов и иных организаций, индивидуальных предпринимателей, в личную жизнь граждан, за исключением случаев, определенных законодательными актами, когда это необходимо для защиты прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, общественных и государственных интересов.

Вместе с тем на практике при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере экономики довольно сложно определить границы надзорной деятельности с целью невмешательства в хозяйственную деятельность юридических лиц. В этой связи представляется необходимым проработать критерии разумности вмешательства и реагирования органов прокуратуры на нарушения законодательства в сфере экономики либо вышеуказанный пункт ст. 27 – исключить.

На основании вышеизложенного с целью оперативного реагирования на факты нарушения законодательства, предлагается исключить органы прокуратуры из Перечня контролирующих (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь 16.10.2009 № 510, и предоставить право при проведении проверок использовать полномочия, предусмотренные Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь».

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ С УЧАСТИЕМ ПРОКУРОРА

Денисултанов И.С.

В условиях интенсивно развивающихся информационных технологий и модернизации ключевых секторов экономики Российской Федерации, направленной на производство товаров для импортозамещения, особое значение имеет защита интеллектуальных прав субъектов, осуществляющих экономическую деятельность. Судебная защита является важнейшей гарантией успешной реализации интеллектуальных прав. В этой связи российский законодатель предоставил прокурорам особые правовые возможности для обеспечения законности и отстаивания интересов граждан, общества и государства.

Статья 1253 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает правомочие прокурора обратиться в суд с иском о ликвидации организации или о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя в связи с грубым или неоднократным нарушением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В этом кодифицированном акте закреплены следующие критерии, которые необходимо соблюдать для подачи такого рода искового заявления прокурором.

1. Нарушение исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Нарушение иных интеллектуальных прав неимущественного характера не является основанием для реализации последствий, предусмотренных ст.1253 ГК РФ. Согласно норме закона противоправному посягательству должны подвергаться имущественные права, т.е. исключительное право, сочетающее в себе права владения, пользования и распоряжения объектами интеллектуальной деятельности или средствами индивидуализации. Следовательно, при обращении с вышеназванным иском прокурор должен обосновать, что нарушенное право является имущественным.

2. Неоднократность нарушения, что означает повторность нарушения исключительного права. Так, используя аналогию права и анализируя положения уголовного закона, правоприменитель под неоднократностью понимает такую правовую конструкцию, когда несколько юридических действий являются самостоятельными.

3. Грубость нарушения, признаки которого в законодательстве не раскрываются. Между тем в доктринальных исследованиях категория «грубое нарушение» находит свое содержание в такой формулировке: незаконное использование охраняемых объектов в определенном размере (в крупном или особо крупном размере).

4. Виновость организации или индивидуального предпринимателя в нарушении исключительного права на объекты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 18.07.2003 № 14-П, законодатель обосновано предусмотрел, что нарушение юридическим лицом интеллектуальных прав может влечь ликвидацию. Использование такой меры для хозяйствующих субъектов допускается не только при условии неоднократности нарушений,

но и иных условий, необходимых для обеспечения законного применения указанной нормы.

В свою очередь, на прокурора возлагается обязанность по доказыванию существенности неоднократных неправомерных действий юридического лица или индивидуального предпринимателя. Только по результатам исследования всех обстоятельств дела, совокупности представленных доказательств может быть вынесен правомерный судебный акт о ликвидации или прекращении как меры защиты интересов иных участников экономических отношений.

Так, Арбитражный суд Алтайского края отказал в удовлетворении иска прокурора о ликвидации юридического лица (решение от 14.02.2020 по делу № А03-19974/2019) в связи с недоказанностью прокурором существенности причинения вреда имущественным интересам правообладателей товарных знаков (представляется, что указанное обстоятельство прокурору легче было бы подтвердить, когда правообладатели товарных знаков обратились к юридическому лицу о взыскании ущерба за неправомерное использование товарного знака). При таких обстоятельствах принудительная ликвидация юридического лица признана судом чрезмерной и преждевременной мерой, способной привести к нарушению баланса публичных и частных интересов, в том числе нарушению прав и законных интересов работников организации, а также контрагентов юридического лица (арендаторов нежилых помещений, имевших право рассчитывать на продолжение предпринимательской деятельности).

Именно на суд законодатель возлагает право признать нарушение неоднократным или грубым. В свою очередь, на прокурора возлагается обязанность по надлежащему обоснованию и доказыванию указанных фактов. Прокурор должен аргументированно изложить в исковом заявлении фактические обстоятельства нарушения юридического лицом и индивидуальным предпринимателем прав на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, подкрепляя свои доводы необходимыми доказательствами.

При этом особую роль в доказывании имеет преюдиция, поскольку факты нарушений, подтвержденные именно иными судебными актами, могут свидетельствовать о неоднократности и грубости нарушения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем исключительных прав (неоднократность нарушения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем исключительных прав могут подтверждать вступившие в законную силу решения судов о привлечении указанных субъектов к административной ответственности по ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)).

Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 09.07.2019 по делу № А12-13967/2019 удовлетворен иск прокурора о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя в порядке ст. 1253 ГК РФ. Из судебного решения следует, что индивидуальный предприниматель неоднократно привлекался по ч. 2 ст. 14.10 КоАП.

При судебном разбирательстве подтверждено нахождение на реализации у индивидуального предпринимателя В. контрафактных товаров с логотипами «Nike», «Adidas», «Reebok», «Russia 2018», «FiFa World Cup», что позволило суду сделать вывод о реализации соответствующей продукции с нарушением прав правообладателей товарных знаков.

Разумеется, для признания преюдициальности фактов в арбитражном процессе необходимо соблюдение следующих ключевых условий.

1. Обстоятельства, которые были ранее установлены судом, имеют юридическое значение для разрешения нового спора. В приведенном выше примере суд, оценивая доказательства, представленные прокурором, пришел к выводу, что подтвержденные решениями арбитражных судов факты привлечения индивидуального предпринимателя к ответственности имеют особое юридическое значение, поскольку подтверждают факт нарушения исключительного права на средство индивидуализации и факт неоднократности такого нарушения.

2. Субъекты двух споров совпадают. В данном случае стороной во всех случаях выступает конкретный индивидуальный предприниматель.

3. Судебный акт о привлечении виновного лица к административной ответственности вступил в законную силу.

Только совокупность перечисленных условий позволила использовать факты привлечения указанного индивидуального предпринимателя к административной ответственности за нарушение прав правообладателей товарных знаков в качестве преюдициальных.

Завершая изложение, необходимо отметить, что прокурор, реализуя свои полномочия в сфере защиты интеллектуальных прав, выступает в качестве важного гаранта их защиты, для успеха которой необходимо особое внимание уделять сбору и формированию доказательственной базы. Принимая во внимание разнообразную практику в этой сфере, полагаем, что отдельные проблемные вопросы нуждаются в разъяснении Верховным Судом РФ. Например, стоит обратить внимание и дополнить постановление от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» в части закрепления категории «грубое нарушение», а также дачи прокурорам рекомендаций по сбору доказательств по указанным делам. Генеральной прокуратуре РФ желательно разработать соответствующие методические рекомендации и обеспечить отдельное отражение в статистической отчетности (например, в форме ГАС «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве») результатов применения ст. 1253 ГК РФ. Данная мера обеспечит единообразие судебной практики по делам в сфере защиты интеллектуальных прав с участием прокурора.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МЕРА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

Довгялло М.М.

Экологический контроль является эффективным механизмом при проверке соблюдения экологического законодательства. В настоящий момент экологический контроль рассматривается в трех аспектах: во-первых, как правовая мера обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды от вредных воздействий, во-вторых, функция государственного управления, в-третьих – правовой институт экологического права [1, с. 58].

Проведение экологического контроля – самостоятельная, целенаправленная деятельность специально уполномоченных государственных органов, осуществляемая в рамках предусмотренной законодательством процедуры на основе специальных правовых норм. Таким образом, посредством экологического контроля обеспечивается принуждение субъектов экологического права к исполнению эколого-правовых требований.

Наряду с экологическим контролем в качестве действенного механизма по соблюдению законности выделяют прокурорский надзор. Прокурорский надзор в сфере охраны окружающей среды осуществляется в рамках надзора за исполнением законодательства, предметом которого в соответствии со ст. 26 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) является точное и единообразное исполнение законов, декретов, указов и иных нормативных правовых актов республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями. Задачи и цели прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства регламентированы приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 января 2013 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства».

В юридической литературе отмечается, что прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства – важнейшее правовое средство защиты экологических прав граждан, обеспечения экологической безопасности, позитивного воздействия на деятельность органов, наделенных функциями экологического контроля, призванных обеспечить надлежащее исполнение экологического законодательства [2, с. 501].

При осуществлении надзорных функций в части исполнения экологического законодательства прокурор вправе проводить проверки исполнения законодательства на основании сообщений и других данных о нарушениях законности. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что прокурор проводит проверки только при наличии данных о нарушениях, требующих непосредственного прокурорского реагирования. В случае, если вопрос может быть решен контролирующими органами, прокурор, по общему правилу, не вмешивается в данный процесс. Тем самым, как отмечается в научной литературе, прокурору необходимо действовать тогда, когда полномочий органов экологического контроля недостаточно или они по каким-либо причинам их не применяют либо когда совершены серьезные правонарушения, представляющие угрозу жизни и здоровью людей, и затрагивающие интересы большого количества населения [3, с. 133–134].

Состояние законности в сфере охраны окружающей среды находится в тесной взаимосвязи с эффективностью работы контролирующих органов. Осуществление прокурорами надзорной деятельности позволяет вовремя выявлять нарушения, допущенные контролирующими органами при проведении экологического контроля. Указанными нарушениями могут являться: нарушение должностным лицом контролирующего органа установленного порядка

назначения проверки; использование не в полной мере контролирующим органом предоставленных законодательством полномочий по выявлению, пресечению и устранению правонарушений; непринятие надлежащих мер реагирования на выявленные нарушения законодательства и др.

Кроме того, прокуроры вправе в рамках компетенции проверять законность принимаемых указанными органами и их должностными лицами правовых актов, что предоставляет возможность своевременно принимать меры по их опротестованию, отмене. В частности, в качестве такой меры выступает принесение протеста на противоречащие законодательству правовые акты. В соответствии с п. 2 ст. 39 Закона о прокуратуре в протесте прокурор требуют отмены либо изменения противоречащих законодательству правового акта, решения или прекращения незаконного действия. Также законодательством предусмотрено, что при установлении нарушений прокурор вносит представления, выносит предписания и официальные предупреждения, обязательные для исполнения соответствующими органами.

В заключение можно сделать следующие выводы. Деятельность органов прокуратуры в сфере охраны окружающей среды осуществляется в рамках надзора за исполнением экологического законодательства. В пределах компетенции по надзору за исполнением экологического законодательства при проведении экологического контроля прокурором проверяется полнота осуществляемых контролирующими органами полномочий, законность принимаемых ими правовых актов, соблюдение прав проверяемых субъектов. В связи с чем, в настоящий момент остается актуальным обеспечение прокурорского надзора за исполнением норм законодательства, регулирующего деятельность органов экологического контроля.

Список цитированных источников

1. Шахрай, И. С. Совершенствование правового регулирования экологического контроля в Республике Беларусь как средство минимизации коррупционных рисков / И. С. Шахрай // Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности: российский и зарубежный опыт: сб. тезисов докладов и статей IV междунар. научно-практ. конф. 1 ноября 2016 г.; отв. ред. Р. А. Абрамов – М.: ООО «ИД Третьяковъ», 2016. – С. 166–170.
2. Шавлохов, А. К. Прокурорский надзор: взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в сфере экологического законодательства / А. К. Шавлохов, А. П. Сабинов // Аллея науки. – 2020. – № 4. – С. 499–504.
3. Бывальцева, С. Г. Разграничение компетенции органов экологического надзора и прокуратуры в сфере охраны окружающей среды / С. Г. Бывальцева, Л. А. Белых // Бизнес, менеджмент, право. – 2013. – № 1. – С. 133–136.

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ПРИМИРЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПОТЕРПЕВШИМ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Зайцева Л.Л.

Институт примирения потерпевшего с обвиняемым является одним из альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта без применения уголовного наказания. Примирительная форма разрешения проблем, порожденных преступлением, предполагает отход от традиционной конфронтации сторон и выдвигает на первый план такие важные результаты, как экономия уголовной репрессии, снижение напряженности в межличностных отношениях, удовлетворение законных интересов жертвы преступления путем возмещения и заглаживания причиненного ей ущерба. Все это, безусловно, такие ценности, которые невозможно игнорировать и которые определяют развитие примирительных процедур во многих странах мира.

Согласно ч. 1 ст. 30 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) прекратить производство по делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим могут несколько субъектов: суд, прокурор либо следователь с согласия прокурора. Необходимо отметить, что в первоначальной редакции данной нормы таким правом был наделен только суд. В 2003 г. оно было предоставлено также прокурору, а в 2011 г. – следователю с согласия последнего. В результате в настоящее время освободить лицо от уголовной ответственности на основании ст. 89 Уголовного Кодекса Республики Беларусь можно как в судебном, так и в досудебном производстве.

Расширение круга субъектов принятия решения о прекращении производства по делу на основании ст. 30 УПК Беларуси поставило под сомнение соблюдение принципа презумпции невиновности. Ведь согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь и ст. 16 УПК вина обвиняемого должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда. Если же производство по делу прекращается в стадии предварительного расследования на основании п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК Беларуси, то создается впечатление о признании обвиняемого виновным постановлением прокурора или следователя. В связи с этим данное противоречие между конституционными нормами и положениями отраслевого законодательства является предметом научных дискуссий.

Следует отметить, что во многих государствах такая коллизия в законодательстве не возникает. Так, Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Узбекистан (далее – УПК Узбекистана) предусматривает, что решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон вправе принять только суд без решения вопроса о виновности (ст. 84). При этом заявление о примирении может быть подано потерпевшим (гражданским истцом) либо его законным представителем на любой стадии дознания и предварительного следствия, а также судебного разбирательства, но до удаления суда в совещательную комнату. Дознаватель, следователь, прокурор, получив заявление потерпевшего (гражданского истца) или его законного представителя о примирении, в срок не более семи суток, с согласия подозреваемого, обвиняемого, выносит постановление о направлении дела в суд.

В течение трех суток после вынесения постановления дело с согласия прокурора направляется в суд (ст. 584 УПК Узбекистана).

Как известно, в основе альтернатив уголовному преследованию лежит принцип целесообразности, согласно которому применение соответствующих мер осуществляется по усмотрению органа, ведущего уголовный процесс. В связи с этим принятие решения об освобождении от уголовной ответственности с прекращением производства по делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК Беларуси, является правом суда и прокурора, т.е. их дискреционными полномочиями.

Вместе с тем, дискреционные полномочия не равнозначны свободному (диспозитивному) усмотрению указанных в законе субъектов. Если последние установят наличие всех предусмотренных законом условий для освобождения лица от уголовной ответственности и отсутствие каких-либо разумных, конкретных и правомерных аргументов против такого решения, то применение п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК Беларуси будет являться обязанностью органов, ведущих уголовный процесс.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон требует индивидуального подхода, для которого недостаточно лишь формального соблюдения условий, указанных в соответствующей статье УК. Данное решение должно основываться на результатах оценки объективно установленных обстоятельств совершения преступления, поведения лица как до, так и после его совершения, данных о личности обвиняемого с точки зрения возможных проявлений незаконопослушания в будущем. Это значит, что реализация права на освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности не может основываться на произвольном усмотрении следователя, прокурора или суда, но исключает и чисто формальное решение вопроса, не основанное на всесторонней оценке обстоятельств дела и личности обвиняемого.

Следует отметить, что в Республике Беларусь за последние 10 лет число лиц, освобожденных от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 30 УПК неуклонно снижается. Так, по сравнению с 2012 г. количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности органами уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим снизилось более, чем в 7 раз. Такая практика влечет за собой неоправданную нагрузку на суды, которые фактически исправляют ошибки, допущенные органами уголовного преследования, прекращая производство по указанным основаниям.

В этой связи органам уголовного преследования, и в первую очередь прокурорам, нужно более внимательно подходить к изучению оснований для прекращения производства с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, не перекладывая принятие данного решения на суд. По мнению Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, основанном на изучении прокурорско-следственной и судебной практики, каких-либо объективных препятствий для более взвешенного и активного применения органами уголовного преследования ст. 89 УК Беларуси не имеется.

Тем не менее, полагаем, что для исключения необоснованных отказов в прекращении производства по уголовным делам в связи с примирением

необходимо разработать механизм реализации дискреционных полномочий и установить в УПК определенные критерии для принятия решения. Изучение зарубежного опыта показывает, что соответствующий механизм и подобные критерии установлены в законодательстве ряда государств для принятия судом решения по делам о примирении.

В соответствии со ст. 585 УПК Узбекистана судебное заседание по делам о примирении проводится не позднее 10 суток с момента поступления дела в суд. В судебном заседании принимают участие подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, потерпевший (гражданский истец), их законные представители, защитники, прокурор. Судебное разбирательство по делам о примирении начинается с оглашения заявления потерпевшего о примирении. Суд заслушивает подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и потерпевшего (гражданского истца) об обстоятельствах совершенного преступления.

При этом суд выясняет: добровольность примирения и его мотивы; добровольность признания вины подозреваемым, обвиняемым, подсудимым; осознал ли он последствия совершенного им деяния и принял ли меры к заглаживанию причиненного вреда; не оказывалось ли на него или на потерпевшего (гражданского истца) какое-либо давление; вопросы, связанные с возмещением причиненного вреда; согласие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, их законных представителей на примирение. Затем суд заслушивает мнения защитника и прокурора.

Если в ходе судебного заседания будут установлены недобровольность примирения, признания вины, отказ от возмещения вреда, а также наличие в совершенном деянии признаков более тяжкого состава преступления, суд выносит определение о направлении дела прокурору для производства дознания или предварительного следствия по общим правилам. При отсутствии указанных обстоятельств суд принимает решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Представляется, что установление в УПК Беларуси подобных критериев окажет положительное влияние на использование прокурором своих дискреционных полномочий при решении вопроса о прекращении производства по уголовному делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим.

Таким образом, сравнительный анализ отдельных положений законодательства зарубежных государств, сохранивших общую с Республикой Беларусь правовую систему, может способствовать обогащению юридической науки и правоприменительной практики, совершенствованию национального законодательства, формированию надлежащей правовой процедуры уголовного судопроизводства и достижению его задач.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В АСПЕКТЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Корнева Т.С.

В науке о праве сложилось убеждение, что важнейшими признаками права являются формальная определенность и обязательность. Формальная определенность права предполагает, что правовые предписания отличаются точностью, четкостью, определенностью своего содержания [1, с.68].

Аналогичные требования точности и определенности формулировок положений предъявляются и к Федеральному закону о прокуратуре Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 (далее – Закон о прокуратуре).

Но поскольку деятельность прокуроров регулируется не только Законом о прокуратуре, а требования к прокурорской деятельности содержатся также в уголовно-процессуальном, гражданско-процессуальном законах и других нормативных актах, целесообразно, чтобы термины Закона о прокуратуре совпадали с терминами тех же понятий, отраженных в указанных нормативных актах.

Однако результаты сравнения положений Закона о прокуратуре и процессуального законодательства показали, что имеет место употребление различных терминов.

Так, положения ст. 1 Закона о прокуратуре содержат указание, что прокуроры в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации участвуют в рассмотрении дел судами, опротестовывают противоречащие закону решения судов.

Пункт 1 ст. 36 Закона «Опротестование судебных решений» гласит, что прокурор или его заместитель в пределах своей компетенции приносит в вышестоящий суд кассационный или частный протест либо протест в порядке надзора, а в арбитражный суд – апелляционную или кассационную жалобу либо протест в порядке надзора на незаконное или необоснованное решение приговор, определение или постановление суда.

Если обратиться к процессуальному законодательству, которым в соответствии с положениями ст. 1 и ст. 35 Закона о прокуратуре определяются полномочия прокурора, то согласно ст. 320 Гражданского процессуального кодекса от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ), ст. 389.3 Уголовно-процессуального кодекса от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) прокурор на незаконное решение суда приносит апелляционное представление, в соответствии с положениями ст. 376 ГПК РФ, ст. 401.2 УПК РФ – кассационное представление, в силу положений ст. 391.1 ГПК РФ, ст. 412.1 УПК РФ – представление в порядке надзора.

В статье 292 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) установлено, что вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов в Российской Федерации могут быть пересмотрены в порядке надзора по соответствующим делам по представлению прокурора [2, с 36–47].

Таким образом, формулировки Закона о прокуратуре, регулирующие полномочия прокурора по обжалованию судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, не соответствуют формулировкам процессуального законодательства. Ни в УПК РФ, ни в ГПК, ни в АПК РФ нет

упоминания о такой форме прокурорского реагирования при оспаривании прокурором судебного решения как протест. Процессуальное законодательство содержит требование о внесении прокурором апелляционного, кассационного представлений, представления в порядке надзора. Только в части возможности принесения прокурором протеста по делу об административном правонарушении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) и ч. 3 ст. 36 Закона о прокуратуре не противоречат друг другу. В то же время в соответствии со стст. 295, 318, 332 Кодекса административного судопроизводства от 08.03.2015 № 2-ФЗ на незаконные судебные решения прокурор приносит не протесты, а апелляционные, кассационные и надзорные представления [3, с. 1007–1008].

Однако несмотря на указание в нормах Закона о прокуратуре об опротестовании прокурором незаконных судебных решений, на практике прокурор на незаконное судебное решение по уголовным и гражданским делам приносит апелляционное, кассационное, надзорное представление в соответствии с процессуальным законодательством, а также надзорное представление на вступившее в силу решение Арбитражного суда. И только по делам об административных правонарушениях прокурор, принося протест, действует в соответствии как с КоАП РФ, так и с требованиями Закона о прокуратуре [3, с. 1008].

Этим неточности и неопределенность содержания Закона о прокуратуре не ограничиваются. Так, в ч. 1 ст. 36 Закона о прокуратуре указано, что прокурор приносит в вышестоящий суд частный протест, однако прокурор является должностным лицом, и указанная формулировка не может быть применима к прокурору. Часть 2 ст. 36 Закона о прокуратуре гласит, что прокурор или его заместитель вправе в пределах своей компетенции истребовать из суда любое дело или категорию дел, по которым решение, приговор, определение или постановление суда вступили в законную силу. Тогда как процессуальное законодательство указанного полномочия не содержит.

Статья 1 Закона о прокуратуре различает такие функции прокуратуры как уголовное преследование и участие прокурора в рассмотрении дел судами (в том числе, поддержание государственного обвинения). В то же время в ч. 2 ст. 35 Закона о прокуратуре законодатель ставит знак равенства между уголовным преследованием и участием прокурора в рассмотрении уголовных дел судами, закрепляя положения о том, что, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. Такая формулировка вносит неточность в понятие уголовного преследования. Исходя из положений ст. 1 Закона, прокурор осуществляет уголовное преследование и на досудебной стадии. Статья 35 Закона о прокуратуре ограничивает эту функцию только участием в рассмотрении судами уголовных дел.

Кроме того, в процессуальном законодательстве представитель прокуратуры, участвующий в рассмотрении дел судами, назван прокурором. Так, ч. 3 ст. 37 УПК РФ гласит, что в ходе судебного разбирательства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение. Часть 2 ст. 35 Закона о прокуратуре называет прокурора, выступающего в суде, государственным обвинителем.

Более того, различно и определение термина прокурор, данное в Законе о прокуратуре и УПК РФ. Сам Закон о прокуратуре в ст. 54 перечисляет всех лиц, относящихся к прокурору (Генеральный прокурор РФ, его советники, нижестоящие прокуроры и т.д.), действующих в пределах своей компетенции. Тогда как ст. 37 УПК РФ определяет прокурора как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

По мнению многих ученых, с целью соблюдения законности действия прокуратуры обязаны соответствовать целям и строгому смыслу правовых предписаний. Указанные же неточности и неопределенность Закона о прокуратуре, его несоответствие процессуальному законодательству, регулирующему деятельность прокуратуры, способствуют нарушению принципа законности организации и деятельности прокуратуры.

Поскольку прокуратура осуществляет свои полномочия только в строгом соответствии с законами, действующим на территории нашего государства, сами законы должны отвечать требованиям точности и определенности [4, с. 93].

Таким образом, с целью соблюдения законности при реализации прокуратурой своих задач необходима унификация терминов, регулирующих деятельность прокуроров, приведение в соответствие Закона о прокуратуре и указанных процессуальных законов.

Список цитированных источников

1. Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. И учеб. Пособие. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998, С. 68
2. Панченко В.Ю., Макаrchук И.Ю. Представление как правовое средство // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 36–47.
3. Тогулев В.М. Некоторые вопросы совершенствования законодательства о прокуратуре // Омские научные чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 1007–1008.
4. Ергашев Е.Р. Организация работы городской (районной прокуратуры): дис. ... канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2003, С. 93.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Лапцевич И.И.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних осуществляется государственными органами по различным сферам в зависимости от их специализации. Активная работа в данном направлении проводится, в том числе и органами прокуратуры.

Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» надзор на за соблюдением прав и свобод несовершеннолетних не выделяется в качестве самостоятельного направления деятельности органов прокуратуры. Однако в процессе осуществления надзора

за исполнением законодательства, исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания, соответствием закону судебных постановлений, соблюдением законодательства при их исполнении, соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера, при рассмотрении судами гражданских дел, поддержании государственного обвинения по уголовным делам, участии в административном процессе (ст. 4), органами прокуратуры принимаются меры по обеспечению гарантий реализации прав и законных интересов несовершеннолетних.

Для осуществления надзора за соблюдением законодательства в отношении несовершеннолетних в органах прокуратуры, в зависимости от их уровня, создаются специальные структурные подразделения или назначаются соответствующие работники. Однако в целом все работники прокуратуры, вне зависимости от направления осуществляемого ими надзора, в большей или меньшей степени сталкиваются с вопросами защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. При этом работники прокуратуры как непосредственно взаимодействуют с несовершеннолетними, так и осуществляют надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних.

Противодействие преступности несовершеннолетних – одно из приоритетных направлений уголовной политики, проводимой в Республике Беларусь. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних обусловлена гуманистическими, воспитательными и восстановительными тенденциями, и, соответственно, сужением применения мер уголовной репрессии. Принимая активное участие в ее реализации, органами прокуратуры пристальное внимание уделяется профилактике и противодействию противоправному поведению несовершеннолетних, выявлению причин и условий такого поведения, принятию мер к ресоциализации преступивших закон несовершеннолетних, недопущению криминализации их дальнейшего поведения, проведению иной работы, направленной активное взаимодействие как с самими несовершеннолетними, так и лицами, взаимодействующими с ними.

В особом отношении нуждаются несовершеннолетние, преступившие уголовный закон. При привлечении их к уголовной ответственности важно избрать такую форму ее реализации, которая будет необходимой и достаточной для исправления несовершеннолетнего, недопущения с его стороны последующего противоправного поведения.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в качестве одной из форм уголовной ответственности, реализуемой исключительно в отношении несовершеннолетних, предусматривает принудительные меры воспитательного характера (ст. 117). Являясь альтернативой наказанию, принудительные меры воспитательного характера ориентированы на минимальное применение карательной составляющей уголовного закона и максимальное воспитательное воздействие на несовершеннолетнего.

Принудительные меры воспитательного характера являются объектом внимания прокурора в следующих случаях:

- при поддержании государственного обвинения и принятии решения о целесообразности применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера с выражением своей позиции в судебных прениях;

– при осуществлении надзора за соответствием закону как не вступившего, так и вступившего в законную силу приговора суда, если судом принято решение о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера;

– при осуществлении надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора суда инспекциями по делам несовершеннолетних и специальными учебно-воспитательными и лечебно-воспитательными учреждениями, исполняющими принудительные меры воспитательного характера.

1. Изначально вопрос о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера решается в судебном заседании суда первой инстанции.

Государственным обвинителем решение о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного характера принимается при наличии установленных уголовным законом основания и условий, предусмотренных ст. 117 УК, исходя из анализа ряда обстоятельств: характера и степени общественной опасности совершенного преступления; характеристики личности несовершеннолетнего; постпреступного поведения виновного; раскаяния лица в совершенном деянии; подверженности влиянию несовершеннолетнего со стороны его родителей, лиц, их заменяющих; сформировавшихся личностных установок на асоциальное, противоправное или правомерное поведение и др. Перечисленные, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства в своей совокупности формируют у государственного обвинителя уверенность как в целесообразности применения принудительных мер воспитательного характера, так и отсутствии необходимости применения к лицу более строгих форм реализации уголовной ответственности. Поэтому принимая решение о применении принудительных мер воспитательного характера, и предлагая его суду, государственный обвинитель должен быть убежден в возможности исправления несовершеннолетнего посредством их применения.

2. При осуществлении надзора за соответствием закону как не вступившего, так и вступившего в законную силу приговора суда, если судом принято решение о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера, прокурором проверяется законность и обоснованность принятого судом решения. В том случае, если прокурор считает невозможным достижение целей уголовной ответственности вследствие мягкости вынесенного и не вступившего в законную силу приговора, т.е. несоответствия примененных к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера тяжести преступления и личности обвиняемого, он вправе принести апелляционный протест (п. 4 ч. 1 ст. 389, ст. 393 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). При аналогичных обстоятельствах пересмотр приговора в порядке надзора допускается в течение одного года по вступлении его в законную силу (ст. 406 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь).

3. При осуществлении надзора за соблюдением законодательства при исполнении принудительных мер воспитательного характера, в поле зрения прокурора попадает деятельность сотрудников органов внутренних дел и специальных учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений. Как представляется, при осуществлении данного вида надзора, помимо

соблюдения выполнения процедурных требований законодательства, особое внимание следует уделять самой воспитательной работе, которая проводится с несовершеннолетними осужденными.

Исполнение принудительных мер воспитательного характера предполагает организацию комплексного индивидуального подхода к исправлению и воспитанию каждого несовершеннолетнего осужденного, учитывающего особенности его личности, условия проживания, учебы, досуга. Это позволит оказать эффективное влияние на него не только в рамках минимальных требований уголовного и уголовно-исполнительного законов, но и повлиять на более углубленные процессы формирования и развития его нравственной личности. При проведении проверок прокурору следует также выяснять, требуется ли корректировка проводимой с несовершеннолетним воспитательной работы, является ли она эффективной и требуется ли замена ранее примененной принудительной меры воспитательного характера на более строгую (ч. 5 ст. 117 УК). Качество проведения воспитательной работы с несовершеннолетними, неформальное отношение к ней чрезвычайно важны, поскольку от этого зависит ресоциализация лица и его дальнейшее правомерное поведение.

Изучение судебной практики о применении судами принудительных мер воспитательного характера позволяет сделать вывод о высокой востребованности анализируемой формы реализации уголовной ответственности. Согласно статистическим сведениям, охватывающим практически весь период действия УК 1999 г., прослеживается тенденция количественного роста применения судами ст. 117 УК. Так, в 2003 г. ст. 117 УК применена в отношении 449 несовершеннолетних, что составило 7 % по отношению к общему количеству осужденных несовершеннолетних, в 2004 г. – 600 и 10,8 %, в 2005 г. – 766 и 14,6 %, в 2006 г. – 1 006 и 17,3 %, в 2007 г. – 970 и 19 %, в 2008 г. – 1 044 и 23,6 %, в 2009 г. – 606 и 22,5 %, в 2010 г. – 455 и 22,2 %, в 2011 г. – 442 и 22,3 %, в 2012 г. – 202 и 18,3 %, в 2013 г. – 160 и 16,4 %, в 2014 г. – 127 и 13,6 %, в 2015 г. – 176 и 16,0 %, в 2016 г. – 228 и 17,0 %, в 2017 г. – 252 и 21,0 %, в 2018 г. – 279 и 29,9 %, в 2019 г. – 190 и 26,1 %, в 2020 г. – 164 и 27,1 %, в 2021 г. – 260 и 29,7 % соответственно [1, с. 55, 63, 64, 66; 2, с. 27, 38, 46; 3].

Таким образом, одной из необходимых составляющих эффективной реализации уголовной политики, проводимой государством в отношении несовершеннолетних, выступает качественная работа прокурора при реализации принудительных мер воспитательного характера как на стадии принятия решения об их применении, так и на стадии их исполнения. Ответственный и взвешенный подход прокурора в таких случаях позволит реализовать воспитательный потенциал, заложенный законодателем в принудительных мерах воспитательного характера, свести к минимуму возможность несовершеннолетним в последующем преступить уголовный закон.

Список цитированных источников

1. Барков, А. В. Уголовная ответственность и формы ее реализации в отношении несовершеннолетних / А. В. Барков // Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие. В 2 кн. Кн. 1 Специализация в общих судах Республики Беларусь; редкол. : В. П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2013. – С. 55–70;

2. Правосудие по делам о несовершеннолетних: Республики Беларусь и международный опыт : учеб.-метод. пособие // УО «Институт переподготовки

и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» ; редкол. : А. В. Барков [и др.]. – Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2018. – 119 с.;

3. Судимость несовершеннолетних [Электронный ресурс]// Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: [http:// www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics](http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics). – Дата доступа: 22.04.2022.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Мартыненко И.Э.

В Год исторической памяти, объявленный Указом Президента Республики Беларусь от 1 января 2022 г. №1, особо важное значение представляет собой забота сохранности культурных ценностей, в которых воплощены итоги исторического и духовного развития народа Беларуси. Всего на государственном учете на начало 2022 г. состоит 2263 памятника археологии, что составляет 43 % от всех принятых на государственный учет историко-культурных ценностей.

Археологическое наследие входит в состав историко-культурного наследия, соотносится с последним как часть и целое. Археологическое наследие, являясь частью материальной культуры, включает следы человеческого обитания и состоит из мест, фиксирующих проявления деятельности человека, в том числе покинутых строений и руин (включая подземные и подводные) вместе со всем движимым культурным материалом. Однако в сравнении с другими объектами археологическое наследие обладает меньшей степенью (технической и юридической) защищенности от воздействий естественного (природного и временного факторов) и антропогенного (градостроительная деятельность, земляные работы, распашка земель для нужд сельского хозяйства) характера.

Специфику объектов археологического наследия как собирательного понятия (памятники археологии в земле или в водоемах; извлеченные из мест залегания археологические артефакты) определяет целый ряд таких обстоятельств, как: отсутствие внешних признаков у большинства памятников; местонахождения их в разной степени освоенных территориях (от населенных пунктов до труднодоступных мест, включая леса, болота); практическое отсутствие вынесенных на местность знаков границ зон охраны; фактическая невозможность обнаружения объектов на местности без участия не просто специалиста, а аттестованного археолога, что в значительной степени правоохранительную деятельность в данной сфере.

В этом смысле не составляет исключения организация прокурорского надзора, который направлен на общественно-полезный результат – обеспечение верховенства закона, единства законности при реализации гражданами своего права пользоваться достижениями культуры, иметь доступ к ценностям национального и мирового значения (стст.15, 51, 54 Конституции Республики Беларусь); исполнение требований законодательства (Кодекс Республики

Беларусь о культуре), в том в числе обеспечения сохранности археологического наследия. Поэтому задачи прокурорского надзора кроме традиционных (соответствие закону нормативных правовых актов, издаваемых (принимаемых) государственными органами и должностными лицами; осуществление надзора за точным, единообразным исполнением законов в сфере историко-культурного наследия; обеспечение законности привлечения виновных к ответственности, восстановление нарушенных прав и интересов средствами прокурорского надзора) могут включать специальные, как-то: проверка законности принятых органами государственного контроля (надзора) мер по устранению выявленных нарушений и привлечению виновных лиц к ответственности; принятие мер, обеспечивающих возмещение причиненного памятникам археологии ущерба; координация деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и профилактике преступлений (умышленного либо неосторожного уничтожения или повреждения памятников археологии, контрабанды археологических артефактов, хищений культурных ценностей из музеев; надругательства (вандализма), и др.); проведение профилактической работы по предупреждению нарушений законодательства об охране археологического наследия.

Объектом прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране археологического наследия является сфера правовых отношений, связанная с исполнением названного законодательства субъектами, указанными в ст. 26 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь», применительно к рассматриваемой области это: республиканские органы государственного управления (Министерство культуры); органы местного управления и самоуправления; областные (Минская городская) комиссии по археологическим объектам и археологическим артефактам; общественные объединения, комиссии и советы (Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, общественная наблюдательная комиссия при Министерстве культуры по охране историко-культурного наследия и др.); Белорусский республиканский научно-методический совет по вопросам историко-культурного наследия при Министерстве культуры; музеи как места сосредоточения культурных ценностей – археологических артефактов; религиозные организации; должностные лица; граждане, в том числе, индивидуальные предприниматели – собственники культурных ценностей.

Конечный результат прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране археологического наследия и его эффективность во многом зависят от правильной организации работы, под которой понимается комплекс взаимосвязанных действий (мероприятий), направленных на оптимизацию функционирования прокурорской системы по реализации стоящих перед ней целей и задач. В прокуратуре соответствующего уровня целесообразно иметь Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (в настоящее время доступен в электронном виде на сайте Министерства культуры), фотоснимки памятников археологии и их описание. Понимая специфику, о которой мы говорили выше, необходимо наладить деловое взаимодействие со специалистами: в качестве таковых могут привлекаться научные сотрудники Института истории НАН Республики Беларусь, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», а также учреждений высшего

образования, обеспечивающих подготовку специалистов по историческим специальностям (см. ст. 127 Кодекса о культуре).

Как показало многолетнее изучение проблемы, памятникиохранные органы фактически не выявляют нарушений законности, влекущих применение мер юридической ответственности (по требованию специально уполномоченных органов государственного контроля должностные лица и граждане к ответственности практически не привлекаются, исковые заявления в суды не предъявляются, в правоохранительные органы информация для возбуждения уголовного дела направляется редко). В период 2001–2022 гг. такие факты были единичны. Согласно сведениям *Единого государственного банка, данных о правонарушениях* всего за период после введения административной ответственности за незаконный поиск и оборот археологических артефактов (2017–2022 гг.) возбуждено 9 дел об административном правонарушении, предметом посягательств в которых являлись археологические артефакты.

А выявлять подобные правонарушения обязаны органы внутренних дел (которые без специалиста также вряд ли смогут эффективно работать по данному вопросу, что подтверждает практика), работники Министерства культуры, уполномоченные должностные лица органов местного управления и самоуправления. В итоге, зачастую невозможно привлечь виновного в разрушении кургана или уничтожении культурного (археологического) слоя, если только лицо не было задержано непосредственно в раскопе. Даже известны случаи, когда граждане избегали ответственности за незаконный поиск археологических предметов, их продажу, так как уполномоченные сотрудники терялись в способах закрепления доказательств, не ориентировались в классификации задержанных предметов. Считаем, что и предложенный Кодексом о культуре (ст. 128) механизм принятия решения об отнесении обнаруженных предметов к археологическим объектам или артефактам через упомянутые выше областные (Минская городская) комиссии по археологическим объектам и археологическим артефактам не удачен и может быть оптимизирован, что подтверждается его не востребованностью практикой (в некоторых областях такие заседания проводятся 1–2 раза в год, но при необходимости, конечно же, комиссии собираются чаще).

Поэтому в заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Опасность причинения вреда археологическому наследию вследствие нелегальных раскопок поставленных на государственный учет памятников археологии и выявленных (новых) объектов археологического наследия детерминирует необходимость выделения историко-культурного наследия вообще в качестве нового самостоятельного объекта национальной безопасности. В настоящее время можно говорить о культурной безопасности как составной части национальной безопасности, хотя такая терминология в действующей Концепции национальной безопасности не используется. Культурная безопасность представляет собой отсутствие факта угрозы историко-культурному наследию, а также готовность системы органов власти и управления, контроля и надзора осуществлять деятельность в опасных условиях (например, в чрезвычайной ситуации, чрезвычайного положения или во время военного положения), направленную на минимизацию, нейтрализацию и ликвидацию возникающих историко-культурному наследию угроз. Предложенный подход позволит по-новому определить задачи, решаемые субъектами правоохранительной деятельности: предлагаем к компетенции Министерства внутренних дел,

Государственного пограничного комитета, Государственного таможенного комитета, Министерства по чрезвычайным ситуациям отнести также осуществление защиты историко-культурного наследия.

2. Широкий спектр нарушений законодательства об охране археологического наследия вызывают необходимость принятия адекватных решений по их устранению средствами прокурорского надзора. Кроме традиционных протеста, представления, предписания, постановления, важная роль принадлежит иску прокурора, который должен заявляться по делам: о возмещении ущерба, причиненного памятнику археологии; о признании сделок, заключенных с исторической недвижимостью, недействительными; о прекращении деятельности, создающей угрозу существования материальной недвижимой историко-культурной ценности (памятнику археологии в нашем случае) и др.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Олейник А.В.

Создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности является одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь, что должно быть объектом пристального и постоянного внимания органов прокуратуры.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. В целях выполнения этих задач прокуратура осуществляет надзор, в том числе за соответствием закону судебных постановлений.

Прокурор вправе принести протест в суд, рассматривающий экономические дела, на решение суда первой инстанции в целях защиты государственных и общественных интересов независимо от обжалования его сторонами и иными лицами, участвующими в деле, а также лицами, не привлеченными к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, и их согласия на принесение протеста только в случае его участия в рассмотрении такого дела. В случаях принесения прокурором протеста в целях защиты интересов юридических лиц, не имеющих в уставном фонде доли государственной собственности, а также в целях защиты интересов индивидуальных предпринимателей или граждан прилагается письменное заявление, подтверждающее их согласие на принесение такого протеста (ч. 2 ст. 267 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК).

Согласно п. 3 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах рассмотрения дел в хозяйственном суде апелляционной инстанции» прокурор, принимавший участие в рассмотрении дела, вправе принести протест на решение суда первой инстанции. Право апелляционного опротестования судебных постановлений суда первой инстанции не распространяется на иных прокуроров, в том числе вышестоящих. Протесты, принесенные лицом, не имеющим право на опротестование судебного постановления, подлежат возвращению, а в случае принятия к производству суда апелляционной инстанции – оставлению без рассмотрения.

Кассационную жалобу (протест) на судебное постановление суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции, вступившее в законную силу, и судебное постановление суда, рассматривающего экономические дела, апелляционной инстанции, также вправе подать лица, участвующие в деле. Кассационную жалобу вправе подать также лица, не привлеченные к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу, если суд, рассматривающий экономические дела, принял судебное постановление об их правах и обязанностях (ст. 282 ХПК).

Таким образом, ХПК ограничивает права прокуроров в принесении апелляционных и кассационных протестов в случае неучастия их ранее в рассмотрении дела, в том числе и в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности.

По мнению В. П. Скобелева, такое правовое регулирование не в полной мере соответствует нормативным положениям, обязывающим прокуратуру осуществлять надзор за законностью судебных постановлений.

В результате проведенного сравнительного анализа институтов пересмотра судебных актов в гражданском и хозяйственном судопроизводстве В. П. Скобелевым указывается о значительных, по мнению автора, различиях, ограничивающих возможности прокурорского надзора в хозяйственном судопроизводстве.

Так, например, по гражданским делам прокурору или его заместителю предоставлено право принести апелляционный протест на не вступившее в законную силу решение суда независимо от участия в рассмотрении дела. При этом только помощники прокуроров, прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры вправе принести протесты на решения суда по делам, в рассмотрении которых они участвовали (ч. 3 ст. 399 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК).

По сравнению с ХПК, ГПК, безусловно, расширил круг участников гражданского судопроизводства, предоставляя более широкие возможности прокурорам по надзору за соответствием закону судебных постановлений.

В этой связи следует также отметить и зарубежный опыт. Так, в Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 257 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК), п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» к лицам, имеющим право на обжалование в порядке апелляционного производства

решения арбитражного суда первой инстанции, не вступившего в законную силу, отнесен и прокурор по делам, указанным в ч.1 ст. 52 АПК, даже если он не участвовал в рассмотрении этого дела в арбитражном суде первой инстанции.

Аналогичный подход применяется в Российской Федерации в отношении кассационного обжалования вступивших в законную силу судебных приказов, вынесенных арбитражным судом первой инстанции, решения арбитражного суда первой инстанции, если такое решение было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции или если арбитражный суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы, и постановления арбитражного суда апелляционной инстанции (ч.1 ст. 273 АПК, п.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»).

По нашему мнению, подход о предоставлении полномочий прокурорам по вступлению в хозяйственный процесс на стадии апелляционного и кассационного обжалования независимо от их участия в рассмотрении дела заслуживает внимания на основании следующего:

1) будет способствовать своевременному исправлению судебных ошибок, содействовать осуществлению задач правосудия по установлению истины по делу и вынесению законного и обоснованного решения;

2) в настоящее время согласно приказу Генерального прокурора Республики Беларусь от 5 февраля 2018 г. № 5 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» прокуроры ориентированы на усиление надзора за законностью правовых актов и решений (действий) республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, местных представительных, исполнительных и распорядительных органов, других организаций, должностных лиц в сфере предпринимательства. Прокурорам поручено добиваться отмены либо изменения противоречащих законодательству правовых актов, решений, прекращения незаконного действия, реального устранения нарушений законодательства путем принесения протеста или обращения с заявлением об их оспаривании в суд.

Наличие дополнительных правовых средств, обеспечивающих надлежащую реализацию целей и задач прокурорского надзора, станет дополнительной и важной гарантией защиты законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере правосудия, позволит активизировать и повысить эффективность прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности, что, в свою очередь, создаст дополнительные благоприятные условия для социально-экономического развития Республики Беларусь.

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ КАК УКРЕПЛЕНИЕ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Петрова О.В.

Одним из принципов уголовного процесса является принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон (ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). Несовпадение позиций сторон обвинения и защиты рождает спор, который составляет сущность состязательного судебного разбирательства.

В суде прокурор как государственный обвинитель и равная сторона в процессе реализует функцию обвинения в форме поддержания государственного обвинения в суде.

При этом государственный обвинитель отстаивает свою позицию путем реализации полномочий заявлять отводы и ходатайства; высказывать мнения по поводу действий других участников уголовного процесса, а также по вопросам, разрешаемым судом; представлять суду доказательств; изменять составленный следователем список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; давать органу дознания и органу предварительного следствия обязательные для них поручения по обеспечению представления суду доказательств; применять меры процессуального принуждения для обеспечения представления суду доказательств; участвовать в судебном исследовании доказательств уголовного дела; изменять, дополнять и предъявлять новое обвинение; отказаться от обвинения; протестовать против действий другой стороны; возражать против необоснованных или представляющих ему неправильными по другим основаниям действий председательствующего; требовать внесения в протокол судебного заседания возражений на указанные действия и записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены; реализуя иные полномочия (ст. 34 УПК).

Государственное обвинение, что возникает с момента согласия прокурора с постановлением следователя и направления дела в суд, можно рассматривать как результат надзорной деятельности прокурора и итог работы всей системы органов уголовного преследования в предшествующих стадиях. Всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела органом уголовного преследования до суда – залог обоснованного обвинения и успешного его поддержания в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, следует учитывать, что обвинение появляется гораздо раньше выполнения государственным обвинителем поручения по участию в рассмотрении дела в суде первой инстанции, а поддержание государственного обвинения должно быть «встроено» в систему осуществления уголовного преследования.

Более того, важно заметить, что поддержание государственного обвинения в суде является одним из направлений деятельности прокуратуры в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-З (далее – Закон) и, следовательно, подчиняется общим принципам организации ее работы.

Следует отметить, что государственный обвинитель выбирает тактику участия в судебном разбирательстве, исходя из своего внутреннего убеждения (ст. 293 УПК). При этом УПК предоставляет широкие дискреционные возможности прокурору распоряжаться обвинением (отказаться от обвинения или изменить обвинение).

Бесспорно, что решения государственного обвинителя об отказе от обвинения или его изменении должны быть максимально взвешенными и приниматься с точки зрения понимания места поддержания государственного обвинения в системе реализации уголовного преследования. Такие полномочия нужно рассматривать как исключительную возможность.

Так, основания отказа государственного обвинителя от обвинения в суде могут быть различными: в ходе судебного разбирательства может возникнуть вопрос об изменении уголовного законодательства, в частности, декриминализации деяний либо установлении уголовного преследования по тому или иному составу преступления в порядке частного обвинения, введении административной преюдиции и т.п.

Следует обратить внимание, что такое широкое личное усмотрение государственного обвинителя в соответствии с УПК входит в прямую конкуренцию с основными принципами деятельности прокуратуры – деятельность прокуратуры осуществляется на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам, в том числе Генеральному прокурору Республики Беларусь (ст. 5 Закона).

Фактически с точки зрения буквального толкования принципов уголовно-процессуального регулирования отказ от обвинения долгое время мог быть немотивированным и строиться на личном усмотрении государственного обвинителя, а возможностей исправить ошибку фактически не существовало, и эффективных способов последующего контроля за таким решением не существует и в настоящее время.

Прекращение производства по уголовному делу в стадии судебного разбирательства по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 303 УПК, если оно было принято с соблюдением процедуры, крайне сложно может быть оспорено в вышестоящей инстанции.

Новеллы Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» от 26 мая 2021 г. № 112-3 закрепили дополнительные гарантии должной реализации функции обвинения в данном направлении.

Так, обязанность государственного обвинителя, отказываясь от обвинения (полностью или частично), изложить суду мотивы и основание такого решения, предусмотренные ст. 357 УПК (основания постановления оправдательного приговора), исключают немотивированный отказ, а также способствуют самодисциплине при реализации им полномочий в суде.

При отказе государственного обвинителя от обвинения обязательно учитывается мнение потерпевшего и гражданского истца или их представителей.

Следует заметить, что новеллы исключили упоминание так называемого «субсидиарного» обвинения, т.е. такого обвинения, что поддерживает потерпевший, гражданский истец, их представители при отказе государственного обвинителя от обвинения. Вместе с тем закон не дает ответа, каким образом осуществляется производство по делу в случае полного отказа государственного обвинителя от обвинения, если такое решение не было

поддержано указанными лицами. Представляется возможным сохранить данное право для указанных лиц при отказе государственного обвинителя от обвинения.

Новеллы уголовно-процессуального закона требуют учитывать мнение потерпевшего при изменении обвинения, что раньше не было предусмотрено законом. Так, в соответствии со ст. 293 УПК, если государственный обвинитель изменил обвинение и на прежнем обвинении не настаивает потерпевший, суд рассматривает дело по новому обвинению.

Кроме того, была представлена возможность государственному обвинителю заявлять ходатайства о приостановлении судебного разбирательства для устранения процессуальных препятствий для оформления и предъявления нового обвинения (п. 5 ст. 302 УПК). Фактически такая возможность должна предшествовать реализации полномочий государственным обвинителем, предусмотренным ст. 301 УПК: после устранения препятствий для оформления и предъявления нового обвинения возможно непосредственно составление нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении нового обвинения.

Закон не разъясняет сущность препятствий, что могут иметь место для предъявления нового обвинения. Представляется, что таковые могут лежать скорее в плоскости доказательственной базы, чем в принятии процессуальных решений.

Помимо указанного следует обратить внимание, что право требовать приостановления производства в суде первой инстанции для получения новых доказательств законодатель сохранил только за государственным обвинителем. Представляется, что с учетом того, что суд при приостановлении предлагает именно государственному обвинителю организовать проведение дополнительно следственных и иных процессуальных действий в порядке, предусмотренном УПК для получения новых доказательств, реализовать такие полномочия для проверки доводов защиты представляется затруднительным.

Более того, в силу принципа презумпции невиновности недостаточность доказательств в судебном разбирательстве должна влечь за собой принятие однозначного решения – постановление оправдательного приговора.

Таким образом, новеллы уголовно-процессуального закона в большей степени предусматривают преимущество в реализации дискреционных полномочий государственного обвинителя принципу подчиненности нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам, способствуют формированию продуманных решений, тем самым укрепляя систему органов уголовного преследования при противодействии преступности.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ ПРОКУРОРА НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Плюсиков Д.В.

Завершающей стадией административного процесса выступает исполнение административных взысканий. Наиболее распространенным их видом выступает штраф, который при его неуплате принудительно взыскивается судебными исполнителями. Ими также взыскивается ущерб, причиненный административным правонарушением, исполняются такие меры административной ответственности, как конфискация и взыскание стоимости. Введенным в действие с 1 марта 2021 г. ПИКоАП установлены ограничения по контролю за правильным и своевременным исполнением постановлений по делам об административных правонарушениях: соответствующие полномочия судей или должностным лицом органа, ведущего административный процесс, не реализуются, если эти постановления исполняются органами принудительного исполнения. Контрольные мероприятия в таком случае согласно ст. 18 Закона Республики Беларусь «О судебных исполнителях» носят лишь ведомственный характер и осуществляются Министерством юстиции, главными управлениями юстиции облисполкомов (Минского горисполкома), руководителями органов принудительного исполнения.

При таких обстоятельствах существенно возрастает значение прокурорского надзора, осуществляемого при исполнении административных взысканий и являющегося необходимым средством реализации принципа законности на анализируемой стадии административного процесса.

Выведение исполнительного производства за рамки ГПК и ХПК в связи со вступлением в 2017 г. в силу Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» юридически оформило межотраслевой характер данного института процессуального права.

Согласно ч. 5 ст. 14.2 ПИКоАП (закрепленной в главе 14, которая является одним из структурных элементов раздела III «Административный процесс» Процессуальной части ПИКоАП) постановление о наложении административного взыскания приводится в исполнение в порядке, определенном данным Кодексом или иными актами законодательства. В силу ст. 16.1 ПИКоАП законодательство об исполнении административных взысканий состоит не только из этого Кодекса, но и из иных актов законодательства, определяющих порядок и условия исполнения административных взысканий. Поэтому Закон Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» является частью законодательства об исполнении административных взысканий.

Анализ структуры ПИКоАП позволяет утверждать, что нормы законодательства об исполнении административных взысканий регулируют также порядок возмещения имущественного ущерба, причиненного административным правонарушением (глава 24 включена в раздел IV ПИКоАП).

Практика свидетельствует о том, что наиболее распространенным нарушением в деятельности органов принудительного исполнения является неполнота исполнительных действий (непринятие исчерпывающих мер по проверке имущественного положения должников (и супругов физических лиц), необращение взыскания на доходы лиц, подвергнутых административным взысканиям, и иное их имущество и т. д.). С точки зрения Закона Республики

Беларусь «Об исполнительном производстве» данные обстоятельства определяются как бездействие судебных исполнителей.

Иногда исполнительные действия совершаются с нарушениями требований указанного Закона. Отдельные из них могут быть устранены только при условии признания таких действий незаконными (например, обращение взыскания на денежные средства должников, на которые оно не может быть обращено).

Решения в рамках исполнительного производства оформляются в виде постановлений. Нарушения при их вынесении заключаются в незаконности и (или) необоснованности принятых постановлений.

Необоснованны решения, когда постановления о наложении административных взысканий, исполнение по которым не произведено или произведено частично, возвращаются взыскателям со ссылкой на проживание должников в иностранных государствах в случае непринятия исчерпывающих мер по выявлению их имущества на территории Республики Беларусь, по месту нахождения которого могут совершаться исполнительные действия.

С принятием нового ПИКоАП характерны нарушения законодательства, связанные с прекращением исполнения постановлений о наложении взысканий в виде штрафа, конфискации, взыскания стоимости, а также возвратом после возбуждения исполнительного производства взыскателю постановлений, которыми применены указанные меры административной ответственности, взыскан ущерб, причиненный правонарушениями, и с приостановлением соответствующих исполнительных производств.

В первом случае речь идет о том, что при прекращении исполнения необходимо учитывать два фактора: не только истечение двухлетнего срока с момента вступления постановления по делу об административном правонарушении в силу, но и отсутствие у подвергнутого взысканию лица денежных средств и иного имущества, на которые может быть обращено взыскание (ч. 3 ст. 14.5 ПИКоАП). Для этого необходима полная и всесторонняя проверка имущественного положения должника, которая не всегда осуществляется должным образом.

Во втором и третьем случаях (возврат исполнительного документа и приостановление исполнительного производства) суть вопроса заключается в том, что принятие указанных решений по постановлениям о наложении административных взысканий в части имущественных взысканий не допускается, независимо от того, взыскивается штраф (исполняется конфискация, взыскание стоимости) или имущественный ущерб. Это следует из комплексного анализа ст. 49 и ст. 53 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», ст. 4.1 КоАП, ст. 12.11, главы 24 ПИКоАП.

Единственным процессуальным правовым средством прокурорского реагирования на выявляемые нарушения законодательства при исполнении анализируемых мер административного принуждения, закрепленным в Законе Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», является протест. Иные акты прокурорского надзора такими средствами не являются, ПИКоАП и указанным Законом не предусмотрены, а на заключительной стадии административного процесса применяются в непроцессуальном порядке.

Характерной особенностью протеста является то, что он, как правило, приносится по одному исполнительному производству (в некоторых случаях может подаваться один протест на связанные между собой постановления

и действия (бездействие) по нескольким исполнительным производствам), носит комплексный характер, направлен на системное устранение нарушений с одновременной отменой незаконных и необоснованных решений судебного исполнителя. Именно признание таких решений в связи с принесенным протестом не имеющими юридической силы позволяет возвратить необоснованно взысканные суммы, возобновить оконченное, в том числе прекращенное, или приостановленное исполнительное производство, определить конкретные подлежащие совершению по нему исполнительные действия.

Поскольку Закон Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» является частью законодательства об исполнении административных взысканий, протесты, приносимые руководителям органов принудительного исполнения (во внесудебном порядке), носят административно-процессуальный характер.

ГПК и ХПК закрепляют нормы самостоятельных отраслей процессуального права. Они не являются законодательными актами об исполнении административных взысканий. Поэтому протесты, приносимые в судебном порядке (после внесудебного опротестования или в связи с их непосредственной подачей в суд), также являются мерами процессуального реагирования, однако реализуются за пределами административного процесса, в рамках иных (гражданских и хозяйственных) процессуальных правоотношений.

В заключение сформулируем следующие выводы:

1) мерой процессуального реагирования прокурора на нарушения законодательства при исполнении постановлений по делам об административных правонарушениях является протест;

2) протест по вопросам, связанным с исполнением постановлений по делам об административных правонарушениях, приносится в рамках административных, гражданских, хозяйственных процессуальных правоотношений;

3) в протесте могут содержаться требования об отмене решений судебных исполнителей либо о признании незаконными их активного (действия) или пассивного (бездействия) поведения в любой комбинации;

4) протест приносится, как правило, по одному исполнительному производству.

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Полящук Н.А.

За 100-летнюю историю своего существования прокуратура всегда занимала особое место в системе государственных органов, и основным ее назначением являлось обеспечение законности и правопорядка. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) прокуратура представляет собой единую и централизованную систему органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами.

Законность – достаточно часто употребляемое понятие, которое, на первый взгляд, воспринимается всеми однозначно. Законность, как правило, определяется как точное и неуклонное соблюдение и исполнение законов, иных нормативных правовых актов всеми государственными органами, иными организациями, гражданами. В то же время в научной литературе предложено несколько десятков вариантов трактования законности, что обусловлено как объективными (сложность, абстрактность рассматриваемого явления), так и некоторыми субъективными причинами [1, с. 423]. Законность понимается и как идея, и как требование общеобязательности права, и как один из основных принципов права, и как свойство юридической деятельности, и как метод государственного руководства обществом (в том случае, когда государство осуществляет управление обществом путем издания разнообразных нормативных правовых актов, обеспечивает реализацию содержащихся в них предписаний), и как режим общественной жизни (достаточно часто применяемая характеристика, в том числе и в рамках осуществления прокурорского надзора).

Анализируя содержание законности, ряд авторов отмечает, что ее требования (принципы) касаются, прежде всего, различных форм реализации права. При этом все принципы законности предполагают наличие совершенного законодательства [1, с. 426], поскольку в отдельных случаях наличие в нем недостатков (например, неопределенность, коллизионность, дискреционность) может способствовать совершению правонарушений. В этой связи предлагается многоуровневый подход к законности, в соответствии с которым различается правотворческая (легитимность и высокое качество Конституции, принятие (издание) всех остальных нормативных правовых актов в строгом соответствии с ней) и правореализующая законность. Как следствие, среди специальных юридических гарантий законности называются высокое качество законодательства, осуществление контроля и надзора за законностью, деятельность правоохранительных органов государства, обеспечение неотвратимости юридической ответственности и т. д.

С конструкцией законности органично связана и категория правопорядка, применяемая для характеристики состояния организованности, упорядоченности общественных отношений, которое возникает в результате их регламентации правовыми нормами и реализации содержащихся в них правовых предписаний. Правопорядок в обществе достигается тогда, когда деятельность всех субъектов права является правомерной, когда надлежащим образом осуществляются субъективные права и исполняются юридические обязанности. Таким образом, правопорядок – это своего рода конечный результат реализации правовых предписаний, т. е. итог воплощения законности.

Учитывая изложенное, следует отметить, что обеспечение законности и правопорядка во многом определяется наличием совершенного законодательства, и, в частности, зависит от того, насколько качественно и эффективно этим законодательством осуществляется правовое регулирование общественных отношений.

Одним из инструментов, позволяющих значительно повысить уровень нормотворческой и правоприменительной деятельности, и, в свою очередь, способствующих обеспечению законности и правопорядка, является правовой мониторинг. Данный институт направлен на систематический анализ и оценку

качества законодательства, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений.

В соответствии со ст. 75 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» нормотворческие органы (должностные лица), а также иные уполномоченные государственные органы (организации) в пределах своей компетенции осуществляют правовой мониторинг. Помимо непосредственно нормотворческих органов, согласно п. 4 Инструкции о порядке проведения правового мониторинга, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2019 г. № 65, иные государственные органы осуществляют правовой мониторинг в отношении нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере деятельности (отрасли), в которой данные государственные органы проводят государственную политику, осуществляют регулирование и управление. Таким образом, органы прокуратуры входят в число субъектов, уполномоченных осуществлять правовой мониторинг.

Закон о прокуратуре не содержит понятия «мониторинг». Однако в рамках реализации задач и выполнения функций, возложенных на прокуратуру, она занимает особое положение в механизме правового мониторинга. Это обусловлено тем, что прокурорский надзор тесно связан с системным анализом законодательства и правоприменительной практики. Главная особенность мониторинговых мероприятий, проводимых прокурорами, состоит в том, что ими отслеживается состояние охраны и защиты прав и свобод граждан, публичных интересов и законности в сферах правотворчества и правоприменения.

В силу предоставленных законом полномочий при осуществлении надзора за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов прокуратура как никакой иной государственный орган на основе правоприменительной практики видит объективную картину состояния законодательства, в том числе неполноту, неопределенность, противоречивость правовых предписаний и другие недостатки правового регулирования, поэтому осуществление правового мониторинга является важным направлением деятельности прокуратуры и необходимым элементом общегосударственной системы ее выполнения.

Вместе с тем мониторинговая деятельность является дополнительной для органов прокуратуры, и она не должна подменять надзорную и иную функциональную деятельность. В этой связи следует различать прокурорский надзор и деятельность по проведению правового мониторинга.

Правовой мониторинг является информационно-аналитическим средством повышения качества надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры, он необходим для более обоснованного применения мер прокурорского реагирования и принятия управленческих решений, связанных с реализацией функций прокуратуры [2, с. 10].

Важное значение для правового мониторинга имеет информация, собираемая и аккумулируемая в ходе осуществления прокурорского надзора. В частности, при выполнении своих функций у прокуроров появляется информация о состоянии нормотворческой деятельности, законодательства и правоприменительной практики. Сведения о потребности в правовом регулировании, пробелах и противоречиях законодательства, недостатках его

применения собираются прокурорами в ходе осуществления надзора, уголовного преследования, участия в рассмотрении дел судами, в правотворческой деятельности, в ходе координации деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией, профилактики правонарушений, международного сотрудничества; данные о состоянии правового регулирования прокуратуры получают также при участии в заседаниях государственных органов и иных государственных организаций; сведения о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики должны обобщаться в процессе рассмотрения и разрешения прокурорами заявлений, жалоб и иных обращений граждан и организаций.

Основой содержания правового мониторинга, проводимого прокуратурой, являются сбор и анализ сведений о состоянии законности и правопорядка, включая удовлетворение потребностей в правовой регламентации общественных отношений. Указанная информация подлежит обобщению органами прокуратуры при осуществлении всех своих функций.

Таким образом, в рамках обеспечения законности и правопорядка правовой мониторинг и прокурорский надзор выступают как взаимосвязанные и взаимодополняющие инструменты, способствующие совершенствованию законодательства и практики правоприменения, принятию мер по надлежащей реализации нормативных правовых актов.

Список цитированных источников

1. Лазарев, В. В. Теория государства и права: учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Спарк, 2000. – 511 с.
2. Осуществление правового мониторинга как одно из приоритетных направлений участия прокуратуры в правотворческой деятельности: лекция по дисциплине «Прокурорский надзор» / О. В. Янчуркин, А. А. Жидких, Т. Э. Зульфугарзаде. – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. – 34 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ С УЧЕТОМ ПРОИСХОДЯЩИХ ПРОЦЕССОВ

Рубцова М.В.

Основные направления развития транспортной системы в мире и в России завязаны на видах транспорта: железнодорожный, водный, воздушный, наземный, трубопроводный. Определение направлений развития осуществляется путем разработки стратегий транспортной системы. В России на данный момент приняты две стратегии: среднесрочная до 2024 г. и долгосрочная до 2035 г.

В условиях неблагоприятных внешнеполитических и экономических факторов прокурорам поручено активизировать надзор за соблюдением законодательства в сфере обеспечения бесперебойного и безаварийного функционирования транспортного комплекса, его антитеррористической защищенности, а также за соблюдением прав пассажиров. В связи с этим прокурорами проводятся как плановые, так и внеплановые мероприятия

по поступающим сообщениям о происшествиях и грубом нарушении прав граждан. Также активизируются надзорные мероприятия, связанные с поддержкой тех мер, которые принимает правительство в части финансирования сферы транспорта и расходования денежных средств. Проверочные мероприятия в сфере авиации продолжают оставаться приоритетным направлением надзорной деятельности с учетом новых условий работы авиакомпаний. Например, как и прежде, будут проводиться проверки, направленные на то, чтобы не допустить на рынок контрафактных авиазапчастей, а также на соблюдение требований, связанных с безопасностью полетов.

По данным Росавиации, в 2021 г. задержано более 23 тыс. рейсов, четверть из них – по метеоусловиям. Генеральная прокуратура Российской Федерации предложила Минтрансу России проработать вопрос о введении специальной административной ответственности перевозчиков за задержки рейсов. Тогда авиакомпаниям будет выгоднее соблюдать требования законодательства, нежели платить повышенные штрафы. Пока же прокуроры в таких случаях возбуждают дела об административных правонарушениях за несоблюдение прав пассажиров.

В настоящее время законодательство накладывает ограничения на деятельность в районе аэродромов. Например, есть запреты на размещение объектов, которые создают угрозу для безопасности полетов. Прежде всего это высотное строительство. Оно может негативно повлиять на авиационное радиотехническое и навигационное оборудование, а также стать источником выбросов, которые ухудшают видимость для экипажей самолетов. Возникающие отходы, в свою очередь, могут привлечь птиц. Поэтому операторы аэродромов, инспекторы Ространснадзора и транспортные прокуроры проводят мониторинг незаконного размещения объектов. К сожалению, имеются примеры и незаконных действий, иногда они основаны на недостатках и пробелах в законодательстве. Например, когда строительство объектов согласовывают без учета требований безопасности полетов.

В 2021 г. имелась негативная динамика аварийности на воздушном транспорте. Произошло 31 авиационное происшествие, погиб 71 человек (в 2020-м – 36 происшествий, 35 погибших). Поэтому надзорные усилия транспортных прокуроров были сконцентрированы на вопросах законности в этой сфере. Генеральной прокуратурой Российской Федерации организована проверка, в ходе которой транспортные прокуроры выявили нарушения при подготовке авиаперсонала. Образовательные организации и авиакомпании не всегда обеспечивали кадровые и материально-технические условия подготовки. Допускались случаи, когда авиаспециалистов обучали по неутвержденным программам. При этом из-за несоответствия нормативов финансирования авиационных учебных заведений их реальным потребностям только после вмешательства Генпрокуратуры Минфин выделил дополнительные бюджетные средства. И это позволило курсантам Ульяновского института гражданской авиации, которые в 2018–2020 гг. не могли получить дипломы, завершить в прошлом году летную практику.

Меры прокурорского реагирования активизировали работу операторов аэродромов и Росавиации по установлению приаэродромных территорий, которые на начало 2020 г. были определены всего по 30 % гражданских аэродромов. В настоящее время решения приняты уже по 196 (95 %) из 206 аэродромов, остальные находятся на различных стадиях согласования. При этом установлено, что территориальными управлениями Росавиации строительство

объектов согласовывалось без учета требований безопасности полетов и без санитарно-эпидемиологических заключений. Выявлялись недостатки в области нормативно-правового регулирования, в том числе отсутствие авиационных правил, регламентирующих выполнение отдельных видов авиаработ, сертификации аэродромного оборудования, порядок орнитологического обеспечения полетов, процедуры аккредитации центров по сертификации авиационной техники, одобрения деятельности линейных станций по техническому обслуживанию воздушных судов. Несмотря на повторяющиеся столкновения воздушных судов с проводами линий электропередачи, вопрос необходимости их маркировки в соответствии со стандартами и рекомендуемой практикой ИКАО (Международная организация гражданской авиации) не решен. Генеральная прокуратура Российской Федерации проинформировала о ситуации в авиационной отрасли Президента и Председателя Правительства. По поручению Правительства в настоящее время Минтранс реализуются мероприятия по совершенствованию воздушного законодательства.

На железнодорожном транспорте в 2021 г. отмечено снижение наиболее серьезных происшествий. На объектах железнодорожной инфраструктуры допущено 14 крушений и две аварии (в 2020 г. было 20 крушений и три аварии). После того как в июле прошлого года в Забайкальском крае обрушилась опора железнодорожного моста и остановилось движение на Транссибе, Генпрокуратура России проинформировала правительство о проблемах в этой сфере. В результате Минтранс разработал и утвердил 16 ноября методические рекомендации по содержанию искусственных сооружений. В настоящее время Генеральная прокуратура России работает над внесением изменений в Федеральный закон № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации». Их смысл состоит в расширении полномочий Минтранса России в сфере издания нормативных правовых актов, регулирующих вопросы содержания железнодорожной инфраструктуры.

В 2021 г. транспортные прокуроры по поручению Генерального прокурора Игоря Краснова проводили проверки исполнения федерального законодательства при строительстве и содержании объектов ж/д инфраструктуры, предназначенных для движения граждан. Речь идет о пешеходных переходах, тоннелях, мостах. Выяснилось, что количество травмированных людей остается на высоком уровне. В 2021 г. пострадало 1946 человек, из них погибло 1326 (в 2020-м пострадало 1968, 1320 погибло). Причины этого преимущественно связаны с тем, что пострадавшие нарушали правила безопасности – переходили железнодорожные пути в неустановленных для этого местах и перед приближающимся локомотивом.

После этого транспортные прокуратуры на основе статистических данных создали карты и реестры травмоопасных участков на железной дороге. Прокуроры с участием органов местного самоуправления и полиции отслеживают наиболее опасные и популярные у граждан места пересечения железнодорожных путей. Как правило, такие «народные тропы» находятся рядом с организованными пешеходными переходами. Полученные данные используются для принятия мер, направленных на профилактику. Опасные участки огораживают.

В 2021 г. прокуроры выявили 9,5 тыс. нарушений в сфере транспортной безопасности, для их устранения вынесли более 3 тыс. представлений, в суды

направили 523 иска и принесли 75 протестов. В итоге к ответственности привлекли свыше 1,8 тыс. лиц. После вмешательства прокуратуры Росавиация, Росжелдор и Росморречфлот активизировали работу по категорированию 2,7 тыс. объектов транспортной инфраструктуры. Для более 29 тыс. объектов и транспортных средств железнодорожного, воздушного и водного транспорта, которые не подлежат категорированию, разработали и согласовали паспорта для обеспечения транспортной безопасности. Прокуратура потребовала разработать регламент согласования эквивалентных мер для обеспечения защищенности аэропортов. Это следовало сделать из-за недостатков правового регулирования. Новый документ закрепляет меры для необходимой охраны более 100 аэропортов. Теперь обеспечена защита всех крупных воздушных гаваней.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Можаева Л.Е., Савченко Д.Г.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) на территории Республики Беларусь носит преимущественно негласный характер и непосредственно связана с ограничением прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в данный специфический вид деятельности.

ОРД представляет собой уникальную внепроцессуальную деятельность, осуществляемую специальными средствами и методами.

Обращаясь к основному нормативному акту, регулирующему общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления ОРД посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, а именно к Закону Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»), можно отметить, что рассматриваемая деятельность направлена не только на решение задач в рамках деятельности органов предварительного следствия по расследованию и раскрытию преступлений.

Содержанием ст. 3 Закона «Об ОРД» предусматривается выполнение таких задач как:

- установление персональных данных граждан, которые погибли (умерли);
- установление персональных данных лиц, которые в силу состояния здоровья или возраста не могут сообщить о себе сведения.

Примечательно, что в первом случае не требуется наличия оснований предполагать, что их гибель (смерть) наступили в результате преступного посяательства. Считаем, что такие задачи выходят за рамки уголовного производства, они относятся к общим поисковым задачам в рамках различных правовых институтов.

Отметим, что в Республике Беларусь надзор за такой специфической деятельностью осуществляют не все прокуроры, а лишь Генеральный прокурор Республики Беларусь и уполномоченные им прокуроры в пределах их компетенции.

Считаем вполне уместным и обоснованным выделение законодателем надзора за ОРД в отдельную отрасль с определением самостоятельного предмета

надзорной деятельности, так как при осуществлении ОРД важно четко определять и понимать грань между правомерным ограничением и явным нарушением прав и свобод лиц, участвующих в ОРД, ввиду вероятности того, что лица, осуществляющие либо осуществлявшие содействие органам, уполномоченным на осуществление ОРД, иные участники данной деятельности не всегда и не в полной мере владеют знанием действующего законодательства касательно своих прав, свобод и обязанностей.

Следовательно, они могут быть неправомерно ограничены и даже нарушены, а потерпевшее лицо в силу вышеуказанных фактов не сможет каким-либо образом обеспечить их защиту, что, в свою очередь, может повлечь нарушение законодательства, которое будет иметь латентный характер.

Несмотря на то, что предметом надзора за ОРД является соответствие законодательству правовых актов и решений (действий) органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и их должностных лиц, данное понятие включает в себя широкий спектр документации, посредством которой фиксируются различные действия должностных лиц органов, осуществляющих ОРД.

К примеру, расходование бюджетных средств в рамках секретного делопроизводства. Осуществление прокурорского надзора за данными действиями представляется трудноосуществимым либо вовсе невозможным ввиду того, что личность лица, получающего денежные средства вследствие оказания органам, осуществляющим ОРД, содействие на конфиденциальной основе, засекречена.

Вследствие изначальной недоступности сведений такого рода для прокурорских работников может сложиться ситуация, при которой доходы, полученные физическим лицом за оказание содействия органам, осуществляющим ОРД, могут попасть в поле зрения контролирующих органов в рамках рассмотрения данных денежных средств в качестве незаконно полученных (так как такие денежные средства не подлежат декларированию), а после – и в поле прокурорского надзора. Исходя из этого, возникает вопрос правового регулирования прокурорского надзора в рамках обозначенного направления, так как информация касательно агентурного аппарата органов, осуществляющих ОРД, засекречена.

В продолжение рассматриваемого вопроса считаем необходимым отметить, что из содержания ст. 38–39 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь вытекает положение о том, что орган дознания наделен правом осуществления ОРД. Несмотря на то, что ОРД в структуру дознания не входит, однако неразрывно с ней связана. Однозначного разграничения данных функций в государственных органах не предусмотрено, что возлагает на прокуратуру необходимость соотнесения двух разных видов деятельности одного органа в рамках осуществления надзора.

Также проблемное поле исследования обусловлено, на наш взгляд, секретностью ОРД, ее методологии и практического применения. Такая деятельность регламентируется ведомственными нормативными актами, которые могут отличаться в зависимости от специфики, материального и технического обеспечения того или иного ведомства.

Стоит отметить, что Законом «Об ОРД» предусмотрено представление прокурору сведений о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие

на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, которые участвуют или участвовали в оперативном внедрении, штатных негласных сотрудников. Это происходит лишь с письменного согласия указанных лиц, за исключением случаев привлечения их к уголовной ответственности. Однако положений об обязательном уведомлении прокурора о факте заведения и прекращения дела оперативного учета в Законе «Об ОРД» не содержится.

Также отсутствуют нормы о возможности проверки таких дел со стороны прокурора как на момент их заведения, так и в процессе дальнейшей работы с ними, а также на момент их прекращения, что может способствовать фактам нарушения законодательства, носящим высоко латентный характер.

На наш взгляд, некоторые проблемы можно разрешить путем предоставления большому числу прокурорских работников допуска к сведениям, составляющим государственные секреты в законодательно установленном порядке. Считаем это вполне обоснованным ввиду обязательного прохождения специальной процедуры в целях получения соответствующего допуска, а также существования специализированной структуры, обеспечивающей должный уровень защищенности сил и средств прокуратуры, предупреждение и пресечение правонарушений со стороны сотрудников и гражданского персонала ведомства.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить следующее:

1. Прокурорский надзор за ОРД – особый вид надзорной деятельности, осуществляемый специально уполномоченными прокурорами от имени Республики Беларусь.

2. В отличие от иных направлений прокурорского надзора, которым присущи гласность и открытость, в рассматриваемом направлении предполагается строгое соблюдение конспирации, использование негласных методов получения и фиксации информации, требующие от специально уполномоченного прокурора наличия допуска к информации соответствующей категории секретности, а также особого внимания сотрудников собственной безопасности по отношению к таким прокурорам.

3. Считаем целесообразным расширение полномочий прокурора, осуществляющего надзор за законностью при осуществлении ОРД в рамках, предложенных нами выше.

Выработать правильный подход и определить рамки возможно путем проведения совместных совещаний с представителями и руководящим составом органов, осуществляющих ОРД, в целях совершенствования теоретических и практических основ стратегии эффективного паритетного взаимодействия при выполнении основополагающей задачи всех государственных правоохранительных и надзорных органов – борьбы с преступностью.

4. Представляется возможным разграничить такие направления прокурорского надзора, как: надзор за законностью при производстве предварительного следствия и дознания, так как последние два направления изложены в одной главе Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 года № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь». Ввиду того, что ОРД и дознание осуществляют тождественные органы по обозначенным ранее мотивам считаем возможным выделить надзор за законностью при производстве дознания в отдельную главу.

РАСШИРЕНИЕ ДИАПАЗОНА МЕР ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Савчук Т.А.

Прокурорский надзор за соблюдением законности в ходе досудебного уголовного производства всегда был неотъемлемой и важной частью деятельности прокуратуры Республики Беларусь. Объем полномочий, которыми наделялся прокурор в обозначенной сфере, с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) подвергся существенным изменениям в 2012 г. в связи с созданием Следственного комитета Республики Беларусь, что привело к утрате прокурором полномочий по процессуальному руководству предварительным следствием. Но уголовно-процессуальная практика показала поспешность такого решения, очевидность которого подтверждается корректировками УПК 2021 г. в части расширения и уточнения отдельных полномочий прокурора при осуществлении надзора в ходе досудебного производства.

Статья 34 УПК закрепляет комплекс полномочий прокурора в досудебном производстве, при производстве дознания и предварительного следствия, среди которых особое место занимают полномочия прокурора по реагированию на нарушения законности в обозначенной сфере. Неизменными и самыми распространенными среди них являются постановления прокурора, в которых формулируются решения прокурора об отмене незаконных и необоснованных постановлений органа дознания и предварительного следствия.

В 2012 г. полномочия прокурора дополнились новой мерой реагирования на нарушения законности – требованием прокурора об устранении нарушений законодательства в ходе дознания и предварительного следствия (п. 46¹ ст. 6, п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК). Несмотря на значимость данного нововведения, имелся правовой пробел: нарушения законодательства, выявленные прокурором на этапе «доследственной проверки», не могли быть устранены внесением требования, что вынуждало прокуроров прибегать к двум видам действий. Первый вариант – внесение представления, второй – вынесение постановления о возбуждении дисциплинарного производства. При этом оба варианта опирались на Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь», но иных средств компенсировать этот пробел у прокуроров не было. Поэтому новации 2021 г. стали значимым решением в части полномочий прокурора по вынесению требований не только на нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования, но и на этапе приема, регистрации и рассмотрения заявлений (сообщений) о преступлении. Важным также стало нормативное указание в п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК об обязательном рассмотрении требования прокурора в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором.

Между тем в цитируемой правовой норме очевиден пробел: требование прокурора является обязательным для рассмотрения, но не для исполнения. Такой подход является некорректным в виду того, что прокурор не информируется об устранении тех нарушений законодательства, на которые

он указал в требовании, следовательно, эти нарушения могут быть не устранены либо устранены не в полной мере. Изложенное приводит к необходимости дополнения п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора в течение установленного им срока о мерах, принятых по исполнению требования об устранении нарушений законодательства.

Положительной тенденцией реформ УПК 2021 г. стало введение новой меры прокурорского реагирования – представления об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного следствия и дознания, причин и условий, способствующих этим нарушениям, с установлением безотлагательности его рассмотрения и письменным уведомлением прокурора в течение одного месяца о мерах, принятых по исполнению представления (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК).

В отличие от требования прокурора, которое выносится, как правило, при обнаружении единичного факта нарушения уголовно-процессуального законодательства, не носящего многочисленный характер, представление вносится при обнаружении прокурором неединичных фактов нарушений законности, составляющих собой некую совокупность, и носит более «абстрактный» характер. Иными словами, представление направлено на устранение постоянных ошибок системного характера, в то время как требование призвано устранять единичные факты ошибок в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Сказанное приводит к выводу о том, что представление прокурора в данном контексте является одним из средств профилактического воздействия на нарушения, допускаемые органами дознания и предварительного следствия. Именно поэтому нельзя согласиться с авторами (А.М. Баксалова, А.Ю. Винокуров), предлагающими исключить из уголовно-процессуального закона требование прокурора, заменив его представлением.

Представляется, что закрепление в ст. 34 УПК за прокурором права вносить представление является своевременным законодательным шагом, позволяющим реагировать на указанные нарушения закона, что подтверждает и практика. По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в 2021 г. прокурорами по фактам нарушения законодательства в органы внутренних дел было внесено 320 представлений, а за январь–март 2022 г. – 99 представлений.

В то же время выборочное изучение нами представлений, вносимых в порядке п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК в разных регионах республики, показывает неверный подход прокуроров к подтверждению его полномочий на право внесения таких представлений. В частности, в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления, как правило, прокуроры ссылаются не на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, а на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь». Такой подход видится некорректным по ряду причин. Во-первых, ст. 27 названного Закона определяет полномочия прокурора в иной области – при осуществлении надзора за исполнением законодательства, но ни в коей мере не в уголовно-процессуальной сфере. Во-вторых, ст. 38 цитируемого Закона вполне могла применяться для данного случая, если бы в УПК отсутствовала самостоятельная норма, позволяющая вносить представление. Таким образом, внося представление об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного расследования, прокурорам необходимо подтверждать свое

полномочие, ссылаясь исключительно на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК. Устранение описанной ситуации и приведение прокурорской практики в единообразие возможно путем соответствующего информирования (указания, информационные письма, методические рекомендации) Генеральной прокуратурой Республики Беларусь прокурорских работников всех уровней.

В 2021 г. ст. 34 УПК была дополнена новой ч. 5¹, в соответствии с которой Генеральный прокурор Республики Беларусь и его заместители, прокуроры областей, города Минска или лица, исполняющие их обязанности, при отмене постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования наделены правом давать обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий. Таким образом, произошло расширение диапазона полномочий прокурора на дачу органу предварительного следствия обязательных для исполнения указаний по материалам проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях и уголовным делам. Отмечая справедливость такого нововведения, видится обоснованным расширение круга должностных лиц органов прокуратуры на дачу названных указаний посредством распространения действия ч. 5¹ ст. 34 УПК и на прокуроров районов (городов), что позволит им своевременно давать поручения о принятии и рассмотрении заявлений, сообщений о преступлениях.

Подытоживая, сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Рассмотренные нами новеллы УПК 2021 г. являются закономерным шагом в укреплении статуса прокурора, осуществляющего надзор в ходе досудебного уголовного производства, что подчеркивает значимость данного вида прокурорской деятельности и наводит на мысль о необходимости утверждения процессуального господства прокуратуры над расследованием, где прокурор должен быть единственным должностным лицом, уполномоченным начинать и контролировать уголовное преследование.

2. В целях повышения эффективности деятельности прокурора в ходе досудебного уголовного производства и устранения нормативных пробелов видится целесообразным внести следующие дополнения и изменения в действующую редакцию ст. 34 УПК:

- дополнить п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора в течение установленного им срока о мерах, принятых по исполнению требования об устранении нарушений законодательства;

- дополнить перечень должностных лиц органов прокуратуры, изложенный в ч. 5¹ ст. 34 УПК, включив в него прокуроров районов, городов.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Саковец И.Н.

Одним из центральных в правовой науке является понятие законности, явления сложного и многогранного, что находит отражение в его оценках как принципа правового регулирования общественных отношений, метода государственного руководства обществом, требования соблюдения и исполнения правовых норм, режима общественно-политической жизни.

Законность в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях – точное и неуклонное исполнение органами военного управления, всеми военнослужащими и другими участниками общественных отношений, связанных с военной службой, требований Конституции Республики Беларусь и принятых на ее основе нормативных правовых актов.

Законность предопределяет надлежащий государственно-правовой режим воинского правопорядка, четкую организацию жизни и деятельности военных организаций, систему контроля и надзора за соблюдением законов, своевременного обнаружения и пресечения правонарушений, защиты и восстановления законных прав военнослужащих.

К основным организационно-правовым способам обеспечения законности во внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – внутренние войска) следует отнести контроль, надзор и обжалование незаконных действий.

Основными видами контроля большинство правоведов признает государственный контроль (контроль, осуществляемый государственными органами) и общественный контроль (контроль, осуществляемый общественными организациями). В свою очередь, государственный контроль подразделяется на общий и специальный, а также на внутренний и внешний.

Контроль – это способ получения объективной информации о состоянии дел в воинских частях и подразделениях, о процессах, которые происходят в воинских подразделениях, а также о деятельности органов военного управления и воинских должностных лиц.

Во внутренних войсках контроль осуществляется в формах проверки, инспектирования, ревизии, обследования, наблюдения и др.

Отдельное внимание следует уделить внешнему контролю, который осуществляется специально созданными государственными органами, не входящими структурно в состав внутренних войск (Министерство по чрезвычайным ситуациям, Министерство по налогам и сборам, Комитет государственного контроля и др.). Внутренний контроль, в свою очередь, проводится в рамках организационной подчиненности и связан с проверкой законности и обоснованности оперативно-хозяйственной деятельности и других принимаемых решений (Министерство внутренних дел, главное управление командующего внутренними войсками (далее – ГУКВВ), соединения).

Одной из важнейших функций контроля является получение достоверной информации о состоянии воинской дисциплины в воинских коллективах и органах военного управления, содействие ее всемерному укреплению.

В систему обеспечения законности за деятельностью органов военного управления, соединений и воинских частей входит и надзор. Основной формой надзорной деятельности является прокурорский надзор.

Прокурорский надзор – это надзор за точным и единообразным исполнением законов и иных нормативных правовых актов Республики Беларусь, который возлагается на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров.

Надзор за точным и единообразным исполнением законов Республики Беларусь во внутренних войсках, на факультете внутренних войск учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» (далее – факультет внутренних войск), а также военнослужащими, лицами гражданского персонала внутренних войск осуществляется следующим образом:

управление по надзору за исполнением законодательства в войсках Генеральной прокуратуры Республики Беларусь осуществляет надзор за ГУКВВ;

прокуроры областей и города Минска осуществляют по территориальности надзор за исполнением законодательства в соединениях и воинских частях внутренних войск, на факультете внутренних войск;

прокуроры районов, районов в городах, городов, межрайонными прокурорами, которые в целях оперативности по указанию вышестоящих прокуроров привлекаются для рассмотрения отдельных обращений или осуществления отдельных надзорных мероприятий в воинских частях [1, п. 1].

Для осуществления надзорных функций органами прокуратуры, оперативного реагирования на нарушения законности, а также в рамках взаимодействия соединений и воинских частей внутренних войск с прокуратурой установлен порядок, сроки предоставления информации, а также перечень ответственных должностных лиц. К таким сведениям относится информация о: происшествиях и преступлениях, совершенных военнослужащими и лицами гражданского персонала; безвозвратных потерях; результатах работы по рассмотрению обращений, допущенных нарушениях; результатах работы по противодействию коррупции, устранению причин и условий, ей способствующих; причинах и условиях, способствовавших преступлениям, происшествиям, дисциплинарным проступкам, получению травм; о выявленных недостатках, хищениях и возмещении причиненного государству ущерба, причинах и условиях, им способствовавших; нарушениях при осуществлении государственных закупок [1, п. 2].

Также определен перечень происшествий и преступлений, при совершении которых требуется немедленное информирование прокуратуры [1, прил. 1].

Свою деятельность прокуратура осуществляет на основании Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» [2]. Существуют определенные формы реагирования прокурора на нарушения законности в виде актов прокурорского реагирования: представление, протест, постановление, предписание, официальное предупреждение [2, ст. 38–42].

Эффективным организационно-правовым средством обеспечения законности и правопорядка является право военнослужащих на обжалование неправомерных действий в судебном либо административном порядке.

В соответствии с законодательством военнослужащие при их несогласии с увольнением или основаниями их увольнения с военной службы имеют право на обжалование вышестоящему командованию и обращение в суд в течение трех месяцев. Военнослужащие вправе направлять обращения в государственные

органы и иные организации, а также могут обжаловать действия либо бездействие должностных лиц воинской части в вышестоящий орган (вышестоящему должностному лицу) и (или) в суд [3, ст. 19, 21, 22].

Особенности порядка подачи обращений военнослужащими определены в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил Республики Беларусь [4, гл. 17]. Так, военнослужащий, обнаруживший факты нарушения общевоинских уставов, иных актов законодательства или нанесения ущерба, обязан доложить об этом непосредственному начальнику, а также может направить заявление или предложение об устранении этих нарушений старшему начальнику, в прокуратуру, другие государственные органы и иные организации. Военнослужащий имеет право обратиться в суд с жалобой на действия либо бездействие органов военного управления, государственных органов, иных организаций, должностных лиц, ущемляющих его права и личное достоинство [4, ст. 91].

Таким образом, состояние законности является одним из главных критериев деятельности воинской части. Организационно-правовыми способами обеспечения законности во внутренних войсках выступают контроль, надзор и обжалование незаконных действий, каждому из которых характерны отдельные цели, задачи и функции. Особенности обозначенных способов обеспечения законности определены локальными правовыми актами государственных органов.

Список цитированных источников

1. Об организации взаимодействия с органами прокуратуры по вопросам соблюдения законности и поддержания дисциплины : приказ команд. внутр. войсками М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 18 дек. 2014 г., № 135 6 : в ред. приказа от 06.07.2018 № 55 // ГУКВВ. – Минск, 2022.

2. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

3. О статусе военнослужащих [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 января 2010 г., № 100-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

4. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 06.04.2017 // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Серова Е.Б.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) наделяет прокурора полномочиями, реализация которых направлена на достижение единой цели, обозначенной в ст. 6 УПК РФ, совпадающей с назначением уголовного процесса. Генеральный прокурор Российской Федерации прямо предписывает прокурорам считать защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, интересов Российской Федерации, а равно защиту личности от незаконного

и необоснованного обвинения, осуждения приоритетным направлением деятельности, принимать в пределах имеющихся полномочий меры к восстановлению нарушенных прав, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда (п. 1.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»).

Значительную роль в достижении названной цели играют полномочия, предоставленные прокурору в досудебном производстве, в том числе в стадии возбуждения уголовного дела. Прокурор на данной стадии играет двоякую роль. С одной стороны, вынесенное им постановление о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании является источником информации о выявленном при реализации надзорных полномочий преступлении. С другой стороны, прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Характеризуя надзорные полномочия прокурора, прежде всего следует отметить, что ему предоставлено право проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Данное полномочие является существенной гарантией реализации конституционного права граждан на доступ к правосудию. Реализуя предоставленные ему полномочия, прокурор не только выявляет нарушения федерального законодательства, но и требует от органов дознания и следственных органов их устранения, наряду с аналогичным требованием устранения нарушений закона на стадии предварительного расследования. Право внесения данного требования предоставлено прокурору относительно недавно и обусловлено, на наш взгляд, объективной необходимостью усиления прокурорского надзора на данной стадии и своевременного действенного реагирования на выявленные нарушения и ограничения конституционного права гражданина. Вместе с тем следует признать, что данному направлению деятельности прокуроров традиционно уделяется значительное внимание в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора РФ. Так, еще в 2011 г. прокурорам было предписано осуществлять мерами прокурорского реагирования своевременное предупреждение, выявление и устранение нарушений законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия, защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений; пресекать незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц названных органов, препятствующие доступу пострадавших от преступлений к уголовному судопроизводству (приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия»). Указанный выше приказ № 544 в п. 1.2 возлагает на прокуроров аналогичную обязанность. Более того, при обнаружении признаков должностного правонарушения им предписано принимать меры к привлечению виновных лиц к ответственности, в том числе уголовной. Сказанное позволяет сделать вывод, что на рассматриваемой стадии процесса проявляется комплексный характер полномочий прокурора, который

не только осуществляет надзор за исполнением федеральных законов, но и реализует правозащитную функцию.

С упомянутыми полномочиями прокурора напрямую связано и его право оценки процессуального решения органов предварительного расследования по результатам проверки заявления (сообщения) о преступлении. Согласно УПК процессуальная проверка должна закончиться принятием одного из трех решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения по подследственности, а по уголовному делу частного обвинения – в суд. Первые два решения по своей сути являются итоговыми, с их принятием производство в стадии возбуждения уголовного дела заканчивается, и процесс либо переходит в следующую стадию, либо прекращается. Третье решение носит промежуточный характер и предполагает принятие в последующем итогового решения либо соответствующим уполномоченным органом, либо частным обвинителем.

В каждом случае принятия окончательного решения по материалу проверки затрагиваются конституционные права граждан, что требует от органов предварительного расследования строгого следования принципу законности, а от прокурора – оценки вынесенного решения с принятием при необходимости эффективных мер реагирования в максимально короткий срок. Реализуя свои полномочия, прокурор должен проверить, является ли источник информации о событии надлежащим поводом к возбуждению уголовного дела, какие проверочные мероприятия были проведены, соблюдены ли при этом требования УПК, какие сведения получены в ходе проверки, образуют ли они достаточное основание для возбуждения уголовного дела. В связи с этим отметим, что в науке вопрос о понятии основания для возбуждения уголовного дела является в известной мере дискуссионным. С нашей точки зрения, данное понятие можно определить как систему криминалистических признаков преступления, позволяющую сделать вывод о существовании в реальной действительности события, которое законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания, и это событие есть результат деятельности человека, сведения о личности которого могут отсутствовать.

Таким образом, деятельность прокурора на стадии возбуждения уголовного дела предполагает необходимость оценки материалов по двум группам критериев. Первую группу образуют формальные критерии, которые, в свою очередь, включают две подгруппы: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные критерии. Иначе говоря, прокурор должен проверить правильность правовой квалификации события и соблюдение требований УПК в процессе доказывания на данной стадии. Вторую группу составляют содержательные критерии, которые предполагают необходимость оценки материалов проверки с позиции их всесторонности, полноты и объективности, то есть с позиций науки криминалистики.

Анализ прокурорско-надзорной практики показывает, что чаще всего прокурору приходится сталкиваться с незаконным отказом в возбуждении уголовного дела и неполнотой проведенной процессуальной проверки. Проверяя так называемые отказные материалы, прокурор должен в первую очередь обращать внимание на нарушения и ошибки, которые повлекли ненадлежащую оценку имеющейся информации следователем (например, он не увидел признаки преступления при явном их наличии), либо образовали своеобразный

информационный вакуум. В последнем случае требуется дополнительная проверка для установления обстоятельств, имеющих принципиальное значение для разрешения заявления (сообщения) о преступлении. Постановление прокурора об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должно содержать указание на конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительной проверке и оценке, и предполагает необходимость установления таких обстоятельств, которые могут иметь существенное значение для принятия итогового решения по материалу.

Реже прокуроры сталкиваются с незаконным решением о возбуждении уголовного дела, правом отмены которого прокурор наделен в течение 24 ч. с момента получения материалов, послуживших основанием для принятия данного процессуального решения. Из этого, по нашему мнению, во-первых, однозначно следует право прокурора требовать предоставления ему указанных материалов. Во-вторых, до настоящего времени не решен вопрос о том, вправе ли отменить постановление о возбуждении дела вышестоящий прокурор, реализующий свои полномочия на последующих стадиях процесса и впервые изучающий материалы уголовного дела. Практике такие случаи уже известны, однако нам представляется, что данное решение носит спорный и неоднозначный характер. С нашей точки зрения, в данном случае должны реализовываться полномочия руководителя следственного органа, в адрес которого прокурором должно вноситься соответствующее требование. В целом же следует отметить, что прокуроры должны пользоваться предоставленным им законом правом отмены постановления о возбуждении уголовного дела крайне аккуратно, только в тех случаях, когда допущенные нарушения являются существенными и их устранение невозможно в ходе предварительного расследования. Неполнота проведенной проверки, неправильная квалификация деяния, по нашему мнению, как правило, не должны служить основанием для отмены решения о возбуждении уголовного дела.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЩЕНИИ С ОТХОДАМИ

Сидоренко Д.О.

В Республике Беларусь вопросы обращения с отходами стоят также остро, как и во всем мире. Отходы превращаются в проблему, представляющую угрозу экологической безопасности и здоровью человека. Они отрицательно влияют на окружающую среду, включая земельные ресурсы, недра, поверхностные и подземные воды, леса и иную растительность, а также на среду обитания животных, воздушную среду и иные объекты окружающей среды. Закон Республики Беларусь от 20 июля 2007 года № 271-З «Об обращении с отходами» определяет правовые основы обращения с отходами, а его нормы направлены на уменьшение объемов образования отходов и предотвращение их вредного воздействия на окружающую среду, здоровье граждан, а также на максимальное

использование отходов, в том числе вовлечение отходов в гражданский оборот. В данном Законе установлен приоритет использования отходов по отношению к их обезвреживанию и захоронению. Но особенно важно предотвращать их образование, а для этого необходимо совершенствовать требования к производству продукции, применяемым технологиям. Важным шагом является использование наилучших доступных технических методов при обращении с отходами, техническая модернизация промышленных предприятий, внедрение депозитарной (залоговой) системы обращения потребительской упаковки. Целесообразным является установление ограничения производства отдельных видов непродовольственных товаров (пакеты, мешки, контейнеры для отходов, предметы садового инвентаря, ограждения и т.п.) из первичного сырья, то есть обязать производителей использовать только вторичное сырье. Несмотря на значительный прогресс в сфере переработки бытовых и прочих отходов, принятие ряда новых мер, организация переработки вторичных ресурсов выполняется лишь частично.

Наряду с нормативными актами, направленными на сокращение объемов захоронения отходов и предотвращение их вредного воздействия на окружающую среду, Указ Президента Республики Беларусь от 17 января 2020 года № 16 «О совершенствовании порядка обращения с отходами товаров и упаковки» также нацелен на повышение уровня вовлечения в хозяйственный оборот вторичных материальных ресурсов. Указом устанавливается обязанность производителей и поставщиков обеспечивать сбор, обезвреживание и (или) использование отходов товаров и упаковки. Производитель либо берет на себя обязательства по сбору и утилизации отходов, либо уплачивает деньги в специальный фонд. Собранные средства идут на закупку контейнеров, техники и оборудования для сбора и переработки отходов, а также на финансовое поощрение организаций, которые занимаются раздельным сбором отходов. В настоящее время действуют следующие механизмы сбора вторичных материальных ресурсов (далее – ВМР) из твердых коммунальных отходов (далее – ТКО):

- заготовка ВМР через систему приемных (заготовительных) пунктов;
- раздельный сбор ТКО от населения путем установки специальных контейнеров для отдельных видов ВМР и их досортировка;
- сортировка смешанных коммунальных отходов на мусороперерабатывающих заводах (далее – МПЗ) с последующим извлечением ВМР;
- закупка вторичного сырья по договорам купли-продажи от юридических лиц, в процессе хозяйственной деятельности которых образуются такие отходы.

Вторичная переработка отходов – это перспективное направление, которое при грамотном подходе не только снизит нагрузку на окружающую среду, но также будет приносить серьезную экономическую выгоду. Однако организация переработки вторсырья невозможна без эффективной системы сортировки (сбора) отходов. Существует два подхода к сортировке ТКО. Первый вариант предполагает сортировку твердых коммунальных отходов на специализированных предприятиях, где происходит изъятие ВМР – отходов, которые после их сбора могут быть вовлечены в оборот в качестве вторичного сырья. Второй вариант – разделение отходов еще на стадии сбора. На данный момент говорить о развитой системе раздельного сбора мусора в Республике Беларусь рано, а объемы отходов при этом существенны. В последние годы

в Беларуси появляется все больше мусоросортировочных предприятий, в населенных пунктах активно используют контейнеры для раздельного сбора мусора.

В то же время отсутствие единой правоприменительной практики способствует возникновению ряда недостатков:

1) недостаточное количество контейнеров для общего мусора (несортированного) либо несвоевременный вывоз мусора в выходной день приводят к тому, что контейнеры, предназначенные для определённого вида отходов, заполняются общим мусором;

2) неравномерность распределения специальных контейнеров (например два контейнера для стекла и ни одного – для пластика;

3) отсутствие понятной маркировки контейнеров;

4) ответственность разных организаций за сбор и сортировку мусора.

Острота проблемы обращения с отходами связана с глобальными масштабами их образования. По оценкам международных экспертов, в мире ежегодно собирается около 1,3 млрд. тонн коммунальных (муниципальных) отходов. Основные для мирового сообщества пути управления отходами – предотвращение образования отходов, максимальное повторное использование и вторичную переработку, а также применение альтернативных экологически безопасных материалов.

Основная цель надзорной деятельности органов прокуратуры в указанной сфере – предупреждение и профилактика правонарушений, устранение причин и условий их возникновения, обеспечение неотвратимости ответственности в случае нарушения установленных запретов и ограничений.

Деятельность органов прокуратуры по надзору за исполнением законодательства об обращении с отходами должна носить комплексный, предупредительный и правозащитный характер. Проведение надзорной работы на системной основе позволит своевременно вскрывать недостатки и упущения при осуществлении контроля за данной отраслью, приводящие к серьезному ущербу для окружающей среды, нарушениям прав граждан в этой сфере. Прокуроры должны уделять особое внимание мерам реагирования в отношении органов местного самоуправления, игнорирующих требования законодательства об обязательной сортировке отходов, нарушениям хозяйствующими субъектами установленных требований к полигонам бытовых отходов, норм о лицензировании деятельности по захоронению опасных отходов, о содержании скотомогильников. Эта работа должна включать в себя:

– мониторинг проблем, возникающих при обеспечении экологической безопасности;

– координацию деятельности государственных органов и общественных объединений, осуществляющих управление в области природопользования и охраны окружающей среды;

– осуществление надзорной деятельности в форме проведения проверок исполнения законодательства, направленного на экологизацию обращения с отходами.

Развитие системы раздельного сбора должно быть подкреплено постоянной и системной работой с общественностью, включающей проведение агитационно-разъяснительной работы с населением о необходимости раздельного сбора отходов по видам, реализацию программ экологического просвещения в учреждениях образования для формирования экологической культуры среди

подрастающего поколения, подготовку и распространение информационных материалов среди граждан и организаций. Наряду с этим, не менее важно обеспечить регулярный и «удобный» график работы пунктов приема вторичного сырья. Рассматривая причины и условия совершения правонарушений в данной сфере, приводящие к серьезному ущербу для окружающей среды, необходимо обратить внимание на недостаточно эффективный контроль за обращением отходов (контролирующими (надзорными) органами), недостатки в организации деятельности по обращению с отходами (в частности последовательной и полной работы предусмотренной законодательством по сбору ТКО). Соблюдение законодательства об обращении с отходами будет способствовать формированию в стране экономики замкнутого цикла (циркулярной), которая предполагает возобновление ресурсов, переработку вторичного сырья.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Трипузова А.А.

В условиях санкционного экономического давления на Республику Беларусь и мирового экономического кризиса в целом актуализируются вопросы конституционно-правовой защиты конкуренции и усиления роли прокуратуры в системе государственно-правового механизма преодоления кризисных явлений и обеспечения экономической безопасности государства.

Противодействие монополистической деятельности, формирование равных условий для развития здоровой предпринимательской активности в непростой политической и социально-экономической ситуации требуют активизации работы контрольно-надзорных органов в данном направлении.

Конституционные экономические права, гарантии защиты разных форм собственности, свободы экономической деятельности, кроме запрещенной законом (ст. 13 Конституции), обеспечиваются в том числе посредством установления антимонопольных запретов на основании Закона Республики Беларусь от 12.12.2013 № 94-З в редакции от 08.01.2018 «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон).

Проверяя конституционность Закона, Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 04.12.2013 № Р-862/2013 отметил обязанность государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее ограничению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию.

Функции по непосредственному контролю за соблюдением указанных конституционных гарантий и законодательства о защите конкуренции на товарных рынках возложен на антимонопольный орган – Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ).

Вместе с тем важным элементом государственно-правового механизма обеспечения экономической безопасности и конституционно-правовой защиты конкуренции выступают органы прокуратуры.

В связи с этим отметим, что приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 05.02.2018 № 5 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов хозяйствования» была закреплена обязанность прокуроров акцентировать внимание на выявлении и устранении фактов ограничения конкуренции и иных нарушений антимонопольного законодательства (с привлечением антимонопольных органов).

Антиконкурентные соглашения, действия государственных органов, хозяйствующих субъектов, злоупотребления последних доминирующим положением на рынке формируют основные виды монополистической деятельности, которые представляют угрозу экономической безопасности страны, ведут к коррупции и социальной нестабильности.

В мировой практике одним из самых опасных видов антиконкурентных соглашений (сговоров), причиняющих существенный вред интересам государства в экономической сфере, признаны картели.

В Беларуси факты их выявления, а равно ценовых соглашений пока единичны. Так, в июне 2018 г. наблюдался рост цен на мясо птицы, по отдельным торговым объектам – до 28 %, причем за счет цены производителей. Одновременно ее подняли 7 крупных предприятий. МАРТ усмотрел в их действиях признаки сговора и начал проверку, однако не смог доказать его.

Впервые удалось доказать два других факта крупных картелей только в 2021 г., при этом в обоих случаях – именно благодаря материалам, предоставленным УДФР КГК по Витебской области.

Безусловно, успешное выявление правонарушений в сфере конкуренции во многом зависит от практической реализации принципа эффективного сотрудничества (ст. 5, 17 Закона), взаимодействия антимонопольного органа с правоохранительными органами, обладающими наиболее действенным арсеналом средств по защите конституционных экономических прав.

Отметим, что тематика сотрудничества антимонопольных органов и органов по борьбе с коррупцией явилась одним из ключевых вопросов, обсуждаемом в 2014 г. на Глобальном форуме ОЭСР по конкуренции, посвященном проблеме борьбы с коррупцией и поддержки конкуренции.

Во многих субъектах Российской Федерации между территориальными антимонопольными и правоохранительными органами заключены соглашения о взаимодействии и созданы рабочие группы.

Значительное внимание соблюдению антимонопольного законодательства, особенно о порядке ценообразования, уделяется российской прокуратурой. Так, еще 15.08.2014 Генеральной прокуратурой Российской Федерации создана межведомственная рабочая группа по противодействию правонарушениям, способствующим повышению цен на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию.

Представляется необходимым учесть российский опыт подобного взаимодействия прокуратуры с антимонопольным и другими органами.

Особого подхода требуют вопросы совместного противодействия ценовым сговорам, спекуляциям на торгах, влияющим на рост цен, а также оперативного выявления и пресечения антимонопольных нарушений.

Актуальной проблемой остается несоблюдение антимонопольных запретов в сфере государственных закупок, которые стали формой коррупции.

Как справедливо отмечает С. К. Хмарук, материалы антимонопольного органа по рассмотрению обращений о нарушении антимонопольных требований к закупкам товаров, а также информация государственной информационно-аналитической системы государственных закупок (от процесса планирования до исполнения договора) должны находиться в поле зрения прокуроров для своевременной выработки взаимодействующими органами мер по предупреждению противоправных проявлений.

При этом наряду с традиционными факторами ограничению конкуренции способствуют элементы цифровизации рынков: использование интернет-платформ, больших данных и др.

Изложенное указывает на необходимость принятия дополнительных мер при организации прокурорского надзора за соблюдением антимонопольного законодательства.

Полагаем, что заключение соглашений о взаимодействии, объединение усилий прокуратуры, антимонопольного и правоохранительных органов по пресечению антимонопольных нарушений, в том числе сговоров, завышения цены закупки и нецелевого использования бюджетных средств, будут способствовать их экономии и снижению уровня коррупции.

Одной из эффективных мер видится выявление признаков ограничения конкуренции при совместном проведении проверок антимонопольного законодательства при координирующей роли прокуратуры.

Кроме того, опыт Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствуют о том, что антимонопольным органом не всегда в полной мере используются предоставленные законом полномочия, нередко нарушения антимонопольного законодательства остаются без реагирования, а материалы проверок в правоохранительные органы не передаются.

Во избежание подобных фактов и в целях улучшения состояния законности в антимонопольной сфере необходимо обеспечивать надлежащий прокурорский надзор за исполнением контрольных функций органов МАРТ, а также регулярно обобщать практику данного надзора.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

Современные экономические вызовы и угрозы, необходимость адекватного противодействия ценовым сговорам, спекулятивным махинациям при закупках и другим антимонопольным нарушениям требуют активизации прокурорского надзора в этом направлении.

Важным средством повышения уровня законности в экономической сфере, регулируемой антимонопольным законодательством, и эффективности прокурорского надзора за его исполнением видится совершенствование взаимодействия между органами прокуратуры и МАРТ, а также другими контролирующими и правоохранительными органами. Целесообразны обмен информацией, консультирование со специалистами антимонопольного органа, совместная разработка методики проверок. Эти меры позволят оперативно реагировать на сообщения об антимонопольных нарушениях, в полном объеме

осуществлять сбор доказательств, и, как следствие, оптимизируют работу по пресечению противоправной деятельности, привлечению виновных к ответственности и будут способствовать возмещению причиненного ущерба.

Требуют постоянного внимания и обобщения практики прокурорского надзора вопросы соблюдения законности со стороны антимонопольного органа, их решений и действий, полноты использования своих полномочий и оперативности реагирования на выявленные нарушения.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ НА СОБЛЮДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хромушин М.А.

Исполнение законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) является объектом прокурорского надзора, эффективность которого зависит от глубины анализа практики проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ, мероприятие), в первую очередь, ограничивающих конституционные права граждан, правомерности и обоснованности их осуществления.

В настоящее время на тактику проведения ОРМ существенное влияние оказывает развитие технических средств передачи (обработки, хранения) информации, а также смещение коммуникативных связей в сферу интернет-технологий. Переговоры, переписка, передача иных сообщений, платежи, документооборот и многое другое осуществляется через Интернет. Опыт правоохранительных органов показывает, что лица, совершающие преступления, стремясь избежать ответственности, активно противодействуют расследованию с помощью технических средств. В современных условиях преступность использует теневой сегмент сети Интернет, средства анонимизации интернет-пользователей, криптостойкие программные продукты, виртуальные телефонные номера и другое, что вызывает объективную необходимость расширения способов негласного получения информации в рамках ОРД.

Анализ развития правового регулирования ОРД показывает, что совершенствование технических средств передачи (обработки, обмена) информации, способов ее негласного получения, периодически вызывает потребность изменения законодательства об ОРД. Так, в 1992 г. законодатель определил, что «в ходе проведения ОРМ могут использоваться информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические средства...». В 1999 г. введено в оборот понятие специальных и иных технических средств, частично раскрыто его содержание, а также указано на возможность использования технических средств при проведении ряда ОРМ. В 2015 г. определено понятие «средства негласного получения (фиксации) информации» (далее – СНПИ). Последним из подобных изменений стало дополнение в 2021 г. содержания ряда ОРМ действиями по получению

(копированию, изъятию, приобретению), осмотру и исследованию компьютерной информации.

Однако наиболее существенное, по сути, концептуальное изменение подходов к правовой регламентации проведения ОРМ произошло в 2015 г., с принятием новой редакции Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Законодатель впервые поставил необходимость санкционирования ОРМ прокурором в зависимости от вида мероприятия и способа его проведения, включая использование СНПИ. До этого необходимость санкционирования прокурором проведения ОРМ закон справедливо связывал с ограничением конституционных прав граждан. Новый подход отодвинул вопросы обеспечения конституционных гарантий на второй план, и вывел на первое место частные вопросы о способах получения информации, что по мнению автора негативно отразилось на реализации принципа соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан.

В подтверждение данного тезиса приведем ст. 27 Закона об ОРД, согласно которой наблюдение с использованием СНПИ и иных средств, установленных в жилище и ином законном владении гражданина, проводится с санкции прокурора, что является обоснованным, поскольку данные действия ограничивают важнейшее конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища.

Вместе с тем, исходя из содержания данной нормы, негласное наблюдение в жилище в случае использования СНПИ и иных средств за его пределами может осуществляться без санкции прокурора. К средствам, которые могут фиксировать информацию в жилище, находясь за его пределами, можно отнести оптические приборы, средства, фиксирующие излучение инфракрасного спектра, рентгеновского излучения и другие, «видящие сквозь стены». Использование современных компьютерных технологий позволяет негласно получать информацию посредством удаленного доступа к вебкамерам домашних компьютеров, мобильных телефонов, системам охранного видеонаблюдения и другим устройствам, подключенным к Интернету. Получатель информации при этом может находиться фактически в любой точке земного шара.

Очевидно, что законодателем в данном случае не приняты во внимание все технические и технологические возможности получения информации о происходящем в жилище. Поскольку Закон об ОРД не учитывает все возможные способы получения информации о личной жизни гражданина, и, соответственно, не предусматривает санкционирование ряда таких действий прокурором, вызывает сомнение эффективность надзора в части обеспечения конституционных гарантий граждан при осуществлении ОРД.

В качестве пути решения обозначенной проблемы предлагается рассмотрение вопроса о предмете правового регулирования в рамках осуществления ОРД. В данном контексте ученые (В. С. Гайдельцов и другие) обоснованно ставят вопрос: «...закрепляет ли Закон об ОРД принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений?». При этом в качестве наиболее важных – справедливо предлагается рассматривать оперативно-розыскные отношения, возникающие в связи негласным получением информации, то есть помимо воли и желания ее собственников (владельцев).

Представляется, что в качестве предмета правового регулирования должен рассматриваться не способ получения информации, а ее характер и конкретные

права гражданина, которые ограничиваются в рамках ОРД. Способ получения информации относится в большей степени к тактике ОРД.

Не урегулировав в необходимой степени указанные отношения, законодатель, так или иначе, будет вынужден всякий раз возвращаться к вопросу правовой регламентации новых методов получения информации в рамках ОРМ, необходимость которой, как видно из приведенного ранее примера, уже возникла.

Существует еще одна грань рассматриваемой проблемы, которая ставит под сомнение целесообразность правового регулирования тактических аспектов проведения ОРМ на уровне законодательства. Речь идет о терминологической и смысловой противоречивости используемых законодателем понятий ОРМ и их определений, о чем говорят И. И. Басецкий и другие авторы. Они обоснованно отмечают, что ряд ОРМ по сути таковыми не являются, а представляют собой способ решения тактических задач с использованием оперативно-розыскных методов (сил и средств). В дополнение точки зрения ученых, обратим внимание, что методы получения информации (наблюдение, осмотр, опрос и другие), которые лежат в основе большинства ОРМ, естественным образом используются в других сферах социальной деятельности, как правило, не подвергаясь какой-либо правовой регламентации. В основе ряда ОРМ (сбор образцов, исследование предметов и документов и др.) лежат криминалистические методы. Не исключение и сбор информации, хранящейся на компьютерных носителях.

Нельзя игнорировать и тот аспект, что при осуществлении ОРД необходимо сохранять в тайне сведений о ее организации, тактике, силах, средствах, методах, планах (ст. 8 Закона об ОРД), а наметившаяся тенденция детализации на законодательном уровне способов получения информации может незаметно перейти ту грань, за которой лица, подготавливающие и совершающие преступления, смогут на основе изучения нормативных правовых актов повысить свою осведомленность о деятельности субъектов ОРД в необходимой для эффективного противодействия степени.

С учетом изложенного, по мнению автора, оправданным является концептуальное изменение подхода к правовой регламентации проведения ОРМ, в рамках которой необходимо учитывать возможность осуществления действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также позволяющих получать информацию об их личной жизни (сведения, составляющие семейную, врачебную тайну и другие, охраняемые законом). Такие действия должны санкционироваться прокурором независимо от вида ОРМ и способа его проведения, что целесообразно на законодательном уровне установить как общее условие проведения ОРМ. При этом способы получения информации (в том числе с использованием информационных технологий и технических средств), органы, осуществляющие ОРД, могут определять сами в каждом конкретном случае, исходя из тактики проведения ОРМ.

Такой подход, во-первых, обеспечит реализацию принципов законности, соблюдения прав и законных интересов граждан, во-вторых – остановит излишнее распространение информации о технических и тактических аспектах осуществления ОРД, и в-третьих – стабилизирует нормотворческий процесс в сфере ОРД, исключив влияние на него технологий получения (передачи, хранения, обработки) информации.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Чернышева Л.А.

Надзор и контроль за соблюдением действующего законодательства о труде является составной частью механизма защиты трудовых прав [1]. В доктрине трудового права, в свою очередь, отсутствует единое мнение по поводу сущности понятий «контроль» и «надзор», а также взаимосвязи между ними.

По мнению некоторых авторов, надзор представляет собой соблюдение законности в трудовых правоотношениях, соответствие действий администрации предписаниям трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов. Контроль же имеет в виду проверку действий администрации не только с точки зрения соответствия их трудовому законодательству, но и их эффективности, учета имеющегося передового опыта в данной отрасли [2, с. 104–106].

Трудовое законодательство (ст. 353 ТК РФ) признает федеральный государственный контроль (надзор) одним из приоритетных способов защиты трудовых прав, определяя при этом Государственную инспекцию труда (ГИТ) как основной орган, осуществляющий эту деятельность. Работник вправе обратиться в ГИТ с целью восстановления своих нарушенных трудовых прав, однако у работника есть также право на обращение с жалобой в прокуратуру.

Органы прокуратуры РФ, осуществляя надзор за исполнением трудового законодательства, принимают меры по устранению нарушений законности, привлекают виновных лиц к установленной законом ответственности.

Нельзя забывать и о том, что деятельность ГИТ и органов прокуратуры взаимосвязана. Учитывая тот факт, что задержки выплаты заработной платы, выплаты заработной платы не в полном объеме, незаключение трудовых договоров, незаконные увольнения работников и иные нарушения трудовых прав являются сегодня, увы, достаточно распространенным явлением, совместная работа ГИТ и органов прокуратуры является эффективным способом в борьбе с нарушениями трудового законодательства. Взаимодействие органов прокуратуры и ГИТ позволяет выполнить задачи контрольно-надзорных органов по стабилизации состояния законности в указанной сфере.

К отличительным признакам взаимодействия органов прокуратуры и ГИТ можно отнести, например, согласованные действия по осуществлению защиты трудовых прав, проведение совместных проверок соблюдения трудового законодательства работодателями и др.

Сложившаяся практика показывает, что эффективными формами взаимодействия являются, например, реализация совместных программ и мероприятий, обмен необходимой информацией, консультативная помощь и др.

М. И. Губенко отмечает, что наиболее эффективными и результативными являются проверки, проводимые совместно с другими органами надзора и контроля [3].

На практике прокуроры достаточно часто привлекают к проведению надзорных проверок специалистов ГИТ, обладающих соответствующими техническими познаниями. Так, прокуратурой Тоджинского района Республики Тыва проверка в ООО «Лунсин» проведена с привлечением специалистов ГИТ, что положительно отразилось на качестве проверки и количестве выявленных нарушений.

По закону прокуроры не подменяют в своей деятельности другие государственные органы. Целью проверок в данном случае является выявление случаев ненадлежащего выполнения ГИТ своих функций. Как отмечает А. В. Паламарчук, основания для вмешательства прокуратуры в данную сферу все еще имеются [4]. Так, органы прокуратуры в постоянном режиме ведут мониторинг исполнения ГИТ законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан; результатов данных обращений, в том числе принятые ГИТ меры реагирования на обращения граждан, данные ГИТ ответы на соответствующие жалобы работников. Если прокурор выявит нарушения в порядке рассмотрения обращений, он вправе ставить вопрос об ответственности лица. Ответственность может быть или дисциплинарная, или административная по ст. 5.59 КоАП РФ. Например, прокуратурой Пермского края в ходе надзорных мероприятий выявлены факты неполноты проводимых ГИТ проверочных мероприятий, непринятия исчерпывающих мер, направленных на восстановление прав граждан и привлечение виновных лиц к предусмотренной законом ответственности. По итогам проверки врио руководителя ГИТ внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, три должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности.

В настоящее время органами прокуратуры также применяется ряд дополнительных мер, направленных на предупреждение нарушений в сфере охраны труда. В качестве таковых можно выделить проведение брифингов, горячих линий, координационных совещаний, публикацию информации о требованиях охраны труда на сайтах прокуратур. Так, в Омской области прокуратура совместно с представителями СУ СК РФ по Омской области, а также ГИТ в Омской области проводят брифинги, посвященные вопросам охраны труда на территории региона.

По нашему мнению, практика проведения брифингов на тему охраны труда совместно с контролирующими соблюдение законодательства в данной сфере органами подлежит распространению и в других субъектах Российской Федерации.

Анализ приведенной практики органов прокуратуры Российской Федерации показывает, что прокурорами ведется работа не только по выявлению нарушений и восстановлению нарушенных прав, но и работа по предупреждению нарушений трудового законодательства.

Повышению эффективности работы в данном направлении может способствовать:

- проведение совместных проверок, взаимодействие органов прокуратуры с другими контрольно-надзорными органами;
- активное использование различных форм сотрудничества с органами и организациями по вопросам защиты трудовых прав;
- проведение просветительной и разъяснительной работы;
- применение соответствующих мер по повышению ответственности работодателей за нарушение трудового законодательства.

Таким образом, защита трудовых прав работников требует повышенного внимания. Органы прокуратуры обладают важными полномочиями, а также средствами реагирования на нарушения прав работников, что на сегодняшний день является наиболее действенной гарантией защиты их прав.

1. Завьялов, М. Ф. Надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде как способы защиты трудовых прав работников : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / М. Ф. Завьялов ; Ин-т законодательства и сравнит. Правоведения при Правительстве РФ. – М., 2013. – 28 с.
2. Попова, О. И. Место и роль государственных инспекций труда в системе государственного надзора и контроля Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / О. И. Попова. – М., 2009. – 189 л.
3. Губенко, М. И. Правовое регулирование охраны труда, надзорно-контрольной деятельности за соблюдением законодательства Российской Федерации о труде и охране труда : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / М. И. Губенко. – Челябинск, 2003. – 208 л.
4. Интервью начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации Анатолия Паламарчука журналу «Охрана труда и социальное страхование». Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.genproc.gov.ru/documents/nauka/execution/document-1150141/>. – Дата доступа: 05.05.2022.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ К ОСУЖДЕННОМУ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

Чижик Е.В.

Прокурорский надзор сопутствует всему ходу исполнения приговора, который может сопровождаться возникновением вопросов, требующих разрешения в судебном порядке. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО) – один из таких вопросов.

Досрочное освобождение – это своего рода акт гуманизма по отношению к осужденному, мотивирующий его к исправлению. Законность и обоснованность УДО в каждом случае имеет исключительное воспитательное и профилактическое значение. Так, ни один осужденный, доказавший своим поведением намерение жить по правилам цивилизованного общества, не может быть лишен этой возможности, и, наоборот, факт преждевременного досрочного освобождения от наказания формирует в обществе ложные представления о безнаказанности, а также ставит под сомнение эффективность исправительной политики государства. В связи с этим исследование содержания осуществляемой прокурором деятельности по обеспечению законности и обоснованности применения УДО, разработка предложений по повышению ее эффективности представляют теоретический и практический интерес.

В ходе разрешения вопроса об УДО прокурор обеспечивает законность процесса представления осужденного к этой мере, осуществляя надзорные полномочия в полном объеме (досудебный этап), а также участвует в судебном заседании, после чего дает заключение о возможности досрочного освобождения лица (судебный порядок).

В юридической литературе дискуссионным является вопрос о расширении круга субъектов, иницирующих уголовно-процессуальную деятельность

по УДО. Встречаются предложения о необходимости предоставления прокурору таких полномочий. Подобной позиции противопоставляется тезис о том, что наделение прокурора этим правом не соответствует его положению как представителя надзорного органа, а также не позволяет оставаться до конца независимым в судебном заседании и при подготовке заключения.

Нормами Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) в качестве таковых субъектов определены орган или учреждение, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности, реализующие свое право путем направления в суд представления (ч.1 ст.187 УИК). В то же время прокурорская практика свидетельствует о том, что прокурор косвенно иницирует представление осужденного к УДО путем дачи указания органу или администрации учреждения, исполняющим наказание. Уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь не содержит подобной правовой нормы, наделяющей прокурора этой возможностью. Однако такое полномочие обусловлено сутью надзорной деятельности: прокуратура не может оставлять ни единого факта нарушения прав и законных интересов граждан без внимания, а несвоевременное представление лица к УДО ведет к таким нарушениям. Результаты анкетирования, проведенного среди осужденных в одной из исправительных колоний, показали, что в числе прочих трудностей, которые возникают при реализации права на УДО, по их мнению, выступает субъективное отношение со стороны администрации исправительного учреждения и отсутствие желания представления осужденного к досрочному освобождению.

Таким образом, в целях обеспечения согласованности уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и подзаконных актов органов прокуратуры существует необходимость нормативного закрепления в ч.1 ст.187 УИК полномочий прокурора по инициированию представления осужденного к УДО. Это будет способствовать единству правоприменения, обеспечению своевременности реализации досрочного освобождения, независимости осужденного от субъективного отношения должностных лиц органа или учреждения, ведающего исполнением наказания, а также повышению роли прокурорского надзора в данной сфере государственно-правовой деятельности.

Согласно ст. 402² Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, в частности вопросов об УДО, является обязательным, что способствует всестороннему, полному и объективному исследованию материалов.

В юридической литературе вопрос о правовой природе деятельности, осуществляемой прокурором в суде при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, однозначно не решен. Так, участие прокурора в судебном заседании определяют в качестве формы прокурорского надзора, правообеспечительной деятельности, реализации последствий обвинения.

Для уяснения функции прокурора в стадии исполнения приговора необходимо помнить о том, что надзорные полномочия прокурора не могут распространяться на судебную деятельность, а также принимать во внимание специфику судебного разбирательства по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. В частности, не все принципы, реализуемые при

рассмотрении уголовного дела в первой инстанции, в полной мере применимы в суде при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Также предметом рассмотрения в судебном заседании по УДО являются материалы, а не уголовное дело. Прокурор в таком процессе изначально не занимает сторону обвинения и государственным обвинителем не является. Он может выступать как за применение УДО, так и против его применения, тем самым представляя общественные интересы и интересы осужденного. Таким образом, в судебном процессе по УДО прокурор, выступая представителем публичной власти, выполняет правообеспечительную функцию. Он является самостоятельной и независимой фигурой в судебном заседании, обеспечивающей как соблюдение, так и реализацию прав и законных интересов участников. Например, О. В. Воронин предлагает определение статуса прокурора в таком процессе в качестве «публичного представителя».

Что касается законодательной регламентации положения прокурора, то Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) не содержит норм об участии прокурора в суде в порядке исполнения приговора. В то же время процессуальный статус прокурора, участвующего в суде при рассмотрении уголовных дел, определен как «государственный обвинитель» (ч. 1 ст. 46 Закона о прокуратуре). Поскольку стадия исполнения приговора и вопросы, разрешаемые в рамках этого этапа государственной деятельности, являются не менее важными, чем разрешаемые в суде первой инстанции, и могут повлечь существенное изменение положения осужденного, требуется устранение этого пробела в законодательстве.

Таким образом, однозначному пониманию роли прокурора, участвующего в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, повышению внимания к стадии исполнения приговора и более полному ее законодательному регулированию будет способствовать нормативное определение процессуального положения прокурора в этой стадии.

Прокурорская практика свидетельствует о том, что не всегда прокурорский работник, осуществляющий надзор за исполнением наказания, впоследствии участвует в судебном заседании при рассмотрении вопроса об УДО. С одной стороны, это исключает субъективное убеждение, сложившееся у прокурора об осужденном, представляемом к УДО, и заставляет руководствоваться лишь имеющимися материалами. С другой – составленные некачественно материалы, поверхностные характеристики, данные на осужденного уполномоченными лицами, не позволяют прокурору дать объективное и обоснованное заключение. Более полному и всестороннему исследованию обстоятельств будет способствовать активная исследовательская позиция прокурора в суде. Любые сомнения должны быть устранены посредством тщательного выяснения всех фактов. Прокурор в целях решения этих задач вправе задавать вопросы осужденному и иным лицам, вызванным в судебное заседание, заявлять ходатайства, вносить предложения.

Анализ судебной практики показал, что при рассмотрении представлений из мест отбывания наказания суд иногда отказывает в УДО по основаниям, не предусмотренным законом: степень общественной опасности совершенного преступления; ненадлежащее выполнение обязанностей органом, ведающим исполнением наказания; крупная сумма присужденного ущерба и др.

Встречаются также случаи, когда ненадлежащая оценка судом данных об исправлении осужденного и его поведении препятствует принятию положительного решения об УДО. В юридической литературе отмечается, что как для судьи, так и для прокурора особую сложность при участии в судебном заседании по УДО составляет определение степени исправления осужденного. Это связано с тем, что условия и критерии, которые характеризуют указанный показатель, содержат в себе оценочные понятия, ведущие к субъективизму со стороны всех участников уголовно-процессуальной деятельности по УДО. К тому же тот факт, что прокурор не находится в таком длительном и непрерывном взаимодействии с осужденным, как должностные лица органов, ведающих исполнением наказания, не позволяет в полной мере оценить, насколько у лица изменились убеждения и стремления к правопослушному образу жизни. Так, более частое общение прокурора с осужденным в форме проведения бесед, истребование в дополнение к вызывающим сомнение характеристикам иных материалов, опрос лиц – формы реализации надзорной деятельности, которые будут способствовать повышению эффективности деятельности прокурора.

Наличие судебных ошибок, расхождений в понимании и толковании правовых норм участниками процессуальной деятельности по УДО вызывают необходимость разработки и принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Это будет способствовать обеспечению правильного и единообразного применения закона, укреплению уголовной и уголовно-исполнительной политики государства.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОКАЗАНИИ ПОДДЕРЖКИ ОРГАНИЗАЦИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Чуешов К.В.

В числе важнейших задач, поставленных Главой государства перед организациями физической культуры и спорта, значится планомерное сокращение мер государственной поддержки, оказываемой за счет бюджетных средств таким организациям.

Требования к организациям физической культуры и спорта, претендующим на получение государственной поддержки и получающим таковую, определяет Указ Президента Республики Беларусь от 15.04.2013 № 191 «Об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта» (далее – Указ № 191). Отметим, что в декабре 2020 г. срок его действия был продлен на очередной олимпийский цикл – до 2024 г.

Объектами прокурорского надзора за соблюдением законодательства об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта являются организации физической культуры и спорта, перечисленные в Приложении 1 к Указу № 191. Предметом прокурорского надзора является точное

и единообразное исполнение законодательства об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта.

Анализ как положений гражданского законодательства, так и законодательства о физической культуре и спорте свидетельствует о комплексном правовом регулировании вопросов деятельности организаций физической культуры и спорта, отдельные аспекты которого различаются в зависимости от формы собственности, организационно-правовой формы и иных особенностей организаций. Вместе с тем особого внимания при проведении проверок отдельных организаций (например, клубов по игровым видам спорта) требует специфика вида спорта, исходя из следующего. Поскольку такие субъекты принимают участие в спортивных соревнованиях, особенности осуществления ими деятельности в сфере профессионального спорта определяются, помимо прочего, положениями федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта и иными организациями, в том числе международными.

Кроме того, следует учитывать, что организации государственной формы собственности открывают как бюджетные, так и внебюджетные расчетные счета, которые могут использоваться при проведении тождественных операций в зависимости от источника финансирования. Источник финансирования по исполнению конкретного обязательства, как правило, отражается в соответствующем гражданско-правовом договоре. В свою очередь, средства, поступающие в организацию по договорам безвозмездной (спонсорской) помощи, подлежат зачислению на специальные расчетные счета.

На основании изложенного при определении объектов проверки из числа организаций физической культуры и спорта следует руководствоваться положениями приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 26.02.2018 № 10 «Об утверждении критериев оценки степени риска для отбора проверяемых субъектов при проведении выборочной проверки». В частности, согласно подп. 2.1 п. 2 данного акта, к группе с высокой степенью риска относятся субъекты хозяйствования, деятельность которых связана с использованием (расходованием) бюджетных средств, а также мер государственной поддержки.

При анализе положений действующего (или актуального на конкретный период времени) законодательства, соблюдение которого подлежит проверке в конкретной организации, необходимо точно установить, исполнение каких именно норм требовалось от объекта проверки в конкретный период времени, поскольку, с одной стороны, в современных условиях корректировка законодательства является динамичным и непрерывным процессом, с другой стороны, следует обращать особое внимание на пределы действия нормативных правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц. Например, Указ № 191 за последнее время неоднократно подвергался корректировке в рамках положений указов Президента Республики Беларусь от 29.12.2020 № 497 (вступил в силу с 1 января 2021 г.) и от 07.02.2022 г. № 33 (начало действия которого за исключением отдельных положений – 1 июля 2022 г.).

В свою очередь, при проведении предварительного анализа проблемных ситуаций на объекте проверки следует принимать во внимание всю совокупность факторов, способных оказать влияние на обычную хозяйственную и иную деятельность организации: текущие либо завершенные процедуры

перерегистрации, реорганизации, ликвидации, банкротства и т.д. Изучение типичных нарушений законности на проверяемом объекте и на иных подобных объектах, способов их сокрытия, причин и условий таких нарушений имеют немаловажное значение в силу специфики деятельности организаций физической культуры и спорта. Как уже отмечалось, участие спортсменов, спортивных клубов в спортивных соревнованиях регламентируется главным образом положениями актов федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта, в том числе международных. Ответственность за нарушение требований актов таких субъектов имеет специфическую правовую природу (т.н. «спортивная ответственность»: штрафы, дисквалификации, отстранение от участия в спортивных соревнованиях и др.). Вместе с тем нарушения законодательства обычно имеют место при заключении, исполнении или расторжении гражданско-правовых договоров (договоров об оказании безвозмездной (спонсорской) помощи, трансферных сделок и т.д.), контрактов (трудовых договоров) со спортсменами, тренерами и иными работниками.

При непосредственном проведении проверки ключевое значение имеет установление следующих фактов:

- наличие права организации физической культуры и спорта на получение поддержки на основании Указа № 191;
- выполнение проверяемыми организациями физической культуры и спорта, получающими поддержку и претендующими на получение таковой, в полном объеме обязательных условий в соответствии с пп. 2, 2-1 Указа № 191;
- определение направлений расходования средств поддержки получившими ее организациями.

Вплоть до настоящего времени контролирующими органами регулярно выявлялись случаи нерационального расходования организациями физической культуры и спорта получаемых средств поддержки, что выражалось, например, в установлении работникам (в особенности спортсменам, тренерам, руководителям) уровня заработной платы, не соответствующего уровню достигаемых спортивных результатов; завышенных расходах на организацию и проведение учебно-тренировочных сборов за рубежом и др. Также фиксировались случаи попыток обхода объектами проверки установленных Указом № 191 ограничений (например, при получении поддержки от иностранных организаций, учредителями которых фактически выступают белорусские организации) и формального отношения к выполнению установленных требований (в части разработки и согласования планов развития клубов по игровым видам спорта и др.). На этом фоне участилась практика отказов клубов, пользующихся средствами поддержки, направлять спортсменов в национальные и сборные команды Республики Беларусь, что противоречит государственным и общественным интересам. Белорусским законодателем регулярно предпринимаются попытки решения обозначенных проблем посредством совершенствования законодательства в части корректировок Указа № 191, постановления Совета Министров Республики Беларусь от 16.05.2013 № 383 «О регулировании оплаты труда работников клубов по игровым видам спорта, получающих поддержку» и т.д.

Вместе с тем полагаем, что надлежащая организация осуществления надзора за соблюдением законодательства об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта органами прокуратуры может во многом

способствовать разрешению обозначенных проблемных вопросов. Так, в соответствии с подп. 1.11 п. 1 приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 28.06.2018 № 35 «Об организации надзора за исполнением законодательства о профилактике правонарушений» акты прокурорского надзора должны быть направлены на устранение нарушений законодательства, быть обоснованными, аргументированными и четкими в изложении фактологического материала, а информация содержать обстоятельный анализ и оценку состояния уровня преступности, эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений, имеющихся проблем в практической деятельности. Таким образом, общее понимание прокурорскими работниками особенностей правового положения и функционирования организаций физической культуры и спорта будет способствовать более эффективному обеспечению законности и правопорядка, защите прав и законных интересов субъектов сферы физической культуры и спорта, а также общественных и государственных интересов.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ РОЗЫСКЕ С ЦЕЛЬЮ ВЫДАЧИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СКРЫВШИХСЯ ОТ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ИЛИ СУДА

Богданович Н.А.

Международная правовая помощь по уголовным делам включает в себя две самостоятельные формы:

1. Оказание правовой помощи по уголовным делам при наличии международного договора Республики Беларусь (ч. 1 ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

В основу первой формы положено такое понятие международного уголовного права, как «экстрадиция» (либо «выдача»), а правовые основы заложены в ст. 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и регулируют вопросы выдачи граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства в тех случаях, когда это предусмотрено международным договором Республики Беларусь.

Международный договор может быть многосторонним (например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в г. Минске 22 января 1993 г. (далее – Минская Конвенция) и двусторонним (например, Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 20 октября 1992 г.).

2. Оказание правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности (раздел XV УПК).

Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности оказывается в объеме и порядке, которые установлены УПК и Законом Республики Беларусь от 18 мая 2004 г. № 284–З «О международной правовой помощи по уголовным делам».

Основанием для оказания международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности является просьба органа иностранного государства, в которой содержатся положения о ее сути и указываются сведения об уголовном деле, о фактических обстоятельствах и правовой квалификации деяния, текст положений уголовного закона иностранного государства, которыми предусматривается ответственность за это деяние, сведения о размере причиненного вреда, а также иные сведения, необходимые для ее исполнения.

Установленный УПК порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам применяется и в тех случаях, если такой порядок международным договором Республики Беларусь не определен.

В соответствии с отечественным законодательством Генеральная прокуратура Республики Беларусь (далее – Генеральная прокуратура) участвует в объявлении международного розыска с целью выдачи лиц, совершивших преступления и скрывшихся от органов предварительного следствия или суда.

Правовое регулирование обеспечения вопросов информационного взаимодействия Интерпола осуществляется Инструкцией об обеспечении информационного взаимодействия в рамках Интерпола, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры от 21 января 2015 г. № 5дсп/1дсп. Вопросы, связанные с международным розыском лиц, регулируются приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 06.04.2018 № 21-ДСП «Об участии органов прокуратуры в объявлении международного розыска лиц, совершивших преступления».

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих вопросы объявления в международный розыск с целью выдачи лиц, совершивших преступления и скрывшихся от органов уголовного преследования и суда, позволил выстроить следующий алгоритм согласованных действий.

1. В зависимости от инициатора розыска материалы для объявления лица в международный розыск с целью выдачи в Генеральную прокуратуру могут предоставляться либо прокуратурами областей, г. Минска, предварительно изучившими уголовные и розыскные дела, а также соответствующие материалы и подготовившими заключения, либо центральными аппаратами Комитета государственной безопасности, МВД, ДФР КГК.

2. Генеральная прокуратура изучает соответствующие материалы, а также, если необходимо, розыскные и уголовные дела, после чего принимает решение о наличии оснований для объявления обвиняемых или осужденных в международный розыск с целью выдачи.

3. В случае если данные основания имеются, Генеральная прокуратура дает Национальному центральному бюро Интерпола в Республике Беларусь (далее – НЦБ Интерпола) поручение о направлении по каналам НЦБ Интерпола запроса об установлении местонахождения, задержании и заключении под стражу разыскиваемого лица до получения просьбы о выдаче. В дальнейшем НЦБ Интерпола уведомляет Генеральную прокуратуру о результатах исполнения поручения: лицо либо объявляется в международный розыск с целью выдачи либо нет.

4. Если оснований для дачи поручения НЦБ Интерпола не имеется, то Генеральная прокуратура возвращает материалы инициатору с указанием причин отказа.

В правоприменительной практике существует целый ряд непростых вопросов, связанных с применением норм, регулирующих вопросы выдачи лиц, совершивших преступления и скрывшихся от органов уголовного преследования и суда. Необходимо отметить, что сложившаяся практика получения согласия запрашиваемой стороны на присоединение к приговору в отношении выданного лица неотбытой части ранее вынесенного приговора, не связанного с лишением свободы, не соответствует одному из основных принципов уголовного права – принципу неотвратимости наказания. Генеральные прокуратуры отказывают в согласии на присоединение к приговору наказания, назначенного выдаваемому лицу по приговору, вынесенному до выдачи, если этот приговор не связан с лишением свободы. Основанием для отказа служит то обстоятельство, что согласие на присоединение приговора фактически является выдачей для его исполнения, что влечет за собой необходимость соблюдения положений пункта 3 статьи 56 Минской Конвенции (приговор в виде лишения свободы на срок не менее 6 месяцев). Тем самым из-за несовершенства статьи «Обязанность

выдачи» выданное лицо освобождается от исполнения ранее вынесенного в его отношении приговора. Таким образом, редакция пункта 2 статьи 56 «Обязанность выдачи» Минской Конвенции также препятствует выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности в полном объеме предъявленного обвинения при наличии в нем преступлений, не наказуемых в виде лишения свободы.

Таким образом, анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет рассмотреть вопрос о необходимости изменения либо подготовки новой редакции статьи «Обязанность выдачи» Минской Конвенции, дополнив ее пунктом следующего содержания: «Если просьба о выдаче касается нескольких отдельных преступлений, каждое из которых наказывается в соответствии с законодательством обеих сторон, либо приговоров, вынесенных за наказуемые по законодательству Сторон преступления, но некоторые из них не отвечают условиям, изложенным в пунктах 2 и 3 настоящей статьи, запрашиваемая Сторона разрешает выдачу за такие преступления либо приговоры при условии, что лицо подлежит выдаче по крайней мере за одно преступление или приговор, влекущие выдачу».

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Граш В.В.

Для объективного разрешения уголовного дела оптимальным является его расследование и рассмотрение в суде по месту совершения преступления. Если обвиняемый находится за пределами Республики Беларусь, то он может быть выдан иностранным государством.

Но в выдаче лица может быть отказано, к примеру, по мотиву гражданства.

Такие следственные ситуации получают распространение в условиях развития процессов глобализации, в том числе увеличения миграционных потоков. Имеет место и совершение транснациональных преступлений в составе организованных преступных групп.

Желая избежать уголовной ответственности за совершенное на территории Республики Беларусь преступление, иностранный гражданин скрывается от органов уголовного преследования Республики Беларусь на территории государства своей гражданской принадлежности, заведомо зная о недопустимости выдачи собственных граждан.

В этих случаях возможно применение такого института международной правовой помощи как осуществление уголовного преследования на территории местонахождения субъекта преступления. Данный институт представляет собой согласованные передачу и прием от одного государства другому суверенного права по установлению факта и обстоятельств совершенного преступления, привлечению совершившего преступное деяние лица к уголовной ответственности и обеспечению применения к такому лицу наказания либо иных предусмотренных уголовным законом мер.

При этом запрашивающая сторона передает запрашиваемой стороне имеющиеся в ее распоряжении материалы уголовного дела (либо их копии) и вещественные доказательства. В свою очередь, дальнейшее уголовное преследование лица осуществляется в соответствии с законодательством запрашиваемой стороны.

В Республике Беларусь центральным компетентным органом по вопросам оказания данного вида международной правовой помощи как на основе принципа взаимности, так и положений международных договоров определена Генеральная прокуратура.

В свою очередь, в Генеральной прокуратуре вопросы передачи и принятия уголовного преследования при оказании международной правовой помощи отнесены к компетенции управления по надзору за исполнением законодательства Следственным комитетом Республики Беларусь.

В 2015 году внимание Генеральной прокуратуры обращено на проблему неприменения подразделениями Следственного комитета рассматриваемого института международной правовой помощи при наличии оснований и отсутствии объективных препятствий для этого. На практике это приводило к истечению сроков давности и позволяло иностранным гражданам избегать уголовной ответственности, что негативно сказывалось на защите прав потерпевших, государственных и общественных интересов.

Кроме того, направление уголовных дел в иностранные государства спустя длительное время после их возбуждения препятствует дальнейшему объективному расследованию преступлений ввиду давности исследуемых событий.

В связи с этим на протяжении последних лет Генеральной прокуратурой принимаются меры по обеспечению развития соответствующего направления международно-правового сотрудничества.

По результатам обобщений следственной практики Генеральной прокуратурой в адрес руководства Следственного комитета внесены акты прокурорского надзора об устранении нарушений законодательства, связанных с неприятием следователями при наличии оснований решений об инициировании процедуры передачи уголовного преследования компетентным органам иностранных государств.

В целях разрешения проблемных вопросов правоприменительной практики в Следственный комитет и нижестоящие прокуратуры направлен ряд информационно-методических документов.

В частности, в информационном письме Генеральной прокуратуры от 02.02.2017 указано о допустимости передачи компетентным органам иностранного государства уголовного преследования гражданина Республики Беларусь в случае отказа в его выдаче. Аналогичной позиции придерживается и белорусский ученый Самарин В.И., занимающийся научными исследованиями в сфере оказания международной правовой помощи по уголовным делам.

Постановлением Генерального прокурора Республики Беларусь и Председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 17.05.2017 утверждена Инструкция о порядке взаимодействия органов прокуратуры Республики Беларусь и подразделений Следственного комитета Республики Беларусь в ходе международного сотрудничества в сфере уголовного преследования.

Результатом принятого Генеральной прокуратурой комплекса мер стала активизация международно-правового сотрудничества в сфере уголовного преследования.

Если в 2015 году белорусской стороной компетентным органам иностранных государств направлена 21 просьба об осуществлении уголовного преследования лица, совершившего преступление на территории Республики Беларусь, то в 2021 году – 71.

Также в Генеральной прокуратуре находится на контроле ход рассмотрения всех поступивших просьб (поручений) иностранных государств об осуществлении уголовного преследования граждан Республики Беларусь, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений на территории данных государств. Принятое по результатам осуществления уголовного преследования процессуальное решение органа, ведущего уголовный процесс, в обязательном порядке изучается в Генеральной прокуратуре на предмет законности.

Наиболее активно международно-правовое сотрудничество в сфере уголовного преследования развивается с Российской Федерацией (около 70 % от общего объема международно-правовых просьб данного вида) и с иными приграничными государствами – Украиной, Польшей, Литвой, Латвией.

Также в 2016–2021 гг. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь международно-правовое сотрудничество в рассматриваемой сфере осуществлялось с компетентными органами Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Австрии, Болгарии, Словакии, Сербии, ФРГ, Чехии, Вьетнама.

Международно-правовое сотрудничество в данном направлении позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления на территории иностранного государства, даже спустя длительное время после их совершения.

К примеру, Брянским областным судом Российской Федерации в 2016 году осужден гражданин Российской Федерации, совершивший еще в 2005 году убийство с особой жестокостью в г. Витебске.

Перспективным направлением дальнейшего развития рассматриваемого института международно-правового сотрудничества является установление в национальном уголовно-процессуальном законодательстве возможности передачи уголовного дела со стадии судебного разбирательства на стадию предварительного расследования при необходимости решения вопроса о передаче дела компетентным органам иностранного государства для дальнейшего уголовного преследования обвиняемого.

Необходимость дополнения законодательства данным положением обусловлена тем, что большинство международных договоров Республики Беларусь не предусматривают возможность передачи уголовных дел, находящихся в производстве судов.

В соответствии с положениями Минской конвенции 1993 года, используемой при взаимных сношениях с Российской Федерацией и рядом стран СНГ, запрашиваемой стороной расследование переданного уголовного дела продолжается, что препятствует передаче дел, находящихся на стадии судебного разбирательства.

Вместе с тем суды не всегда могут по объективным причинам применить положения п. 2 ч. 2 ст. 294 УПК о проведении судебного разбирательства

в отсутствие обвиняемого, находящегося вне пределов Республики Беларусь и уклоняющегося от явки в судебное заседание.

В связи с этим на практике имеют место случаи, когда обвиняемый иностранный гражданин, нарушивший меру процессуального принуждения и покинувший пределы Республики Беларусь на стадии судебного разбирательства, длительное время не привлекается к уголовной ответственности.

Решением данной проблемы может быть внесение соответствующих изменений в УПК, а именно дополнение статьи 280¹ дополнительным основанием возвращения уголовного дела прокурору.

Подобные механизмы возвращения дел на стадию предварительного следствия для их дальнейшей передачи в иностранные государства используются в правоприменительной практике Казахстана и Украины.

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МЕХАНИЗМЕ ОБЗОРА ХОДА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

Карабельникова А.С.

Конвенция ООН против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г.) является важнейшим для мирового сообщества документом, направленным на объединение усилий государств-участников в предупреждении коррупции, обеспечение единообразия в установлении ответственности за различные разновидности коррупционного поведения, развитие международного сотрудничества, в том числе в сфере возврата активов.

Конвенция ратифицирована Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 344-З «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции», вступила в силу для Республики Беларусь 14 декабря 2005 г. На основании ст. 2 и 3 названного Закона Генеральная прокуратура Республики Беларусь координирует исполнение Конвенции в Беларуси, а также является центральным органом, ответственным за получение просьб об оказании взаимной правовой помощи, их выполнение либо препровождение компетентным органам Республики Беларусь для выполнения.

Согласно со ст. 63 Конвенции ООН против коррупции, для достижения целей, установленных Конвенцией, а также содействия осуществлению Конвенции и проведения обзора ее осуществления учреждается Конференция государств-участников Конвенции. Конференция создается Генеральным секретарем ООН каждые два года. Состоялось 9 конференций: 10–14 декабря 2006 г. в г. Аммане (Иордания), 28 января – 1 февраля 2008 г. в г. Нуса-Дуа (Индонезия), 9–13 ноября 2009 г. в г. Доха (Катар), 24–28 октября 2011 г. в г. Марракеше (Марокко), 25–29 ноября 2013 г. в г. Панама (Панама), 2–6 ноября 2015 г. в г. Санкт-Петербурге (Российская Федерация), 6–10 ноября 2017 г. в г. Вене (Австрия), 16–20 декабря 2019 г. в г. Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты), 13–17 декабря 2021 г. в г. Шарм-эль-Шейхе (Египет).

В Конференции государств-участников, как правило, принимают участие с докладами представители высокого уровня.

Девятая Конференция проходила в смешанном формате (очном и дистанционном), что позволило представителям Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь принять участие в работе Конференции посредством видеосвязи. Параллельно с проведением Конференции многие страны организовали специальные мероприятия по антикоррупционной тематике.

Для более оперативного решения вопросов, возникающих в связи с функционированием механизма обзора хода осуществления Конвенции ООН против коррупции, в г. Вене (Австрийская Республика) проводятся сессии, совещания следующих вспомогательных органов: Группы по обзору хода осуществления, Межправительственной рабочей группы открытого состава по предупреждению коррупции, Межправительственного совещания экспертов открытого состава по развитию международного сотрудничества по линии Конвенции ООН против коррупции, Межправительственной рабочей группы открытого состава по возвращению активов.

Для подготовки сессий Группы по обзору хода осуществления, совещаний рабочих групп Секретариат Конвенции ООН против коррупции может направлять вопросники в государства-участники Конвенции, на основании ответов на которые готовит соответствующие обзоры. Обычно с текстом обзоров можно ознакомиться до проведения сессий и совещаний на сайте Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) на английском языке и / или на других официальных языках ООН, в том числе на русском.

В ходе сессий Группы по обзору хода осуществления и совещаний рабочих групп Секретариат Конвенции ООН против коррупции обычно знакомит участников с подготовленными им обзорами по рассматриваемым вопросам, заранее определенные докладчики из стран, опыт которых отнесен к лучшим практикам, выступают с презентациями. Во время дискуссии представители государств-участников могут задавать вопросы докладчикам и делиться своим опытом, достижениями, возникающими проблемами в имплементации норм Конвенции.

На третьей Конференции государств-участников Конвенции ООН против коррупции была достигнута договоренность о проведении и порядке проведения взаимного обзора, разработан Механизм обзора хода осуществления Конвенции ООН против коррупции. Обзор проводится в несколько этапов, которые состоят из двух циклов обзора. В первом цикле предусмотрено рассмотрение выполнения глав III и IV Конвенции ООН против коррупции о криминализации, правоохранительной деятельности, международном сотрудничестве, во втором – глав II и V Конвенции ООН против коррупции о мерах по предупреждению коррупции и мерах по возвращению активов.

Обзор проводится самими государствами в отношении друг друга на основании принципов суверенного равенства, территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела других государств. Путем жеребьевки определяются два государства, эксперты из которых будут проводить обзор в отношении конкретного государства: одно государство выбирается из стран того же региона, что и страна, в отношении которой

проводится обзор, другое – из всех стран, ратифицировавших Конвенцию и участвующих в механизме обзора хода осуществления Конвенции.

Доклады по странам основываются на самооценке и коллегиальной экспертной оценке. Кабинетный обзор основан на ответах на перечень вопросов для самооценки и любой информации, которую предоставляет государство, в отношении которого проводится обзор, в том числе во время визита экспертов в страну.

На основании обзора выполнения Конвенции ООН против коррупции государства, проводящие обзор, готовят доклад об обзоре, в котором отмечаются достигнутые результаты, успешные виды практики и трудности, приводятся комментарии по вопросу осуществления Конвенции ООН против коррупции. Страновой доклад становится окончательным после его согласования государством, в отношении которого проводится обзор, и государствами, которые проводят обзор.

Доклады об обзоре являются конфиденциальными, однако государство, в отношении которого проводится обзор, имеет право опубликовать доклад полностью либо частично. Краткие обзоры об анализе мер, принимаемых странами, размещаются на сайте УНП ООН на шести официальных языках ООН.

Республика Беларусь наравне с другими ратифицировавшими Конвенцию ООН против коррупции странами, активно участвует в механизме обзора хода осуществления Конвенции не только в качестве государства, в отношении которого проводится обзор, но и проводит обзоры осуществления Конвенции другими странами. Взаимодействие с Секретариатом Конвенции ООН против коррупции осуществляется Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, которая координировала заполнение вопросников по обоим циклам обзора, а также проведение странового визита и согласование доклада об обзоре в рамках первого цикла обзора.

Первый цикл обзора хода осуществления Республикой Беларусь Конвенции ООН против коррупции проводили эксперты из Грузии и Молдовы. Оценочный визит состоялся 10–12 марта 2015 г. Резюме обзора опубликовано на сайте УНП ООН 9 марта 2018 г. Второй цикл обзора в отношении Беларуси проводится экспертами из Украины и Мозамбика. Цикл обзора до сих пор не завершен, поскольку из-за пандемии коронавируса страновой визит экспертов, проводящих обзор, перенесен на неопределенный срок.

В качестве правительственных экспертов от Беларуси были назначены представители НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, которые обладают необходимым уровнем профессиональной квалификации для проведения таких обзоров, а также свободно владеют английским языком. В частности, представитель НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь провел совместно с экспертами из других государств первый цикл обзора хода осуществления Конвенции ООН против коррупции Ираном, Островами Кука. Эксперты из НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь совместно с экспертами из Генеральной прокуратуры Республики Беларусь провели кабинетный обзор по второму циклу обзора хода осуществления Конвенции Польшей. Страновой визит был перенесен на неопределенный срок из-за пандемии коронавируса. В апреле 2022 г. экспертом из НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в Секретариат Конвенции был направлен кабинетный обзор по второму циклу

в отношении Антигуа и Барбуда. Доклад об обзоре будет подготовлен после визита экспертов в страну.

Таким образом, Генеральная прокуратура Республики Беларусь активно сотрудничает с Секретариатом Конвенции ООН против коррупции. Пандемия коронавируса, с одной стороны, затруднила проведение страновых визитов и привела к продлению сроков проведения обзоров, а, с другой стороны, обусловила необходимость проведения мероприятий в дистанционном или смешанном формате, что обеспечило возможность участия экспертов из Беларуси не только в проведении страновых обзоров, но и в обсуждении актуальных вопросов, связанных с имплементацией Конвенции и функционированием механизма обзора хода ее осуществления.

О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Плохов С.В.

В последние годы проблема противодействия информационной преступности приобрела новые масштабы, обусловленные пандемией COVID-19, широким процессом цифровизации, распространением виртуальных активов, их анонимным трансграничным перемещением.

Криминалитетом широко используется Даркнет в целях незаконной торговли информацией и запрещенными предметами, включая наркотики, оборот которых с каждым годом увеличивается путем их бесконтактного сбыта. Интернет все чаще становится ресурсом для совершения террористических и экстремистских деяний, негативного воздействия на молодое поколение, вовлечения подростков в деструктивные сообщества и склонения к совершению преступлений.

Взрывной рост киберпреступлений во всем мире не обошел стороной и Россию. По итогам 2021 г. в стране зарегистрировано более 517 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) или в сфере компьютерной информации, что составляет более четверти всех зафиксированных криминальных деяний.

Нарастающие вызовы и угрозы в цифровой среде, отмеченные тенденции использования ИКТ-технологий во вред правам и законным интересам граждан, общества и государства, трансграничный формат таких действий и высокая степень анонимности преступников требуют принятия скоординированных мер, направленных на формирование системы обеспечения информационной безопасности, включая организацию эффективного межведомственного взаимодействия на этом направлении, создание международно-правовых механизмов предотвращения информационных угроз в глобальном цифровом пространстве и пресечения киберпреступлений.

В этих целях приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 06.07.2020 № 352 под руководством заместителя Генерального прокурора

Российской Федерации, курирующего вопросы международно-правового сотрудничества, создана межведомственная рабочая группа по противодействию информационной преступности (далее – МРГ), объединяющая представителей российских уполномоченных государственных органов.

Деятельность рабочей группы сосредоточена как на совершенствовании российского законодательства и практики его применения, так и на вопросах международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности, включая формирование соответствующих международных механизмов.

Значимым результатом деятельности МРГ стала подготовка входящими в ее состав экспертами российского проекта конвенции ООН о противодействии использованию ИКТ в преступных целях, который 27.07.2021 официально внесен в специальный межправительственный комитет экспертов открытого состава для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях, учрежденный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 27.12.2019 № 74/247. Российской межведомственной делегацией обеспечивается активное участие в этом механизме.

В отличие от избранного некоторыми странами узкого подхода о разработке международного документа, направленного на противодействие исключительно компьютерным преступлениям, нами будущая конвенция видится как универсальный механизм борьбы с широким кругом деяний, совершенных с использованием ИКТ.

В российском проекте нашли отражение 23 состава преступлений, включая несанкционированный доступ к персональным данным, незаконное распространение фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий, терроризм, экстремизм, реабилитацию нацизма, незаконный оборот наркотиков, оружия, вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность и многое другое – все самое актуальное в мире киберпреступности.

Большое внимание уделено и процедурным аспектам. В проекте прописаны доказавшие свою эффективность элементы международного сотрудничества и столь необходимые сейчас экстренные механизмы взаимодействия, значительно повышающие скорость и эффективность работы правоохранительных органов при расследовании ИКТ-преступлений, имеющих трансграничный характер и требующих мгновенной реакции.

При этом соблюден баланс в вопросах защиты персональных данных, уважения государственного суверенитета и прав человека. Реализован комплекс мер по защите свидетелей, а также активному применению современных технологий, в том числе систем видео-конференц-связи или телефонной конференции, для проведения допросов и иных процессуальных действий.

Важным элементом проекта считаем возможность оказания технической помощи развивающимся государствам, которые наиболее уязвимы от действий киберпреступников и нуждаются в серьезной поддержке. Будущая конвенция может стать серьезным импульсом для формирования мощной законодательной базы и повышения технического потенциала государств – членов ООН в защите людей, общества и бизнеса.

Итоги 31-й сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшейся в г. Вене 16–20 мая 2022 г., подтвердили, что схожих подходов придерживается значительное число государств.

Следует отметить, что тематика противодействия киберпреступности поднимается представителями Генеральной прокуратурой Российской Федерации и лично Генеральным прокурором Российской Федерации в ходе многочисленных международных мероприятий с иностранными партнерами.

Так, в январе 2022 г. Генеральный прокурор Российской Федерации затрагивал этот вопрос в ходе двусторонних встреч с генеральными прокурорами Белиза, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Ирана, Монголии, Норвегии, Палестины, Саудовской Аравии, Словакии, Словении, Турции и Министром юстиции Сербии, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – на переговорах с заместителями генеральных прокуроров Бразилии, Кубы и Италии.

В 2021 г. тематика борьбы с киберпреступностью обсуждалась на высоком уровне в ходе визитов Генерального прокурора Российской Федерации в ОАЭ, Беларусь, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан, а также на экспертном уровне в рамках участия представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации в более 40 международных мероприятиях.

Вопросы противодействия преступлениям, совершенным с использованием ИКТ, предусмотрены в подписанных в 2021–2022 гг. 7 соглашениях и 10 программах сотрудничества между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и компетентными органами иностранных государств, что позволяет укреплять международное взаимодействие в обозначенной сфере и положительно сказывается на рассмотрении запросов о правовой помощи.

В 2021 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации по уголовным делам о преступлениях в сфере ИКТ в компетентные органы иностранных государств направлено 105 запросов о правовой помощи (из них 46 направлены в компетентные органы государств-членов СНГ, 59 – в страны дальнего зарубежья). Из-за рубежа поступили сведения об исполнении 81 запроса (из них 50 исполнено компетентными органами государств-членов СНГ, 31 – странами дальнего зарубежья).

В свою очередь Генеральной прокуратурой Российской Федерации организовано исполнение 3 217 запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам данной категории, подавляющее большинство которых (3 096) поступили из Беларуси, что объясняется нахождением в России основных поставщиков ИКТ-услуг и хостингов социальных медиа, используемых белорусскими пользователями. По 2 778 исполненным запросам в компетентные органы иностранных государств направлены соответствующие материалы.

Основными составами преступлений, по делам о которых запрашивается помощь как во входящих, так и исходящих запросах, являются компьютерное мошенничество (методы социальной инженерии), компьютерное вымогательство, сексуальная эксплуатация детей (в большинстве случаев самогенерируемый контент) и сексуальное насилие над детьми в Интернете. Входящие из-за рубежа запросы, кроме того, вносятся по уголовным делам о пересылке денег и иного имущества, заведомо добытых преступным путем, и так называемом брачном мошенничестве. Большую проблему представляют собой «телефонные мошенники», осуществляющие свою деятельность из зарубежных колл-центров, в отношении клиентов российских банков.

В случае если в ходе рассмотрения и исполнения иностранного запроса российскими органами обнаруживаются признаки преступления, подпадающего под юрисдикцию Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации инициируется передача в Россию из-за рубежа копий материалов соответствующего иностранного уголовного производства, включая заявление или иное сообщение о преступлении, в порядке правовой помощи или правоохранительного содействия для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и (или) заведении дела оперативного учета, а в случае если иностранному государству отказывается в экстрадиции обвиняемого – инициируется передача в Россию его уголовного преследования.

Таким образом, в целях противодействия не знающей национальных границ киберпреступности российской прокуратурой ведется масштабная работа в сфере международного сотрудничества. При этом Генеральная прокуратура России открыта к честному равноправному диалогу с коллегами во всем мире для совместной борьбы с наиболее опасными криминальными вызовами и угрозами современности.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА, СВЯЗАННОГО С ЭКСТРАДИЦИЕЙ

Самарин В. И.

В процедурах, связанных с международной правовой помощью по уголовным делам, задействованы органы, ведущие уголовный процесс, включая суд, прокурора, следователя и орган дознания. В положениях Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» и общей части Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) нет норм, позволяющих определить компетенцию прокурора в исследуемой сфере. Учитывая отсутствие производства по уголовному делу в Республике Беларусь, возможность ограничения фундаментальных прав лица и необходимость обеспечения соблюдения международных обязательств нашего государства, особое значение приобретает надзор за исполнением закона в части, связанной с экстрадицией.

В данном случае задействованы, прежде всего, такие отрасли прокурорского надзора, как 1) надзор за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания; 2) надзор за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении. Указанные полномочия реализуются как в ходе выдачи лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, так и при необходимости выдачи лица Республике Беларусь, а также *post factum*.

1. Прокурору надлежит надзирать за соответствием УПК правовых актов и решений (действий) органов предварительного следствия и органов дознания и их должностных лиц, связанных с экстрадицией.

В случае если международный договор Республики Беларусь предусматривает сношение по вопросам выдачи через генеральных прокуроров

(прокуроров) соответствующих государств (например, ст. 88 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г.), орган, ведущий уголовный процесс, в чьем производстве находится уголовное дело, готовит пакет документов, необходимых для составления и направления Генеральной прокуратурой запроса (просьбы) о выдаче. В иных случаях и при отсутствии с государством, где находится обвиняемый (осужденный), международного договора просьба органа, ведущего уголовный процесс, а также документы и материалы, прилагаемые к ней, направляются для принятия в соответствии со ст. 495 УПК решения в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь.

При необходимости объявления лица в международный розыск с целью выдачи прокуратура готовит заключение по уголовному делу, утверждаемое прокурором (заместителем прокурора). В ходе подготовки заключения необходимо проверить законность возбуждения уголовного дела, правильность квалификации, законность и обоснованность применения меры пресечения в виде заключения под стражу, соблюдение законности при производстве следственных и иных процессуальных действий.

2. При осуществлении предварительного следствия и при направлении уголовного дела в суд прокурор обязан проверять соблюдение принципа конкретности, который ограничивает пределы уголовного преследования лица, выданного Республике Беларусь иностранным государством. Принцип конкретности подразумевает, что государственные органы Республики Беларусь могут использовать оказываемую им международную правовую помощь только в пределах, в которых уполномоченное должностное лицо Беларуси ее запросило, а компетентный орган иностранного государства дал согласие на оказание. То есть, лицо может уголовно преследоваться за совершение до его выдачи деяния, уголовно-правовая квалификация которого указана в просьбе об оказании помощи и в решении компетентного органа иностранного государства (последнее может ограничить объем помощи) (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2015 г. № 10 «О практике применения судами законодательства, регулирующего оказание международной правовой помощи по уголовным делам»). Конкретность относится не только к деянию, но и к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. При изменении квалификации должна сохраняться выдачеспособность преступления.

Действие принципа конкретности ограничено во времени. Для привлечения лица к уголовной ответственности за преступление, совершенное после его выдачи, согласия иностранного государства не требуется. Кроме того, лицо имеет определенный срок (указан в международном договоре, как правило, 30-45 суток), чтобы после отбытия наказания или прекращения уголовного преследования в отношении деяния, за которое оно было выдано, добровольно покинуть территорию Республики Беларусь, после чего последняя сможет осуществить в отношении выданного ранее лица уголовное преследование в связи с совершением иных деяний.

Для преодоления ограничений принципа конкретности необходимо запросить согласие государства, которое оказывает помощь, о чем прокурор может дать указание следователю в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК.

Прокурор может также изменить объем обвинения или квалификацию деяния в порядке п. 1 ч. 1 ст. 264 УПК.

3. Для оформления задержания лица, находящегося в международном розыске, последнее доставляется в органы внутренних дел по территориальности. Основание для такого задержания предусмотрено в ст. 510 УПК. При ознакомлении с практикой установлены случаи, когда составлялся протокол задержания указанных лиц по непосредственно возникшему подозрению со ссылкой на ст. 108 УПК, лицо ознакомливало с правами и обязанностями, предусмотренными ст. 41 УПК, выносилось постановление о задержании по тому же основанию (по подозрению в совершении преступления, предусмотренного уголовным законом иностранного государства). Такое задержание нельзя признать законным, так как в силу ст. 40 УПК лицо приобретает статус подозреваемого, хотя и не совершало преступления на территории нашего государства. Более того, в этом случае должна действовать норма ч. 2 ст. 108 УПК, позволяющая содержать такое лицо под стражей до возбуждения уголовного дела на территории Республики Беларусь не более 12 часов. Прокурор должен незамедлительно реагировать на такое нарушение УПК. На практике иногда выносятся «постановление о задержании лица, находящегося в межгосударственном розыске», хотя ст. 510 УПК предусматривает задержание лица в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи.

После задержания лица, находящегося в международном розыске, прокурор (его заместитель) по территориальности обязан взять у него объяснения по факту объявления такого лица в международный розыск до вынесения постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 3 ст. 512 УПК). При вручении лицу копии постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу ему должны быть разъяснены право и порядок обжалования заключения под стражу (ч. 5 ст. 512 УПК). После этого в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь в течение 24 часов направляется уведомление, к которому прилагается копия указанного постановления и объяснений. Прокурор (его заместитель) по территориальности обязан своевременно отменить меру пресечения и освободить лицо из-под стражи при наличии оснований, указанных в п. 1-4 ч. 1 ст. 514 УПК.

4. Прокурор проверяет соответствие законодательству об экстрадиции (включая международные обязательства Республики Беларусь) приговоров, определений и постановлений судов (судей).

В рамках экстрадиционной процедуры в суд могут быть обжалованы задержание, заключение под стражу, домашний арест и продление последних, а также постановление Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя о выдаче лица иностранному государству и о выдаче на время лица иностранному государству (гл. 57 УПК). Задача прокурора – оценить на предмет законности результаты судебной проверки таких решений и при необходимости опротестовать незаконное постановление судьи.

Надзор за соответствием закону приговора в части норм о выдаче лица и соблюдения международных обязательств Республики Беларусь осуществляется и в ходе его проверки на предмет принесения апелляционного протеста (а, возможно, и протеста в порядке надзора). Как указано в п. 5.3 приказа Генерального прокурора Республики Беларусь № 64 от 11.11.2010

«Об организации международно-правового сотрудничества органов прокуратуры Республики Беларусь», такое опротестование обязательно при нарушении описанного выше принципа конкретности. Еще одно встречающееся на практике нарушение – неправильный зачет срока содержания лица под стражей в иностранном государстве. Засчитываться должен такой срок, если заключение под стражу предшествовало непосредственно выдаче лица таким иностранным государством.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Проверка соблюдения законодательства об экстрадиции осуществляется прокурором в рамках надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания, а также надзора за соответствием закону судебных постановлений.

2. Надзор осуществляется при проверке запроса (просьбы) о выдаче лица и прилагаемых документов, при применении к лицу, разыскиваемому иностранным государством, мер уголовно-процессуального принуждения, при проверке уголовных дел перед направлением в суд и судебных постановлений. При этом должны учитываться содержание международных договоров Республики Беларусь и особые предписания раздела XV УПК.

3. Прокурор должен опротестовать в апелляционном порядке приговор, если при его постановлении нарушены нормы об экстрадиции (включая принцип конкретности).

НАШИ АВТОРЫ

Афонченко Татьяна Петровна – доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации.

Белоглазов Александр Иванович – старший следователь Бобруйского межрайонного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Белокопытов Валерий Викторович – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор.

Бильдейко Алексей Александрович – начальник отдела по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов прокуратуры Брестской области.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Булгакова Луиза Сираждединовна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Бурмагин Сергей Викторович – ведущий научный сотрудник кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Бурый Виталий Евгеньевич – начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Васько Наталья Олеговна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Гашикова Тамара Владимировна – начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Герасимова Светлана Ивановна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Головко Ирина Ивановна – декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Гордынец Павел Александрович – начальник отдела по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов прокуратуры Минской области.

Горошко Елена Юрьевна – доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения Университета гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Граш Виктор Викторович – начальник отдела методического обеспечения и правоприменительной практики управления по надзору за исполнением законодательства Следственным комитетом Республики Беларусь Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Григорьев Виталий Владимирович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. Макана Есбулатова.

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, профессор.

Данько Игорь Владимирович – заведующий кафедрой экономического и финансового права БИП – Университета прав и социально-информационных технологий, кандидат юридических наук, доцент.

Денисултанов Ислам Салаудинович – магистрант Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

Довгялло Марина Михайловна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Дубко Михаил Анатольевич – советник-консультант экспертно-правового управления Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Дятлова Виктория Олеговна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Ескендеров Айдос Абдрахманович – ученый секретарь Ученого совета Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М.Е. Есбулатова, кандидат юридических наук.

Жинко Евгений Васильевич – оперуполномоченный отделения по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции Лидского районного отдела внутренних дел.

Зайцева Людмила Львовна – заведующий кафедрой прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Зарубин Андрей Викторович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Исламова Эльнара Рафисовна – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Карабельникова Анна Сергеевна – помощник директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Касьянова Елена Васильевна – начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Кожевников Олег Альбертович – доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

Козлова Елизавета Александровна – старший помощник прокурора Центрального района г. Минска.

Кондратьев Сергей Вадимович – заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь.

Корнева Татьяна Сергеевна – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Коротич Елена Алексеевна – начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Коршунова Ольга Николаевна – заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Кукеев Аскар Кульчимбаевич – старший преподаватель Южно-Казахстанского Университета имени М. Ауэзова.

Лапцевич Ирина Игоревна – начальник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Луговский Сергей Григорьевич – доцент кафедры конституционного и международного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Лузгин Иван Иванович – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета БГУ.

Малевич Ольга Александровна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор.

Марчук Василий Васильевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Можаева Людмила Евгеньевна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.

Мозоль Ренат Николаевич – старший помощник прокурора Могилевской области по надзору за исполнением законодательства на транспорте и в таможенных органах.

Морозова Александра Андреевна – старший юрисконсульт Правового управления МВД России по Московской области.

Мурашкин Игорь Юрьевич – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокуроров в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Никитин Юрий Александрович – начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Нурпенис Айжання – магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Олейник Анжела Владимировна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Омельянович Вадим Васильевич – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Пацкевич Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Плоскунов Денис Владимирович – прокурор отдела по надзору за соблюдением законодательства органами уголовно-исполнительной системы и принудительного исполнения прокуратуры Витебской области.

Плохов Сергей Владимирович – заместитель начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Поляшук Наталья Анатольевна – начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Рахманова Екатерина Николаевна – заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Рочева Елена Альбертовна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», магистр гуманитарных наук.

Рубцова Майя Викторовна – старший научный сотрудник отдела НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.

Руденя Юрий Евгеньевич – главный специалист управления законодательства о национальной безопасности и правоохранительной деятельности Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Русецкий Олег Валерьевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Савченко Дмитрий Геннадьевич – студент юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.

Савчук Татьяна Анатольевна – доцент кафедры правового обеспечения правоохранительной деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Саковец Игорь Николаевич – заместитель начальника кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Сенкевич Дмитрий Казимирович – начальник отдела по надзору за дознанием прокуратуры Минской области.

Сердюк Александра Юрьевна – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Середа Александр Евгеньевич – ведущий специалист по обеспечению учебного процесса учебной лаборатории криминалистической техники и судебных экспертиз кафедры криминалистики юридического факультета БГУ.

Серова Елена Борисовна – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Судник Татьяна Владимировна – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Терешков Николай Владимирович – прокурор города Сортавала Республики Карелия Российской Федерации.

Трипузова Антонина Антоновна – заведующий сектором правового обеспечения социально-экономического развития Центра государственного строительства и права Института экономики Национальной академии наук Беларуси.

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Хохряков Максим Александрович – директор Института сетевого и онлайн-образования Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент.

Хромушин Михаил Александрович – профессор специальной кафедры Института национальной безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Худяков Андрей Валерьевич – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат политических наук.

Челядинский Сергей Александрович – сотрудник Института национальной безопасности Республики Беларусь.

Чернолевский Алексей Юрьевич – начальник отдела правового обеспечения, информации и работы с обращениями граждан Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Чернышева Людмила Александровна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Чижик Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета.

Чушов Кирилл Викторович – главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Шаркова Елена Анатольевна – ведущий научный сотрудник отдела Института национальной безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Швед Надежда Александровна – заместитель начальника управления методологии защиты персональных данных Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Шпак Сергей Валентинович – заместитель начальника управления по расследованию преступлений против интересов службы и порядка исполнения воинской обязанности следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

Юрочкин Сергей Михайлович – старший прокурор отдела по надзору за дознанием прокуратуры Минской области.

Для заметок

Научное издание

**Надзорно-правоохранительная
деятельность прокуратуры
в условиях глобальной
трансформации систем обеспечения
национального правопорядка**

*Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня образования
органов прокуратуры Республики Беларусь*

Минск, 14 июня 2022 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. Ф. Рослик*

Подписано в печать 03.06.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 15,85.
Тираж 100 экз. Заказ 214.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.